

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

АВСТРАЛИЯ И ОКЕАНИЯ

Юго-восточная часть
Австралии с лежащим
перед нею островом
предназначена
господствовать
со временем над всей
океанической половиной
земного шара.

ВВЕДЕНИЕ

Нет сомнения, что юго-восточная часть Австралии с лежащим пред нею островом (Новой Зеландией) предназначена господствовать со временем над всей океанической половиной земного шара.

Карл Е. Мейнике, 1836

В противоположность французскому обозначению, охватывающему под общим именем Океании австралийский материк вместе со всем обширным островным миром Тихого океана, поскольку он не относится к Индонезии и к юго-восточному берегу Азии, немецкие ученые, не следуя столь широкому определению, все еще разделяют эту громадную область на две половины, противопоставляя австралийскому матерiku Океанию в более узком смысле, как понятие, заключающее в себе только острова Полинезии, Микронезии и Меланезии. В основу такого разделения легли в равной мере как условия антропологическо-географические, так и географические. Оно противопоставляет, с одной стороны, компактной массе австралийского материка разбросанный на обширном пространстве, но очень незначительный по величине своей поверхности островной мир; с другой — противопоставляет австралийцу материка островное население, как нечто сомкнутое, хотя и различное в антропологическом, но благодаря воздействию одинаковых повсюду условий природы значительно сближающееся этнографически.

Для историографии, поскольку вообще может быть о ней речь по отношению к туземным народам Южного моря, едва ли необходимо было бы следовать этому примеру. Хотя между историей народов островных и народов материка существует то различие, что культурное развитие первых достигло повсюду более высокой степени, чем в Новой Голландии; к тому же некоторое небольшое число архипелагов может указать в своем прошлом на известную самостоятельность политического развития, тогда как материк, поскольку это относится к туземному населению, сильно отстал как в той, так и в другой области, — в политическом отношении он, собственно, не выказывает вообще никаких признаков эволюции — тем не менее различие не так уж резко выражено, чтобы обуславливать разделение этой области на две половины. Оно явилось бы неизбежным, коль скоро та или другая половина, выйдя из своих рамок, приняла бы активное участие в исторической жизни остальных народов; или же если бы одна из них подпала под влияние этой последней в значительно большей степени, чем другая. Здесь мы не видим ни того, ни другого. В действительности история всей этой обширной области — от Новой Зеландии на юге до Гавайи на севере и от Новой Гвинеи и Каролинских островов на западе до острова Пасхи на востоке — развивалась изолированно. Лишь крайний запад: Марианские острова с Каролинским архипелагом и Палаусскими островами, западная часть Новой Гвинеи и северо-западная Австралия оставляют по временам эту замкнутость для большей частью беглого и не всегда даже добровольного соприкосновения с соседними, исторически более тяготевшими к распространению народностями; вся же остальная часть, материк и острова, живут своей собственной маленькой исторической жизнью в строго очерченных границах родной страны.

Если при таких обстоятельствах мы тем не менее придерживаемся обычного разделения, то побуждают нас к этому следующие причины. Прежде всего чисто внешние: мы применяемся к господствующему делению, принятому в столь близких к истории отраслях, как география и народоведение. Без настоятельной причины ни одна отрасль науки не должна никогда нарушать или совершенно отбрасывать классификации, принятые в других ее отраслях. Тем меньше повода к этому здесь, где немало времени понадобилось, чтобы вообще добиться ясного и удовлетворительного разделения. Вторая причина — это приведенные противоположности в степени культуры и политической самобытности обеих главных областей. В особенности большое ядро островного мира с Фиджи, Самоа и Тонга и северный и южный столпы, которые представляют собой Гавайи и Новая Зеландия, имеют право быть выделенными на основании своей исторической самобытности. Наконец, последняя и самая важная причина к территориальному разделению находится в связи с теми переменами, которые произошли в Южном море благодаря вмешательству извне. В наши дни над коренным населением, без различия, успело ли оно до-развиться когда-либо прежде до исторической жизни или же прозябало как народ «собираателей», плотно наложился новый, едва насчитывающий немногие столетия, чуждый слой европейцев, американцев, малайцев и восточных азиатов. В Тихом океане он повсюду взял в свои руки колонизацию, а также и руководящую роль в политической и экономической жизни. Но в то время как территориальная ограниченность не дала возможности ни одной из островных групп достичь того значения, которое заметно подняло бы ее в экономическом или политическом отношениях над кругом соседних групп; в то время как каждая из них еще и теперь рассматривается заинтересованными государствами скорее с точки зрения стратегического опорного пункта в многообещающем Тихом океане, развитие австралийского материка с господством пришлых европейцев достигло таких размеров, что в настоящее время, в какое-нибудь десятилетие от начала колонизации, его уже ни в каком отношении нельзя сравнивать с островным миром.

Главное различие состоит прежде всего в полном, впрочем, легко объяснимом устранении туземного населения от сотрудничества; на островах же это население нигде нельзя было отеснить. На небольших островах Микронезии и Полинезии, где колонизаторская деятельность белых ограничивается эксплуатацией

немногих годных для мирового рынка естественных богатств, туземец или хотя бы пришлый океанец является неизбежным сотрудником белого. На центральных группах островов — Фиджи, Самоа и Тонга — население, довольно значительное, оставалось

таким же безучастным к экономическим стремлениям белых, как и туземец материка; но в политическом отношении соприкосновение с чужеземцами не осталось для него без последствий: в то время как до открытия здесь повсюду господствовали формы простого островного государства или совершенно неурегулированные отношения, в течение XIX столетия отдельные группы соединяются в более или менее однородные государства, в которых руководящая роль до самого последнего времени оставалась в руках туземцев. Гавайи и Новая Зеландия вступили на этот путь еще до вмешательства белых; они довершили его затем с удивительной энергией, и лишь в настоящее время соединенными усилиями пришельцев удалось низвергнуть с трудом возведенное государственное здание и отбросить совершенно на задний план коренное население. И если даже благодаря своему прошлому и высоте своей прежней культуры оно никогда не опустится до ничтожного значения австралийцев, то его историческая роль все-таки сыграна раз и навсегда. Дальнейшее развитие обеих островных групп отныне находится точно так же исключительно в руках белых, как и в Австралии со времени высадки их в Ботанибее в 1788 году.

В Новой Зеландии эта перемена наступила значительно раньше, чем на Гавайских островах, благодаря близости австралийского материка, применившего свои молодые силы прежде всего на этом, лежащем как раз у него на виду двойном острове. Между обеими странами завязались вскоре сношения, становившиеся с течением времени все более тесными. Лишь в недавнее время Новая Зеландия несколько отстала, не пожелав присоединиться к осуществившейся наконец федерации австралийских государств. Сохранит ли она надолго это обособленное положение — покажет будущее. С точки зрения географического положения ничто не заставляет ее примкнуть к своему могучему в территориальном отношении соседу; напротив, все скорее говорит в пользу обособленности. Тем не менее ни в каком случае нельзя сомневаться относительно будущего этого двойного острова; его положение как раз у широко открывающегося к югу Тихого океана слишком благоприятно, чтобы на его долю не выпало главное участие в будущей истории Тихого океана.

Своеобразное положение в общей картине занимает Меланезия. Если к ней приложить территориальный масштаб, то ее небольшие острова можно попросту причислить к родственным образованиям Микронезии и Полинезии; так же ничтожны они и в историческом отношении. К более обширным группам, как Архипелаг Бисмарка, Соломоновы острова, Новые Гебриды и Новая Каледония, этот масштаб уже не приложим. Каждая из этих групп по своему пространству и количеству народонаселения могла бы иметь свою историю, по важности соответствующую по крайней мере среднеокеанской. Но что же мы видим? Если оставить в стороне Фиджи, носящие на себе в политическом отношении еще более, чем в антропологическом и этнографическом, печать полинезийскую, ни одна из групп не достигла какой-либо формы государственного устройства, которая бы поднялась над государством-деревней. О сколько-нибудь заметном соучастии в исторической жизни здесь, следовательно, не приходится и говорить. С другой стороны, здесь нет и долготерпения соседнего австралийца» по крайней мере до поры до времени, так как в более широких размерах еще ни одна из этих островных групп не захвачена белыми в смысле насаждения своей культурой. Только тогда, когда это случится, может проявиться и исторический характер меланезийцев. Однако едва ли можно утверждать, чтобы шансы их на более заметную роль, даже в том случае, если бы они, со своей стороны, имели к тому все необходимые данные, были велики, принимая во внимание современные условия на Тихом океане и общее его мировое положение. Благодаря этому последнему Тихий океан в настоящее время оказался в центре общих интересов, и флотилии всех колониальных государств постоянно крейсируют в нем. Таким образом, океанский островной мир уже перестал быть той отдаленной частью земной поверхности, какой он был в прежние времена и даже еще несколько лет тому назад. К этому присоединяется еще сильное

7

экономическое соревнование всех наций также и в этой области; словом, все указывает на то, что туземцам придется с самого начала довольствоваться немой ролью зрителей. Если предположить при этом, что более живые и предприимчивые меланезийцы сумеют противостоять такому оттеснению, какое постигло австралийцев, то, с другой стороны, невозможно допустить и сплочения их в большие союзы хотя бы уже по одному тому, что их разделяет множество наречий, не говоря уже о безграничном недоверии одного племени к другому.

Таково положение дел как по отношению к островным группам, так, еще в большей степени, и в отношении Новой Гвинеи. Этот остров-гигант, превосходящий по величине японское и британское островные государства, взятые вместе, в историческом отношении стоит особняком не только в Тихом океане, но и на всем земном шаре; только Борнео еще несколько напоминает его. Своей обширностью и, по-видимому, также своими естественными богатствами призванная достигнуть владычества над всем индонезийско-океаническим островным миром Новая Гвинея имеет прежде всего ту невыгоду, что лежит в непосредственной близости от несравненно более громадной Австралии, а именно с ее пустынной стороны. Тогда как лежащая с лицевой стороны материка Новая Зеландия почти одновременно с ним была вовлечена в живой ход развития, Новая Гвинея дольше всех других больших островов земного шара оставалась забытой в своем углу. Лишь под напором недавних захватов современных колониальных государств вспомнили и о

ней, причем ее постигла новая неудача, и она не была приобщена к своей естественной соседке — Австралии, а была разделена между тремя государствами, преследующими совершенно противоположные интересы. Хотя противоестественность вещей все еще не очень даст себя чувствовать в настоящее время, но придет пора, когда вся невыгода сделается очевидной. Стороной страдающей является прежде всего сама Новая Гвинея, а затем Австралия. Хотя Британская Новая Гвинея имеет то преимущество, что образует противоположный

Северо-Восточной Австралии берег, положение, которое повсюду и всегда в истории человечества оказывалось выгодным, но зато перед ней не имеется открытого моря, и в этом отношении она оказалась в худшем положении, чем, например, германская часть Новой Гвинеи, — страна императора Вильгельма. Англо-австралийские колонии сознавали, впрочем, невыгоду такого положения еще задолго до начала новой колониальной эры, так как вообще они всегда имели правильный взгляд на особенности и значение своего географического положения. Южное море он любят называть «своим океаном», и всем памятно еще, как на заре колонизации колония Квинсленд предъявила свое «естественное право владения» на все пространство от Новой Гвинеи на западе и до Фиджи на востоке. Это сомнительное тогда для всех наследие взяла на себя теперь великая федерация австралийских государств.

Источники для истории Австралии и Океании различны по характеру и по достоинству, смотря по тому, касаются ли они эпохи до или после нашествия белых. Относительно нового времени, как с полным правом называют здесь период от окончательного открытия островов до наших дней, мы в общем снабжены достаточными сведениями благодаря описаниям миссионеров и путешественников; зато ничего достоверного не имеется для истории всей предшествующей эпохи. В основу развития здесь положены предания, да и те не охватывают всей области, а ограничиваются лишь Полинезией, где они выступают так ярко, как, быть может, ни у одного из примитивных народов. Все летоисчисление построено на родовом начале; у отдельных групп островов роды насчитываются длинными рядами. Так, Раротонга указывает на 30 поколений, Новая Зеландия со времени переселения маори — от 15 до 20, королевская линия Мангарсвы — 27. Гавайи со своими 67 предками Камсаеа I и Нукагива с 88 родами далеко превосходят вышеприведенные цифры; однако, очевидно, к родословной властителей примешиваются поколения богов и духов.

Если на основании вышеизложенного предание как источник грешит неясностью, теряет отчасти свою ценность и является сомнительным, то и по другим причинам им можно пользоваться лишь условно. Какой бы интерес ни представляло для исследователя более подробное изучение отдельной области, на общую историю человечества не может иметь никакого влияния, что как-нибудь два—три вождя, будь они того или другого племени, жили и действовали на каком-нибудь острове, затерянном в далеком Тихом океане. Важно достоверное знание общего их числа лишь тем, что оно дает возможность установить приблизительно начало жизни племени на местах его современного жительства, чем приобретает точка опоры и для установления эпохи первых переселений полинезийцев в Южном море. Выяснением этого вопроса занята первая общая часть посвященных Океании исследований. Вторая, в более узком смысле, историческая часть начинается повсюду только с появлением европейцев. И только с этого времени начинает быть заметной взаимность отношений между Южным морем и остальным миром.

На долю народоведения как вспомогательной исторической науки выпала относительно Океании, пожалуй, еще более трудная задача, чем относительно Африки. Прежде всего только эта наука в состоянии установить отношения между отдельными большими народными группами в самой области; здесь не имеется другого метода, помимо сравнительных антропологически-этнографических наблюдений. Более важной, но и несравненно более трудной является другая задача: решение вопроса о происхождении и этнической связи полинезийцев. Задача эта до сих пор остается нерешенной, несмотря на труды многочисленных исследователей. Можно, однако, не только предположить, но надеяться, что решение будет найдено, и притом при помощи этнографии.

Австралия и Тасмания как части обитаемой земли

АВСТРАЛИЯ

Положение Австралии

ПОЛОЖЕНИЕ Австралии с точки зрения всемирной истории и истории культуры лучше всего характеризуется как конечное или окраинное. В этом отношении она имеет некоторые общие черты с Африкой, особенно с ее южной половиной: подобно тому, как эта последняя к западу выступает в узкий, почти лишенный островов Атлантический океан, а к югу — в пустынное и негостеприимное Антарктическое море, так вокруг западной и южной половины Австралии простирается обширная водная пустыня южных частей Индийского и Тихого океана; и так же, как из всех народностей Африки именно жители ее западной и южной частей остались наиболее чуждыми морю, так и соответствующие области Австралии менее всего в состоянии были приохотить к нему население. Даже в нынешнее, богатое сношениями время, когда белый не оставляет в стороне и наименее привлекательные области, юг и юго-запад Австралии во всех отношениях остаются еще позади других частей материка. Открытое положение Австралии нарушается только к востоку; здесь перед нами богато развитый островной мир, производящий, по крайней мере на наших картах, впечатление большой сплоченности. В действительности же этот восточный островной мир меркнет как перед обширным водным пространством, так и перед материком; со

своим крошечным территориальным протяжением он, не считая Новой Зеландии, не может быть принят в расчет даже в смысле противолежащего побережья, которое могло бы иметь историческое значение для континента.

11

Таким образом, Австралия является самой островной из всех частей света. Она была бы совершенно изолированной от остальных материков, если бы в одном, по крайней мере, направлении, к северо-западу, не лежало между ней и юго-восточным краем Азии несколько более тесное скопление островов в виде Индонезии. Эта островная группа располагает большими массами суши, чем ее океаническое продолжение, и острова в ней расположены теснее, благодаря чему она является как бы мостом для переселения народов. Такую службу эти острова, несомненно, и сослужили; по крайней мере относительно некоторых австралийских растений и животных удалось доказать переход их из Азии; весьма вероятно поэтому, что также и предок нынешнего новоголландца перешел через Индонезийский мост.

Если мы, ввиду подобных обстоятельств, причислим Австралию к Старому Свету, то поступим вполне правильно; побуждают нас к этому, однако, не столько указанные выше важные биогеографические факты, сколько современные государственные и культурные условия Австралии, складывающиеся вполне по образцу культур Старого Света. Однако первые из вышеприведенных соображений представляют больший интерес и имеют большее историческое значение, так как одновременно с Австралией он захватывает в свой кругозор также и всю Океанию, биогеографическая зависимость которой от Азии выступает гораздо резче, чем зависимость Австралии. Путь к этим обеим областям почти один и тот же.

Окраинное положение Австралии создало для ее коренных жителей те же условия, которые мы находим у всех примитивных народов, находящихся в таком же подобном положении: все развитие их культуры носит характер обособленности. Эта неблагоприятная сторона географического положения ничуть не изменяется от разнообразия внутренних форм. Развитие береговой линии, положим, значительнее, чем это кажется на первый взгляд; в сравнении с небольшим пространственным протяжением оно больше, например, чем развитие береговой линии Южной Аме-

12

рики и Африки. Своим расчленением на полуострова Австралия также находится в лучших условиях, чем обе названные части света. Но что за польза туземцам от этих, к тому же весьма скромных, преимуществ, если острова и полуострова так же бесплодны, недоступны и пустынные, как и большинство береговых областей и большая часть внутренней территории самого материка?

Ландшафт

Ландшафт Австралии уже на первый взгляд выказывает большую бедность и однообразие форм. По своему вертикальному расчленению эта часть света представляет большое, на востоке более высокое, на западе более низкое плоскогорье, понижающееся в то же время с севера на юг. Это плоскогорье окаймляется горными цепями только со своих узких сторон. Вдоль восточного берега, от южной оконечности, тянется горная цепь, которая, то приближаясь, то удаляясь, следует на небольшом расстоянии от берега и заканчивается лишь на мысе Йорк. От этого большого водораздела страна медленно понижается в юго-западном направлении к Индийскому океану, прорываясь лишь отдельными горными грядами и горами, которые без связи между собой поднимаются до умеренной высоты. Западная краевая цепь не так высока, как восточная; но, в противоположность последней, она переходит в простирающееся далеко внутрь плоскогорья, богатое продолговатыми соляными болотами. На юге и севере подобные приподнятые глыбовые края отсутствуют. Еще полстолетия тому назад они играли большую роль во взглядах относительно внутренней материка, так как их предполагавшееся существование превращало последнюю в громадный бассейн, в который воды стекали со всех сторон, образуя большое внутреннее море. В настоящее время мы знаем, что север повышается от моря к внутренней под таким ничтожным углом, что реки вследствие слабого и повсюду равномерного падения сильно выступают из берегов после каждого значительного тропического дождя. Еще меньшую разни-

13

цу в высотах мы находим внутри материка на юге; область озер, простирающаяся длинной полосой от залива Спенсера к северу и северо-западу, лежит уже почти на уровне моря.

Водные объекты

В тесной связи с своеобразным ландшафтом находятся водные объекты Австралии. Ни один из ее горных хребтов не является достаточно высоким для того, чтобы скоплением снеговых масс образовать бассейны для постоянного питания рек; но самый значительный и по своему положению самый важный из них — хребет восточного побережья — достаточно высок для того, чтобы не допускать атмосферную влагу ко всей остальной части континента. Перед нами здесь такие же условия, как и в Южной Африке, имеющей в географическом и этнографическом отношении вообще много сходства с Австралией. Как там приподнятый глыбовый край восточного берега осаждаст на своих причудливо изрезанных склонах все испарения, которые несет юго-восточный пассат с Индийского океана, так и вся влага юго-восточного пассата Тихого океана не переходит через край восточно-австралийской горной страны, ко благу колоний Виктории, Нового Южного Уэльса и Квинсленда, на которых зиждется до сих пор и всегда будет основываться экономический и исторический центр тяжести страны, но к несчастью для всей остальной внутренней части материка. Следствием таких односторонних условий осадков является образование только на востоке материка

действительно значительной речной системы. Это система Дар-линг—Муррей, которая из-за отсутствия всякого водораздела внутри страны распространяет область своих истоков на весь западный склон восточно-австралийского прибрежного горного хребта от Нового Южного Уэльса до Квинсленда. На европейский масштаб, пространство, заключенное между обеими реками, объединяет треугольник, углы которого образовали бы-города Турин, Кенигсберг и Бел-

14

град; мы, следовательно, имеем здесь дело с размерами, какие наша родная часть света может указать разве только в своей восточной половине. К сожалению, ни у этих, ни у большинства остальных текущих и стоячих вод Австралии действительное их значение не находится в соответствии с их размерами. Дарлинг, хотя и значительно более длинный, но зато и менее водный рукав, становится судоходным только после больших дождей, и тогда доступен для плоскодонных пароходов приблизительно до места своего пересечения с 30° южной широты. Точно так же и правый приток Муррса, Маррамбиджи, открыт для судоходства лишь в течение нескольких месяцев в году. Только сам Муррей может в настоящее время, с тех пор как на урегулирование его фарватера было направлено особое и постоянное внимание, служить для сообщений во всякое время.

На севере и северо-востоке благодаря осадкам орошение более благоприятное. Мы имеем здесь многочисленные потоки значительной ширины, из которых целый ряд судоходен на коротком протяжении. Но и они не открывают доступа в самую глубь материка. Только мало исследованные еще реки северной территории — Ропср, Дели и Виктория — составляют, по-видимому, исключение, так как они даже для больших судов доступны далеко вверх по течению.

Другую картину представляет весь запад и юг, а также и центр материка. На карте мы находим здесь, положим, многочисленные и, по-видимому, большие речные потоки, но в действительности их не существует. То, что здесь носит название реки, это русла, либо остающиеся большей частью года сухими, либо же, в самом благоприятном случае, представляющие целую цепь широких, разделенных мелями бассейнов, которые даже не всегда одинакового происхождения. Настоящими реками эти образования становятся лишь в период летних дождей, причем они принимают такие размеры, что и в этом случае нигде не служат ко благу страны. Достигая глубины нескольких метров, несутся эти потоки и, пройдя короткий путь, исчезают в вечно ненасытной почве, снова уступив место старой карти-

15

не: как и Африка, Австралия также страна противоположностей. Что касается южного берега, то он не пользуется даже таким сомнительным преимуществом; напротив, до самых устьев Муррея он совершенно не имеет ни одного сколько-нибудь значительного потока.

Что подобное неравномерное распределение орошения этой части света влечет за собой громадные последствия во всех проявлениях ее жизни, очевидно само собой. Непосредственные переходы от самой выраженной засухи к убивающему всякую жизнь разливу вод уже сами по себе достаточны, чтобы низвести целые пространства на уровень пустыни, тем более что и многочисленные внутренние озера подвержены тем же контрастам. Но более важным, чем эти смены, в этнографическом, а тем более в историческом отношении является постоянство в характере материка, а именно удивительная сухость, господствующая над всей страной до ее тропических частей, сухость, которую редкие и быстро проносящиеся дожди делают только чувствительнее. Прежде всего такие засухи являются причиной бесплодности страны; затем они вынуждают туземное население к вечным странствиям вследствие необходимости добывать пропитание. Они же являются, наконец, причиной того, что непостоянные странствующие орды никогда не вырастают до значительных в количественном отношении размеров, так как иначе они не нашли бы достаточного пропитания в скудных запасах почвы. Следствием этого является распадение австралийцев на множество крошечных племен, или орд, у которых нельзя заметить никаких следов настоящей государственности. Рука об руку с этим идет их прозябание, лишенное истории. Впрочем, эта основная черта орошения Австралии проявила свое влияние не на одних лишь туземцах: она же определила и густоту населения белых. В отдаленных от берега местностях колонисту здесь точно так же, как и во внутритропической Южной Африке, необходимо обеспечить себя значительным пространством земли, и нельзя считать случайностью тот факт, что образование государств начиналось в Австралии повсюду с плодородных окраинных областей.

16

Климат

Также и в климатическом отношении сухость является основной чертой природы Австралии. По своему положению между 10° и 40° южной широты Австралия большей своей частью и, к своему несчастью, именно всем продольным протяжением лежит в области южных пассатов. К этому присоединяется еще другое, уже упомянутое выше, неблагоприятное обстоятельство, заключающееся в том, что наивысшего развития горы достигают с климатической наветренной стороны, с чем связано и положение большей части материка вне полосы ветров и дождей. Если внутренние части материка не достигли при таких обстоятельствах той высокой степени пустынности, которую представляет в центре североафриканской области пассатов Сахара, то внутренняя Австралия обязана этим только чрезмерному нагреванию своей почвы и открытому северному побережью. Первое обстоятельство служит причиной образования левого обширного центрального австралийского минимума, который может вызывать северо-западный муссон, несущий дождь, и притягивать его далеко внутрь континента, иногда даже почти до южного берега. К сожалению, это

воздушное течение по пространству, которое оно захватывает, и по своему климатическому значению сильно уступает юго-восточному пассату, благодаря господству которого некоторые области лишаются на многие месяцы каких бы то ни было осадков. Особенно страдает при таких неблагоприятных условиях запад, которого пассат достигает уже совершенно сухим.

Состояние осадков в Австралии подвержено контрастам. It never rains, but it pours (дождь никогда не идет, но льет), говорит поселенец и этим метко характеризует, каким образом тучи проливают небесную влагу: ведь выпало же однажды в Сиднее за 2½ часа 269 мм, т. е. почти четвертая часть всего годового количества. Чтобы сохранить подобные массы воды, растительный покров Австралии слишком недостаточен; они проносятся с более или менее страшными опустошениями и, тотчас же поглощенные почвой,

17

уступают свое место такой же засухе, какая господствовала перед этим.

Температуры также соответствуют общей картине. На окраинах близость моря хотя и смягчает несколько контрасты, но тем не менее в Перте, например, максимальной температурой в 44,4 °С противопоставляется 0,4 °С. Внутри материка, напротив, господствует вполне выраженный континентальный климат; здесь днем температура поднимается до 50 и более градусов по Цельсию, тогда как ночью лужи воды покрываются довольно толстой ледяной корой: в Австралии ночь как бы заменяет зиму. Насколько легко европейцу удалось подладиться под эти особенности климата, настолько же беззащитным стоял всегда перед ними туземец. К мучительным заботам о ежедневном пропитании и прежде всего о живительной влаге присоединяется, по крайней мере во внетропических областях, другая, не менее тяжелая забота — о крове. Поистине, для существа, столь зависимого от природы, как австралиец, эта тройная забота более чем достаточна для того, чтобы убить всякую мысль о высшей духовной жизни даже у самых разумных из них.

Растительный мир

В борьбе за существование австралиец находит в растительном мире своего отечества поддержку, хотя и относительную, но все же большую, чем в животном мире. Австралийская флора богата видами, как и все степные страны: она их насчитывает, например, больше, чем Европа; но сухая, лишенная упругости и сочности, флора по характеру своему ни в чем не уступает общему характеру страны. Этой чертой отличается австралийское дерево с жесткой вечнозеленой, но бледной и лишенной блеска листвой и скудной тенью. Эта же черта еще в значительно более выраженной степени свойственна типичной австралийской кустарниковой степи, скрэбу, цепкому, серому хаосу жестких, сухих кустов, с которым с трудом справляется даже огонь и который ставит человеку на пути больше преград, чем самая

18

роскошная тропическая растительность. Тот же характер жесткости и сухости проглядывает далее и в каждом стебле спинифекса, или колючей травы австралийской степи, с ее сухими, острыми, как лезвие ножа, травами. И, наконец, мы его встречаем наиболее резко выраженным в тех прорезываемых дюнами, соляными равнинами и каменистыми пространствами областях, где степь превращается в пустыню и где лишь поразительная неприхотливость некоторых трав и колючек ухитряется спасти местность от полнейшей оголенности.

По отношению к населению Австралии значение этих растительных форм совершенно различно. В плане доступности лес и травянистая степь стоят на одной стороне, скрэб и спинифексовая степь — на другой. Лес, или, чтобы выразиться правильнее, австралийская роща с ее далеко отстоящими друг от друга стволами и отсутствием подлесья, никогда не представляла препятствий для передвижения ни туземцам, ни белым; напротив, обилием травы, которая беспрепятственно разрастается повсюду между гладкими, лишенными ветвей стволами, она образует настоящий ковер, по которому поселенцы могли пробираться к многообещающим пастбищам внутри страны. На этих безлесных лугообразных областях, ограничивающихся юго-восточной и северной частью внутренности материка, находится в настоящее время экономический центр всей страны, так как исключительно ими держится самая обширная и самая важная из составляющих ее промышленности — скотоводство.

Ничего подобного не представляют обе другие растительные формы. Известно, что именно непроницаемость скрэба была одной из главных причин, замедлявших исследование Австралии; целые недели и даже долгие месяцы бродили самые отважные путешественники вокруг неизмеримых зарослей, не находя прохода сквозь их цепкую массу. Но и бесконечные равнины, поросшие спинифексом, с их приветливым, напоминающим волнующие нивы видом представляют не очень приятный путь для путешественников. Их травяные стебли сухи, жестки и непригодны как корм для скота, а листья так остры, что до крови ранят ноги

19

всякого, вздумавшего пробираться через эти равнины, являющиеся, таким образом, препятствием для сношений. Для европейца эти растительные формы не имеют в экономическом отношении пока никакого значения. Впрочем, при помощи колодцев уже давно и с большим успехом стараются сделать сухие травянистые степи более пригодными, а в будущем, несомненно, попытаются культивировать как кустарниковую, так и покрытую спинифексом степи. Увенчается ли затраченный труд успехом, является весьма сомнительным. От этих двух видов растений нечего ожидать туземцам: они были для него недоступны до сих пор и в будущем не дадут ему ни пищи, ни крова.

Питательными растениями снабдила туземца его родина не так уж скудно, как это может показаться по

прежним описаниям. Хотя характерные для степных стран вообще луковичные растения и отступают в Австралии на задний план, но вместо них в распоряжении неразборчивого австралийца имеется множество других растений: корни, дикие злаки, грибы, ягоды и цветы, так что, собственно, о недостатке в пище не может быть и речи. Предположим, добывание этих растений при скудности природы дается туземцу нелегко; но даже белый поселенец не может надеяться сделать когда-либо земледелие, а не скотоводство главной отраслью хозяйства.

Животный мир

Менее всего обеспечивает австралийца мир животных, который, соответственно общему характеру природы материка, весьма небогат; и это обстоятельство становится тем более роковым, что он не дал ни одного домашнего или полезного животного. Немногие животные, которые могли бы быть пригодны для таких целей, считаются все слишком дикими. Динго, единственное из млекопитающих, доступное приручению, по всей вероятности, было ввезено уже как прирученное и лишь впоследствии одичало. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что охота при быстроте бега всех животных, могущих представлять в этом

20

отношении интерес, является для туземца при его несовершенных орудиях предприятием слишком трудным; ни одна из многочисленных хорошо вооруженных европейских экспедиций не могла никогда этим путем добывать себе средства пропитания. Кроме того, охота затрудняется еще тем, что значительная часть животных Австралии принадлежит к ночным.

Переселенец сумел обойти роковое для туземца обстоятельство тем, что ввез европейских домашних животных. Они все отлично акклиматизировались, размножились поразительным образом и составляют в настоящее время весьма ценную часть национальных богатств; наряду с развитием добычи металлов скотоводство больше всего способствовало поразительно быстрому росту колоний.

Полезные минералы

Туземца совершенно не коснулись только что упомянутые минеральные богатства его страны. Ему незнаком даже, как бушмену Южной Африки, холодный способ обработки какого-либо металла; европеец застал его в полном смысле человеком каменного века, отчасти даже еще более ранней ступени. Но тем ревностнее принялись белые за обработку минеральных сокровищ Австралии. Открытие золотых россыпей в середине XIX столетия проводит, без всякого сомнения, самую резкую границу в истории колоний. Еще и теперь, когда золотая лихорадка понизилась до нормальной температуры, металлическое производство имеет тем большую важность для развития и значения Австралии при имеющем большое будущее Тихом океане, чем неоспоримее ее богатства другими полезными минералами, главным образом углем и железом. Восточная часть материка, находящаяся во всех отношениях в более благоприятных условиях, и тут берет естественный перенос: она является областью, наиболее богатой углем. Таким образом, в истории материка восток и север должны играть в будущем еще более видную роль, чем играли до сих пор.

21

ТАСМАНИЯ

О природе Тасмании можно сказать немного. Представляя собой прямое продолжение гор восточно-австралийского побережья, она, как по характеру поверхности, так и относительно животного растительного мира, имеет большое сходство с юго-восточной частью материка. Как по этой причине, так, главным образом, и по геологическим условиям ее нельзя отделить от континента, в сравнении с которым она, впрочем, в климатическом отношении поставлена в более благоприятные условия. Она не подвержена ни резким контрастам температуры, ни непостоянству орошения; сравнительно обильные осадки распределяются на весь год, а температура колеблется в границах мягкого, умеренного морского климата. Имеющиеся в изобилии текучие и стоячие воды никогда не иссякают, а растительность такая роскошная, какая на материке встречается разве в тех областях Виктории, которые находятся в наиболее благоприятных условиях. Таким образом, собственно Тасмания заслуживает названия «счастливой Австралии», которое дается юго-восточной части материка.

Если на первый взгляд кажется странным, что на такой благоприятной почве туземец не достиг в культуре более высокой ступени, чем австралиец, то объяснение этому нетрудно найти. Прежде всего, при тесном родстве тасманийца с австралийцем, их духовные задатки одинаковы. В области народной психологии также имеет силу закон инерции; более благоприятные условия жизни тасманийца парализовались вследствие большей обособленности и замкнутости страны. Лес и море, врезающиеся многими бухтами глубоко в страну, хотя и доставляли туземцу пропитание в изобилии, но Тасмании еще более, чем Австралии, недоставало противоположного побережья, которое было бы носителем или источником новых культурных приобретений. Побережье материка в качестве носителя культуры не могло быть принято во внимание; общение же тасманийца с морем было самое ограниченное: оно завело бы его только в водную пустыню.

22

Население Австралии и Тасмании

Как же обстоит дело с жителями этих стран, внешние условия которых, как проводника исторического развития, мы только что описали, с носителем их истории? Какое положение в истории человечества занимает коренной житель? Абориген ли он или же он пришел извне? Имеются ли

родственные ему народы и где их следует искать? И каково, наконец, современное чужеземное население этой части света?

МЕСТО АВСТРАЛИЙЦЕВ В АНТРОПОЛОГИИ

ОТНОСИТЕЛЬНО антропологического положения австралийцев в настоящее время существует полное единогласие. Их одинаковый повсюду образ жизни, одинаковая степень развития, одни и те же нравы и до известной степени также сходство языков могли заставить видеть в них единую расу, которую нельзя было приобщить ни к малайской, ни к папуасской расам. И только антропологическое исследование показало, что этого единства расы на самом деле не существует и что туземное население Австралии представляет, скорее продукт смешения по крайней мере двух очень различных элементов. Этот взгляд основывается прежде всего на различии в цвете кожи и росте волос, а также и в складе лица. Цвет кожи колеблется между выраженно-желтым и бархатисто-чср-

23

ным с многочисленными промежуточными переходами, между которыми темно-коричневый цвет является самым распространенным. Характер волос при постоянно наблюдаемой наклонности виться также колеблется между прямым волосом и негроподобной шерстистостью. Наконец, склад лица и форма черепа проявляют различия столь многообразные, что даже у народов с доказанной сильной примесью чуждой крови он не проявляется сильнее. Толстый как у негра нос у одних, типичный семитский нос у других являются здесь крайними формами. Таким образом, нужно считать установленным фактом то, что в образовании типа австралийца принимали участие: один более темнокожий шерстисто-волосатый народ и другой — более светлокожий прямоволосый.

Но откуда их происхождение? Оба народа не могут, само собой, быть в одно и то же время аборигенами; сама природа Австралии, по-видимому, исключает возможность того, чтобы она могла явиться колыбелью хотя бы одной расы. Откуда же взялись в таком случае оба элемента, послужившие к образованию смешанного типа народов, и который из них появился раньше на первозданной почве?

Ключ к ответу мы еще и теперь находим на северном берегу Австралии — в существующих еще и поныне сношениях малайцев с северо-западом и в непосредственном соседстве Новой Гвинеи с ее папуасским населением, которое также охотно перемещается к югу по группе островов Торресова пролива. Едва ли мог существовать другой путь для прилива папуасско-меланезийской или, говоря вообще, негроидной примеси, как через Новую Гвинею. Малайской же расе были открыты два пути: прямой — индийский островной мир, по которому еще и в настоящее время поддерживается сообщение, и обходной — через Полинезию.

Доказательств тому, что пользовались этим вторым путем, у нас нет; но из этнографии Новой Гвинеи нам известно, что в ее населении есть заметная примесь малайско-полинезийской крови. Однако то, что доказано как факт для Новой Гвинеи, возможно и для Австралии, так как условия пути из Полинезии к обеим странам почти одинаковы.

24

Вопрос о приоритете отступает на задний план перед разрешением главной задачи. Едва ли даже возможно ответить на него, так как переселение и тех и других в Австралию нельзя никоим образом считать событием, совершившимся одновременно; оно могло происходить в виде продолжительного или же многократного прилива. Известная одновременность при этом неизбежна.

И с другой точки зрения, вопрос о приоритете отступает перед вопросом о преобладании той или другой составной части. Словом, дело заключается в том, чтобы установить причины неспособности нынешнего австралийца к мореплаванию — качество, которое помешало ему населить хотя бы один из соседних островов, не говоря уже о более отдаленных противоположных побережьях, за исключением Тасмании, доступ к которой облегчила ему густосплоченная группа островов Бассова пролива. Мы видим, что негры и все темнокожие народности на южной окраине Азии страдают той же боязнью моря; когда уже при этом примешь во внимание, что меланезиец, несмотря на то, что природа его теперешнего местожительства побуждает его к судоходству, далеко не может считаться настоящим моряком, то прежде всего появляется предположение, не негроидной ли крови в своих жилах обязан австралиец сильной привязанностью к суше. До известной степени это предположение, несомненно, справедливо, ибо закон устойчивости имеет силу также и в области народной психологии. Однако нельзя взваливать ответственность на одно только наследие папуасской крови, с одной стороны, в виду высокой степени отчужденности австралийца от моря, а с другой — вследствие довольно значительных способностей к мореплаванию меланезийца, стоящего на первом месте.

Эту вторую причину найти нетрудно. Она вытекает сама собой из бедной и негостеприимной природы страны, создавшей чрезвычайно скудные экономические условия для ее коренного населения. Кто, подобно ему, должен посвящать каждый момент заботе о насущном хлебе, вынужден, не зная покоя, следовать с места на место за убегающей дичью, у того не найдется ни времени, ни охоты сохранить

25

или развить в себе еще больше такое искусство, как мореплавание, которое требует постоянного упражнения и в применении которого в новой стране не представляется крайней надобности. И даже если бы примесь малайской крови передала молодой расе склонность к мореплаванию, которой мы удивляемся еще и теперь у полинезийцев и западных малайцев, австралийский материк сумел бы и их уничтожить: он всегда являлся страной материальных забот, а вместе с этим и постоянного регресса.

Потеря способности к мореплаванию составляет лишь один из признаков этого регресса. Отчужденность от внешнего мира, явившаяся как ее последствие, была первым толчком к существованию, лишенному истории, в котором Австралия прозябала тысячелетия со времени ее заселения. Причину этого нельзя искать в отчужденности материка: другие, также совершенно оторванные от мира, народы сумели подняться до исторической и культурной ступени. Не разобщенность с остальным миром, не неподвижный покой, в котором пребывает Австралия как краеугольный камень Старого Света между Индийским и Тихим океаном, были виной совершенного отсутствия исторического саморазвития — причина этого заключалась в полнейшей невозможности вызвать на скудных равнинах этой страны истинную народную жизнь; правда, европейцы, когда впервые появились там, застали некоторые попытки создать ее, но попытки эти могут быть признаны только карикатурой на государственную организацию. ..

МЕСТО ТАСМАНИЙЦЕВ В АНТРОПОЛОГИИ

В смысле государственного развития и тасманиец недалеко ушел. Так как природа его страны богаче источниками существования, чем Австралия, то не в экономических условиях может лежать причина такого факта. То же самое относится и к ничтожному развитию судоходства. Объяснение этому нужно искать только в более тесном родстве тасманийца с меланезийской народной группой, на кото-

26

рое указывают все исследователи. Оно выразилось, во-пер-вых, в строении тела; затем — в неспособности папуасов возвыситься над государством-деревней. Новая Гвинея представляет для этого лучшее доказательство.

БЕЛЫЙ

Белый не принадлежит к этой части света, но он подчинил се себе в экономическом отношении и сделался истин- -ным носителем ее истории, в противоположность туземцу, не способному освободиться от тяжелых оков, наложенных на него природой. История эта насчитывает теперь немногим более одного столетия — промежуток времени, который в жизни народов едва заметен; но она успела уже претерпеть достаточно превратностей, хотя в этом отношении остается далеко позади сравнительно с похожей на нее своей внешней стороной историей Соединенных Штатов Америки. Австралия до сих пор шла удобным путем колонии; бури начинаются всегда лишь с первыми мечтаниями о самостоятельности.

В противоположность Америке, которая уже столетие играет роль плавильной печи для почти всех рас и народов земного шара, пришлое население Австралии, Тасмании, а также Новой Зеландии составлено необыкновенно однородно: оно состоит почти исключительно из британцев, в ряду которых представители других наций почти исчезают. Даже сто тысяч немцев не изменяют существенно этой картины, тем более что их ассимиляция с остальным населением является лишь вопросом времени; китайцы же, как никогда не пускающие корней в стране, вообще не могут быть приняты в расчет при развитии жизни этих государств. Этнографическое единство белого населения Австралии имеет для британской мировой империи громадное значение. Пока положение Англии как влиятельной державы (сравни отдел в конце тома) на Индийском океане самое благоприятное; но при стремлении остальных западно-европейских метрополий укрепить свои

27

ретенные владения и вообще расширить свое влияние, главным же образом в виду опасности, которая грозит Индии с севера, со стороны русских, положение это может со дня на день ухудшиться. Такой же оборот для Англии (и всех других европейских метрополий) может принять положение дел и в Тихом океане. Здесь же прорывтие среднеамериканского перешейка представляет для Соединенных Штатов перед другими государствами такие выгоды в стратеги^ ческом и экономическом отношениях, что грозит дать им в Южном море сильный перевес над всеми другими соперниками. При данном положении вещей больше всех на карту поставила Англия. Поэтому необыкновенно благоприятно для Альбиона то обстоятельство, что краеугольный камень, на котором, с одной стороны, зиждется ее преобладание в Индийском океане, и который, с другой стороны, служит главным посредником британских интересов в Тихом океане, не только принадлежит Англии, но и составляет как бы часть самой Англии. В образе мыслей и действий, в образе жизни и в нравах метрополия и колония похожи друг на друга, как две капли воды; даже в одежде колония не находит нужным считаться с непостоянством климата Австралии: цилиндр и на улицах Сиднея и Мельбурна считается единственным допустимым головным убором.

Для метрополии чувство полнейшей солидарности должно иметь нечто необыкновенно успокоительное. Она сознает, что и составляет со своей колонией одно культурное целое, и из этого выводит как само по себе понятное, что и в остальных областях народной жизни должно существовать такое же единство. Это сознание настолько сильно, что даже самый недавний и самый великий из всех австралийских политических шагов — объявленное 17 сентября 1900 года соединение их в один государственный союз (Commonwealth of Australia), — считается в Англии актом, вполне соответствующим великобританским интересам. За таким взглядом, выражающим полнейшее доверие, нельзя не признать нравственного преимущества, но, с другой стороны, он более чем рискован. Что, если это сплочение, несмотря на всю лояльность, есть не что иное, как первый шаг

28

к политической независимости? Иосиф Чемберлен, несмотря на все темные стороны своей нравственной личности, несомненно, дальновиднейший из всех английских государственных людей настоящего времени,

заявил в публичной речи, что подобный шаг, даже мысль о нем, совершенно выходит из границ возможного; но в жизни современных народов экономические интересы превышают все другие соображения и буквально служат показателем международных отношений; припомним также отпадение Соединенных Штатов, которые в этнографическом отношении стояли в таких же благоприятных условиях к метрополии, как и Австралия, и мы едва ли согласимся с точкой зрения английского министра.

Слабый луч надежды, если бы для Англии в этом когда-нибудь представилась надобность, можно было бы видеть в явлении, которое еще интереснее с точки зрения исторического развития, чем в качестве фактора, могущего иметь серьезные последствия для колониальной политики, в физических и духовных отклонениях, которые замечаются у белых поселенцев Австралии (и Новой Зеландии). Замечательная перемена во всем физическом облике, происшедшая с белой расой в Северной Америке, всем известна. Она в настоящее время дошла до выработки особого типа — янки — длинной сухой фигуры на американский лад, едва напоминающей прототип эмигрировавшего европейца. Даже по цвету кожи и росту волос янки начинает уклоняться от своих европейских родичей и приближаться к туземцу-индейцу. Подобные же изменения, вполне выяснить которые мы еще не в состоянии, хотя главную причину таких отклонений можно было бы искать в климате, испытал на себе британец также в Австралии и в Новой Зеландии. Уже в 1876 году, спустя только треть столетия после заселения Новой Зеландии европейцами, А. К. Ньюман, по свидетельству Генриха Шуртца в его «Истории примитивной культуры», указывал на образование особого новозеландского типа, »ы разившегося в сужении нижней челюсти, уменьшении зубной луночки и неправильности зубов. Нет недостатка и в других изменениях. «Светлая окраска англичан уступает ме-

29

сто у молодого новозеландского поколения более вялым и стушеванным тонам. Замечен удивительный факт, что в Новой Зеландии очень немногие дети рождаются с темными глазами и волосами: какими бы брүнетами ни были их родители, хотя бы с совершенно черными кудрями и черными глазами, их потомство с каждым разом будет иметь все более бледные окраски. На австралийском же материке, напротив, блондины, по-видимому, уступают место брүнетам». Заметно проявление и влияние более жаркого климата на человека как в Новой Зеландии, так, особенно, на австралийском материке. «В Австралии, — говорит Ньюман, — под влиянием свирепого солнечного зноя дети быстро развиваются, но они так же быстро увядают, подобно оранжерейному цветку, и их духовные и физические силы исчерпаны уже в возрасте, когда англичанин еще в полной силе своей молодости. Молодежь Новой Зеландии и австралийских колоний слабее и физически, и духовно, чем население того же возраста ее прежнего отечества; она менее вынослива, тяжелая работа и лишения ее быстро истощают. Этот колониальный отпрыск отличается слабой физической устойчивостью; каждая болезнь быстро сваливает его с ног, и поправляется он медленно. Н женщины также отцветают быстро. Подобно янки, и австралийцы представляют в большинстве случаев высокую развитую фигуру со слабой мускулатурой, чему они обязаны насмешливой кличкой «хлебный колос (cornstalks)». Для настоящего времени это явление интересно только с антропологической точки зрения; для проявления его исторического влияния прошло еще слишком мало времени. Но если бы возник вопрос относительно политической автономии колоний, то не исключена возможность, что умножившаяся те¹ временем сумма только что перечисленных отрицательных признаков заставит решить его не в пользу австралийцев.

Из истории австралийцев ДОЕВРОПЕЙСКИЙ ПЕРИОД

ОДНО из самых великих приобретений XIX столетия в области народоведения — искусство восстанавливать по доисторическим находкам историю народов, давно отживших, существовавших во времена, исключаяющие возможность преданий и летописей, — к Австралии неприменимо. Этим еще не сказано, что подобные находки не были там сделаны: напротив, эта часть света имеет свои кучи золы до 3 метров высотой и часто в несколько сот метров в окружности, содержащие остатки костей и каменные топоры; такие кучи, *mijnjong*, часто встречаются в Южной Австралии и Виктории, у озера Конневар, и представляют полную противоположность кеккенмдингерам Дании и *sambaqui* Южной Америки. Встречаются также большие кучи раковин вблизи побережья; имеется даже настоящая искусная постройка с претензией на доисторическую эпоху. Этим действительно древним архитектурным памятником является каменный лабиринт Бриварины по верхнему течению Дарлинга, около 100 км выше Боуркс. Он состоит из каменного, длиной около 90 м, барьера, тянувшегося поперек реки по скалистому фундаменту. От этой поперечной плотины отходит, на протяжении приблизительно 100 м вверх по течению, целый лабиринт каменных стен, назначение которых было облегчить ловлю идущей вверх и вниз по реке рыбы. Сверх того, стены образуют круглые бассейны в 2—4 фута в диаметре, из которых некоторые связаны между собой сильно извивающимися ходами, тогда как другие имеют лишь один выход.

31

■

Эти стены, по свидетельству Эмиля Юнга, так прочно сложены из громадных камней, что бурные воды, несущиеся над ними иногда на высоте 20 футов, в состоянии были бы сместить разве только верхние слои.

Выводы, которые мы можем сделать из существования mirnjong'ob и раковинных куч, особенно из Бриваринского лабиринта, бросают некоторый, хотя и небольшой, свет на древних австралийцев. Каждое из этих трех явлений прежде всего говорит в пользу того, что население, по крайней мере на юго-востоке, должно было быть в прежние времена значительно плотнее, чем ко времени появления европейцев; в противном случае наслоение отбросов заставляет предположить такой период времени, о продолжительности которого мы не в состоянии создать себе никакого представления. Точно так же и такая постройка, как лабиринт, может быть объяснена только тем, что над ней работали массы людей, тем более что материал для постройки должен был добываться издалека. Кроме того, такая постройка могла быть сооружена только населением, имеющим известную организацию; австралийские бродячие шайки настоящего времени не были бы способны на такой общественный труд.

Еще и другое явление подтверждает наш взгляд на численный и культурный регресс австралийцев. Челноки, как жалки они ни были, и даже если состояли только из куска коры, связанного на обоих концах и расширенного в середине посредством вставленной палочки, или просто из связанных наподобие плота ветвей, всегда бываю снабжены огнем, разведенным посреди челнока на кучке глины. Этот огонь, служащий в настоящее время только для того, *что-бы тотчас же варить пойманную рыбу, наводит своим постоянным присутствием на мысль, что он представляет не что иное, как пережиток прежних времен, когда предпринимались серьезные морские плавания и когда брать его с собой было вполне уместно. Это правдоподобное доказательство того, что уменьшилось как число австралийцев, так и степень их культуры, но оно в то же время есть и единственное, что можно поза-

32

нмствовать из всего, о чем свидетельствуют страна и народная жизнь. Приобретение это невелико, однако и оно показывает, насколько значительно преобладание неблагоприятных физических условий над силами и способностями туземцев. С каким периодом времени нам здесь приходится считаться и не были ли виновны в этом регрессе также и климатические ухудшения, пока еще судить невозможно. Ничего невероятного здесь нет.

Из всего сказанного ясно, что историю австралийца и тасманийца можно проследить только с момента его столкновения с белой расой; о действительном развитии, которое можно установить у всех народов, за исключением немногих окраинных народов на севере и юге земного шара, здесь не может быть и речи. Слово «история» собственно здесь не применимо — то, что принесли с собой европейская культура и белая раса, в сущности лишь единовременный акт: медленное, но неизбежное вымирание всей расы. Способ вымирания различен, результат же всегда один и тот же.

В физической географии выражение «географические]омологии» есть обычное понятие. Его заимствовали у сравнительной анатомии и им обозначают повторение одних и тех же-форм, будь это в горизонтальных очертаниях или в возвышениях почвы, как мы их находим на ландшафтах пашей земли. Самая известная из таких гомологий — это поразительное сходство в очертаниях Южной Америки, Африки и Австралии, которые, говоря словами Оскара Пешеля, являют такое однообразие форм, как если бы они были сработаны по одному шаблону. Мы не станем касаться здесь ближайшего расследования этого сходства; лишь на выходящей далеко за пределы одних линий аналогичности южных оконечностей этих частей света мы ненадолго остановимся.

Выклинивание к Антарктике, свойственное всем трем материкам, если к Австралии мы причислим и острои Тасманию, рассмотренное с чисто морфографической точки зрения, есть не что иное, как результат каприза в тектонике линий; сокровенный смысл и причина этой формы ли-

33

ний остались скрытыми даже для таких ученых, как Александр Гумбольдт и Оскар Пешель. Влияние этих одинаково и резко выступающих в океан оконечностей, прежде всего в области геофизики, а затем и в антропогеографическом отношении, очень велико. Их положение и форма обуславливают характер всей циркуляции морских вод в южном полушарии. Это, в свою очередь, оказывает влияние на характер климатических условий и, таким образом, имеет решающее значение для большей или меньшей обитаемости материков южного полушария. В антропогеографическом отношении выклинивание влияет лишь в отрицательном смысле. Оно приводит жителя этих оконечностей к самому отдаленному южному краю ойкумены, отрезает его к северу от культурных центров человечества и ограничивает его, кроме того, в пространственном отношении в этих все суживающихся к югу областях. Еще более роковое влияние оно оказывает в морском отношении. Могучее безграничное водное пространство охватывает каждую из этих оконечностей, не нарушаясь ни одним островом; каким образом решился бы первобытный человек ступить на море там, где даже высоко развитое судоходство не может процветать без противоположного побережья? Но гомология идет еще дальше, для Африки и Австралии — в полном объеме, для Южной Америки — в более скромном. На этот раз она выражена в судьбе туземцев под влиянием столкновения с белой расой. Как поступала эта последняя с бушменами и готтентоттами в Южной Африке, указано в другом месте, точно так же и результатом продолжавшейся два с половиной столетия губительной борьбы является то, что обе эти народности едва ли заслуживают теперь даже названия руин. Туземец Южной Америки до сих пор находился в лучших условиях; хотя для патагонцев и арауканцев столкновение с белыми пришельцами не прошло бесследно, тем не менее им все-таки удалось сохранить свои племенные особенности и остаться

свободными и независимыми. Однако ни один проницательный человек не будет думать, что это следствие бла-

34

юродства креолов; то, что предохраняло до сих пор индейцев от гибели, это только юность американского государства и невозможность для белого заполнить собой это обширное пространство.

ИСТОРИЯ ТАСМАНИЙЦЕВ

Не такова судьба австралийцев и тасманийцев. Последние уже четверть столетия как совершенно вычеркнуты из списка живых народов; первым еще только предстоит подобная судьба, но, по всей очевидности, она неизбежна. Тасманийская трагедия не только по своему исходу самая серьезная, но она имеет печальное преимущество располагать массой потрясающих подробностей. Начало ее выпадает на 4 мая 1804 года, когда мирные туземцы, приблизившиеся к новому поселению Гобарт, были встречены со стороны английских солдат картечью; можно упомянуть еще 13 июня 1803 года — день, когда первая партия подонков английского общества высадилась на том месте, где теперь лежит главный город страны, Гобарт. Это год рождения тасманийки Труканини, или Лалы-Рук, которой суждено было пережить всех своих единоплеменников; она умерла в 1876 году. Итак, агония целого народа продолжалась как раз период одной человеческой жизни.

Гибель тасманийцев происходила не без упорного сопротивления с их стороны. Мирные, простодушные и веселые по природе, они долгие годы сносили дурное обращение ссыльных и колонистов, не преступая законов самозащиты; лишь с 1826 года, доведенные до полного отчаяния, они начали добросовестно отплачивать за обращение, которому подверглись, убивая из своих мучителей всех, кто только попадался им в руки. 22 предыдущих года не только не составляют славной страницы в истории английской колонизации, но вообще не служат чести человечества. Уже в первые годы заселения острова неприязненные отношения, виновниками которых, даже по официальным признаниям, всегда являлись белые, достигли такого предела,

35

а притеснение туземцев так усилилось, что в 1810 году пришлось издать специальный закон (collins), по которому убийство дикаря должно было наказываться как действительное преступление. Однако, подобно многим другим мероприятиям, направленным колониальной политикой Европы в защиту примитивных народов, и этот закон остался совершенно без применения, так как нечего было и думать, чтобы показания чернокожих, на которых привыкли смотреть как на бесправных, могли иметь когда-либо законную силу. Туземцев, напротив, подстреливали, как и раньше, где только находили, а жен их ловили или завлекали, чтобы делать из них сожителей.

Рука об руку с этой охотой на туземцев шло по мере развития колонизации все усиливавшееся ухудшение прежних условий их жизни. До появления белых море со своим неисчерпаемым рыбным богатством, изобилием раковин и других морских животных доставляло туземцам почти все их пропитание; но по мере того, как росла колония, основывались и расцветали города, как все дальше проникали колонисты, умножались и расширялись пастбища, уменьшалась и область, оставленная туземцам. Прежде всего их оттеснили от побережья. Для тасманийцев это было вопросом жизни и смерти, так как внутренность острова по своей дикости и суровости и по недостатку в средствах пропитания была непригодна для жительства; и вот становится понятным, как даже эти, сначала столь боязливые люди, в своем отчаянии превратились в настоящих героев и старались вредить своим мучителям, где и как только могли.

«Победа» далась англичанам недешево. Оттесненные насильно внутрь страны туземцы очень скоро так близко ознакомились с этой изрезанной ущельями и густо поросшей местностью, что с трудом давались в руки. По свидетельству Чарльза Дарвина, они спасались от своих преследователей тем, что бросались ничком на черную землю или стояли совершенно неподвижно, так что даже на довольно близком расстоянии их нельзя было отличить от ствола высохшего дерева. В виду такой тактики англичане сочли

36

нужным наконец прибегнуть к другим мерам: было объявлено, что туземцам запрещается переходить известную границу. Тогда же, в 1828 году, им было предложено убежище (reservation), где они, затравленные и преследуемые, могли бы мирно владеть свое существование. Обе меры остались безуспешными. Первая не могла быть доступна чувству этого народа даже в том случае, если бы он понял ее по смыслу; для второй же было уже слишком поздно: туземцы не были больше чувствительны к хорошему обращению, европейцы не были склонны вести себя миролюбиво. Таким образом, все вернулось опять к прежнему порядку. Были назначены премии за подстреленного и пойманного туземца и, как и следовало ожидать, премии немалые за каждую голову столь ценной дичи; привозились даже туземцы из Австралии, чтобы вернее выслеживать врага; наконец, когда и это не привело к желаемому результату, губернатор полковник Артур, отец всех этих мероприятий, попробовал устроить грандиозную облаву: выстроив линию стрелков от одного берега к другому через весь остров, решили согнать всю «дичь» на узкий полуостров. «Трофеями» этого предприятия, обошедшегося метрополии и 30 000 фунтов стерлингов, явились два, по другим сведениям, — всего один туземец.

С неудачей этого последнего предприятия Артура история страданий тасманийцев вступает в новую фазу. Отныне хотя и бескровная, но не менее роковая, чем предыдущая, она нераздельно связана с именем Георга Августа Робинзона. Этот странный человек, простой плотник из Гобарта, не умевший правильно писать по-английски, предложил, после того как все воинственные предприятия ни к чему не привели, добиться

мирным путем выселения туземцев. Известно, как он разрешил принятую на себя задачу. То, что не удалось в течение многих десятков лет кровавым усилиям целой многочисленной колонии, того достиг он один, невооруженный, одними мирными переговорами, доказав этим вполне, как легко было бы ужиться с тасманийцами, если бы была на то добрая воля. Результатом посредничества Робинзона было водворение

37

одного племени на Лебедином острове и трех других на острове Ген Керриедже. Впоследствии (1843 г.) все туземцы были соединены на острове Флиндерс. «Племена» были к тому времени не очень уж многочисленны; порох и свинец, венерические болезни и оспа слишком успешно хозяйничали в течение истекших 40 лет. Для 1804 года можно принять численность туземного населения в 8000 душ; в 1815 году их насчитывали еще 5000. В 1830 году их было около 700, а для 1835 года указывают 250 или 111 душ. В 1847 году, когда оставшихся в живых перевозили на Ой-стер-Кевкналед'Антрекасто, их было 45, а в 1861 году — 18. Последний тасманиец, король Билли, или Вильям Лан-нс, умер 34 лет от роду в Гобарте в 1869 году, а в 1876 году, со смертью Труканини, угасло окончательно племя тасманийцев: судьба, которая ожидает все примитивные народы при соприкосновении с культурой.

Было бы бесполезно осыпать теперь упреками всех причастных к этой истории. Ни одной нации, имеющей колонии, не суждено было до сих пор уберечь идею человечества совершенно чистой и незапятнанной. Нельзя не признать, — что позднейшие десятилетия серьезно старались загладить то, в чем прежние провинились перед туземцами. Что при этом делались ошибки в выборе средств, это другое дело; оно не уничтожает вины, но свидетельствует о смягчающих обстоятельствах.

ИСТОРИЯ АВСТРАЛИЙЦЕВ

Судьба австралийцев до настоящего часа еще не свершилась. Еще этот народ бродит, не зная покоя, по беспредельным степям, еще охотится он там и тут за подвижным кенгуру, бросает с силой и ловкостью металлическое копье и бумеранг. Но как стеснен он на своей когда-то обширной родине! Весь восток, северо-восток и юго-восток, дававший даже сыну природы достаточные средства к существованию, уже давно сделался достоянием белого; теперь, в последнее время, он властно продвигается

38

с запада внутрь страны и все больше и больше захватывает также и север. Туземцу остается выбирать между отступлением в пустынную глубь материка и необходимостью очистить место для цивилизации и сделаться рабом европейца. Ни то, ни другое не может сохранить надолго его самобытность.

Мартиролог австралийцев отличается от тасманийского в двух отношениях: он охватывает больший период времени и распределяется на несравненно большее пространство. По характеру же он очень сходен с последним, и конечный результат был бы один и тот же, если бы в распоряжении жертв не имелись лучшие естественные условия — обширная область для отступлений — и если бы не стали мягче времена и нравы даже в австралийской глуши. В сущности все несчастье, свалившееся на эту расу со вступлением белых на австралийскую почву, произошло от того безграничного презрения, которое англичанин выказывал с 1788 года по отношению к «черному отродью», к «черной сволочи». Это презрение помешало изучить народ и его учреждения и, главным образом, помешало признать за туземцем вообще право на владение землей. Но кому известно, что государственная организация прежней Австралии находила свое, так сказать, единственное выражение в правах племени на точно определенную область (даже в границах самого племени происходило временами распределение земли между отдельными семьями), тот поймет, что грубое вмешательство европейцев, со стороны ли ссыльного или свободного колониста, должно было подать повод к прискорбным по своим последствиям столкновениям; нарушение земельного права считалось среди самих туземцев самым худшим нарушением мира. Вместе с таким попранием всех прав туземцев на форму будущих отношений повлиял также и подбор первого ввоза человеческого материала. Относительно целесообразности ссылки как средства наказания или как колонизаторского мероприятия мнения могут расходиться, но как средство сохранить для потомства коренную народность, а вместе с этим и нечто ценное во многих от-

39

ношениях ссылка должна быть единогласно осуждена. Это доказала — чтобы не выходить за пределы интересующей нас области — Тасмания; это доказывается Новой Каледонией; это также очевидно и относительно Австралии. Даже тогдашние официальные отчеты не могут скрыть, что партии ссыльных сгружались с кораблей без всяких предосторожностей и еще небрежнее водворялись на места: еще в 1803 году раздавались жалобы на недостаток в конвоях. Убежать арестанту было поэтому нетрудно, и случаями к побегу широко пользовались. Последствия такого положения вещей для бедных чернокожих не заставили себя долго ждать: первыми подарками для туземцев были оспа, водка и венерические болезни; за этим последовало склонение к разврату, ругани и клятвам, нищенству и воровству. Скоро грубость и насилие ссыльных привели к тому, что мирные и дружелюбные вначале туземцы стали неприязненными и, наконец, со своей стороны, прибегли к нескончаемой партизанской войне, которая тянется вот уже более столетия. В добрых намерениях, впрочем, и на материке не было недостатка. Действия правительства не раз были направлены на то, чтобы расположить и привлечь к себе туземцев; уже управление первого губернатора Филиппа было преисполнено благородных стремлений в этом направлении. Но о каком-либо успехе только тогда могла бы быть речь, если все пришлое население изменило радикально свое поведение по отношению к туземцам.

Со своей стороны, и поселенцы, иммиграция которых началась с 1790 года, добросовестно заботились об увеличении земных благ. Они крали у чернокожих жен, пристреливали каждого, кто только попадался им под дуло, и открыто похвалялись, что будут отравлять туземцев мышьяком, как травят крыс и мышей. Горсть муки, которую подносили доверчивому туземцу, или кусок баранины, который заманчиво подвешивался на куст, рекомендовались как отличные средства. Официально правительство, положим, брало под защиту новых подданных, но только на бумаге. Так, по одному постановлению, всякий, кто предавал в руки правосудия чернокожего, который убил белого, по-

40

лучал награду в 100 фунтов стерлингов, тогда как в случае убийства чернокожего белым предлагалось только 25 фунтов. Но кто же из белых, применяясь к такому замечательному масштабу, решился бы давать показания против собрата по расе, уличенного в поступке, который никому не казался не только преступлением, но даже несправедливостью. А показания туземцев так же не имели силы здесь, как и в Тасмании.

Иллюстрацией общественного настроения и того, как высоко ценился (и теперь еще ценится) туземец, может служить следующая история. В 1839 году в Сиднее, как рассказывает Эмиль Юнг, образовалось для защиты туземцев общество, которому с большим трудом удалось провести закон о назначении комиссаров, в обязанности которых входило бы попечительство над аборигенами. Этой меры, ограничивавшей произвол переселенцев по отношению к их черным соседям, было достаточно, чтобы вызвать сильное возбуждение в известном слое населения. Чтобы доказать свое презрение к постановлению, покушавшемуся на давние их права над презренной и ненавистной им расой, семь англичан отправились однажды в воскресенье верхом в одно из поселений туземцев, состоявшее из тридцати-мужчин, женщин и детей. Всех этих несчастных согнали в одну хижину, привязали друг за другом к одной веревке и перебили затем одного за другим с полнейшим хладнокровием. Когда убийцы были привлечены к суду, вся колония восстала против приговора, и понадобился весь авторитет губернатора, чтобы защитить свидетелей, которым открыто угрожали, и предать виселице запятнавших себя преступлением убийц. В более отдаленных частях страны еще и по настоящее время обращение с туземцами нельзя назвать гуманным. В Западной Австралии каждому туземцу, который не может указать своей «определенный доход», угрожает опасность быть заключенным на шесть месяцев в тюрьму, если он не предпочтет наняться к кому-нибудь из фермеров в качестве «законтрактованного рабочего». Какое вознаграждение он там получит за свой труд, не требует, конечно, пояснения: охотно и часто ловят та-

41

ким образом на удочку чернокожих с целью обеспечить их «доходом».

Последствия такого обращения с австралийской расой на крайних постах цивилизации нетрудно оценить. В течение более столетия оттесняли чернокожего систематически от рек и этим подвергали его опасности погибнуть от недостатка воды; точно так же систематически обращали его некогда беспредельные охотничьи области в огороженные пастбища и этим лишали его самого доходного источника существования. Сверх того, его предавали общему презрению и врожденную гордость свободного дикаря превращали в приниженность нищего. Физическое и нравственное вырождение расы — вот первое следствие; второе — быстрое уменьшение числа народонаселения. Конечно, питание австралийца никогда не было роскошным: об этом позаботилась скудная природа его страны; но у него была возможность действовать по собственной воле, и он беспрепятственно мог приспособляться к обстоятельствам, сдерживаемый только неписаными законами своего скромного племени. Таким образом, он являл собой образ хотя и бесконечно бедной, но экономически и морально независимой народности. В настоящее же время он бродит исхудалый, голодный и покрытый лохмотьями, с трудом поддерживая свое существование нищенством и воровством и напоминая скорее привидение из времен прошлого, чем члена современного человеческого общества.

Численность австралийских туземцев не поддавалась никогда точному определению. Самую высшую цифру приводит Л. К. Д. деФрейсине, считая число австралийцев в начале европейской иммиграции в 1 100 000.

Число это, несомненно, преувеличено и всеми отвергнуто; остальные определения колеблются между 100000 и 200000 для доевропейского периода. Несомненно, что континент и раньше был населен очень редко. Теперь же густота населения туземцев еще меньше: 50 000, наверное, представляет слишком высокую цифру. Уменьшение туземного населения шло, следовательно, с ужасающей быстротой. В Виктории насчитывали в 1896 году 5000 душ; затем численность упала до

42

770 человек. Конечно, не во всех округах уменьшение идет так же быстро; но оно существует повсюду; нигде количество рождений не достигает цифры смертности.

Правительство метрополий, с тех пор как признало грустный факт вырождения туземцев и свою собственную в этом вину, старалось различными мероприятиями спасти их насколько возможно; оно неоднократно делало серьезные представления правительству о необходимости позаботиться о чернокожих и само тратило большие суммы на основание школ в Аделаиде и других городах. Но самой сути дела оно не коснулось.

Школы, положим, посещались прилежно и не безуспешно, но какую пользу могли они принести, если ученики от более тесного соприкосновения с европейцами только тем скорее погибали вместе со всем своим

племенем? Надзор за колонизацией мог бы помочь делу, но прежде всего следовало бы отказаться от дешевого и удобного, но тем не менее рокового для туземцев безвозмездного отбирания земли. Запрещением вечных охот на людей могла быть защищена непосредственно жизнь туземцев; справедливое же удовлетворение их притязаний не давало бы, во-первых, повода к роковой для них расовой борьбе, во-вторых, улучшило бы их экономическое положение. Англия не нашла в себе силы ни к тому, ни к другому шагу и несет поэтому и в данном случае ответственность за непрерывное вырождение австралийских туземцев. Если здесь вообще может быть речь о смягчающих обстоятельствах, то их можно увидеть разве только в том загадочном явлении, что соприкосновение с белыми само по себе уже является роковым для каждого примитивного народа, безразлично, какому бы обращению он ни подвергался.

История колонизации Австралии и Тасмании

В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ влиянию европейца в пятой части света на поприще этнографии, его тамошняя деятельность в области экономической и политической увенчалась отрядным и поразительным успехом. С одной стороны, вычеркнуты из ряда живых совершенно или отчасти два, хотя и находившихся в упадке, но все же жизнеспособных народа; с другой — из уголка мира, на который Европа в течение полутора веков с открытия его в 1642 году Абе́лем Тасма́ном и до высадки Филиппа в Ботанибее в 1788 году не считала нужным обратить сколько-нибудь серьезное внимание, создано как бы по волшебству государство, которому нужно только дать время, необходимое для развития, достижения независимости и солидности массы населения для того, чтобы оно заняло почетное место в истории человечества; но все подобные недостатки исцеляются временем.

КОЛОНИЗАЦИЯ АВСТРАЛИИ

История открытия

История открытия Австралии с точки зрения истории культуры и мировой экономики в высшей степени интересна по своей аналогии с историей открытия Америки: культурному миру пришлось дважды открывать обе эти части света, прежде чем он понял вес их значение и счел нужным удержать их за собой. Эта аналогия проявляется даже во

44

времени, протекшем от одного открытия до другого, и пропорциональном величине обоих материков. У Америки промежуток времени между открытием ее норманнами и путешествием Колумба охватывает половину тысячелетия; у Австралии между плаванием Кви́роса в 1606 году через Торресов пролив и открытием восточного берега Джеймсом Куком в 1770 году прошло немногим более полутора столетий. Но если считать первым открытием собственно путешествия Абе́ля Тасма́на в 1642 и 1644 годах, то промежуток времени еще значительно уменьшится.

Тот факт, что первое открытие прошло бесследно для обеих частей света, не является простой случайностью: дело в том, что потребность в привлечении новых областей в круг собственной экономической жизни тогда еще не выросла. Ко времени первого открытия Америки, как и в предшествующие века, Европа тяготела только в одну сторону — к Востоку, доставлявшему ей уже издавна разные блага, вещественные и духовные. Поэтому новое открытие осталось вне ее понимания и интересов и было предано полному забвению. При вторичном, окончательном открытии Америки, положение дел было совсем иное: можно даже сказать, что само открытие было следствием именно такой перемены. Европа и по истечении тысячелетия сильно тяготела к Востоку, о чем свидетельствуют крестовые походы и процветание средиземноморских городов-государств; но со времени появления османов у Геллеспонта (1375 г.) центр тяжести значительно передвинулся — все настоятельнее становилась потребность освобождения от торгового посредничества Египта и Понта и необходимость отыскать прямой путь для сношений с южным и восточным побережьем Азии. Отказаться от этой цели, осуществление которой видели сначала в открытиях Колумба и его современников, не было повода даже тогда, когда страны, с которых спала завеса, предстали перед всеми как совершенно новый мир. Что же касается Австралии, то относительно первого открытия ее и последовавшего затем забвения такие широкие соображения не имеют места. Вся история ее открытия стоит скорее под знаменем

45

двухтысячелетних поисков (*terra australis incognita*) великой неизвестной южной страны. Существование этой южной страны исходило лишь из предположения, что громадные материки северного полушария должны обуславливать как противовес соответствующее скопление суши в южном полушарии, и эта искомая страна вызывала всегда лишь теоретическое к себе влечение, что при практическом направлении XVI и XVII столетий не могло не влиять на историю ее открытия. Доказать существование этой страны было целью, которую всегда имели в виду; но привести эту цель в исполнение никому не приходило в голову. Таким образом, Австралия после первых обозрений ее побережья была снова предана забвению. Первое путешествие Тасмана доказало, что океан до значительных южных широт свободен от материков, т. е. что в этом направлении предполагаемая страна не лежала. Это было столь важным открытием, что никто и не подумал о материке, лежавшем внутри очерченной мореплавателем извилистой линии; научный интерес был удовлетворен.

Другое обстоятельство, в свою очередь, надолго отдалило практическую Европу от Австралии: негостеприимность берегов, которых пришлось коснуться. Хотя, за исключением юго-восточного и восточного берега, большая часть побережья Австралии мало способствует тому, чтобы о достоинствах страны могло

составиться благоприятное представление, но все же можно считать особенно неудачным для этой части света то обстоятельство, что большинство ступавших на ее берега многочисленных мореплавателей, предшествовавших Джеймсу Куку, наталкивалось исключительно на особенно пустынные, бесплодные и негостеприимные части материка. Так случилось с голландцем Дирком Гартогом в 1616 году на берегах залива Шаркса, такие же условия встретили и всех других многочисленных голландцев, не исключая и Абе-ля Тасмана, посетивших в первой половине XVII столетия западный, северный и южный берега. Но особенно тяжелые последствия для материка имело заключение англичанина Вильяма Дампиера. Этот мореплаватель,

46

имевший одинаковый успех как в качестве пирата, так и исследователя, совершил несколько путешествий в конце XVII столетия, осмотрел значительную часть западного берега и настолько проник в глубь страны, что мог составить себе понятие о ее значении. Его мнение было более, чем поразительно: местность, по его отзыву, оказалась самой жалкой в мире, гораздо хуже, чем португальский берег Южной Африки. Там не росло никаких злаков, никаких съедобных корней, ни стручковых растений, ни овощей, которыми могли бы питаться бедные туземцы, не имевшие ни одежды, ни хижин и представлявшие собой самые несчастные создания на всем земном шаре. Даже готтентотты казались ему джентльменами в сравнении с этими чернокожими. Последствия дампиеровского описания, к сожалению, слишком верного, выразились в полном прекращении путешествий в Австралию на более чем две трети столетия, если не считать некоторых колонизаторских попыток, направленных на эту часть света, как, например, попытки голландцев в 1628 году.

Однако даже окончательное и прочное открытие Австралии Джеймсом Куком в 1770 году еще не принесло прямых практических результатов. Конечно, именно такую цель имел в виду этот дальновидный исследователь, когда от имени своего короля объявил английским владением весь восточный берег от 38° ю. ш. до мыса Йорка; восторженные похвалы Банка чудной местности и великолепию климату могли также навести правительственные круги на мысль колонизировать этот земной рай. Но политические условия того времени мало вязались с подобными проектами. Англия была накануне продолжительной войны с Северной Америкой; вынужденная заботиться о сохранении своего положения на близком Атлантическом океане, она не могла носиться с какими-либо планами относительно такого отдаленного уголка земли. И тем не менее именно освободительная война Соединенных Штатов явилась и часом рождения австралийских колоний.

47

Основание и первые годы существования Нового Южного Уэльса

С 1600 года Англия стала перевозить значительную часть своих преступников в американские колонии (особенно в Виргинию), где их принимали охотно в качестве работников-каторжников и хорошо за них платили метрополии. Освободительная война положила уже в 1779 году конец этому порядку вещей, и Англия, тюрьмы которой скоро переполнились, увидела себя вынужденной подыскать другое место для ссылки. Из предложенных для этой цели в парламенте в 1783 году областей — Гибралтара, Гамбии и Нового Южного Уэльса у Ботанибея — можно было по причинам, легко понятным, серьезно остановиться на последнем: Гибралтар был слишком непоместителен, а ссылка в область Гамбии значила бы не что иное, как «приведение в исполнение смертного приговора при посредстве малярии», как значится в отчете парламента. Против Австралии говорила только громадность расстояния и связанные с этим затруднения при массовых перевозках. Во всяком случае, постановление парламента, несмотря на королевское одобрение, не так скоро было приведено в исполнение, чтобы тем временем у некоего Матра (впоследствии английского консула в Танжере) не успел зародиться план поселить все многочисленные семьи, изгнанные из Северной Америки за то, что держали сторону метрополии, в Новом Южном Уэльсе и одновременно с этим благодаря увеличенной производительности страны значительно укрепить положение Англии в европейской торговле. Но и Матра не тотчас удалось провести свое предложение. В 1784 году статс-секретарь лорд Сидней стал склоняться в пользу плана Матра, но в конце концов он снова перешел к мысли о необходимости устроить там место ссылки.

Два-военных корабля, шесть транспортных и три корабля с грузом в 1100 человек, из которых около 350 были свободными людьми, отправились из Англии 13 мая 1787 года и высадились у берегов Ботанибея между 18 и 20 января

48

1788 года. Эта экспедиция была отдана под начальство капитана Артура Филиппа, сына одной немецкой преподавательницы языков, вышедшей замуж за английского моряка. Филипп провел свой опасный транспорт с той осторожностью и гуманностью, которыми он отличался и в сношениях с туземцами в течение всей своей пятилетней службы в качестве губернатора. Осмотрительность вместе с непоколебимой энергией явились именно теми качествами, которые требовались в первые годы от губернатора создающейся общины. Филипп и его поселенцы не избежали ни одного из испытаний, с которыми идет рука об руку основание земледельческих колоний.

Еще в феврале 1788 года губернатор переселил небольшое число ссыльных под надзором лейтенанта Кинга и нескольких солдат в лежащий приблизительно на середине между Новой Зеландией и Новой Каледонией

Норфолк. Задача этой второстепенной колонии должна была заключаться в обработке найденного там Куком в большом количестве льна для того, чтобы дешево и удобно снабжать главную колонию материалами для одежды. Кинг ревностно принялся за дело, посеял хлеб и овощи и занялся обработкой льна. Но несмотря на все усилия, и здесь, как на материке, уже с самого начала не было возможности прокормить колонию собственным производством; поддержка в первые годы оказалась необходимой для обеих колоний. То же самое наблюдалось при колонизации в различных частях восточного берега Америки, в Виргинии и Каролине; об это же разбились в 1763 году огромные усилия французов для создания колонии в Каенне. Девственная почва не может прокормить большие массы народа, особенно если к ней приступают настолько мало знакомые с делом люди, какими были поселенцы Филиппа и Кинга, из которых ни один не имел ни малейшего понятия о земледелии; да и почва Сиднея оказалась бесплодной. При этом охота к труду была очень ничтожна у ссыльных, значительно преобладавших своей численностью: по словам Филиппа, двадцать свободных делали больше, чем тысяча ссыльных. Увеличение числа свободных поселенцев и привлечение опытных сель-

49

ских хозяев было поэтому руководящей мыслью всей деятельности Филиппа, закончившейся в декабре 1792 года добровольным его уходом, причиной которого было его пошатнувшееся здоровье; первые пять вольных поселенцев прибыли в Австралию лишь после его отъезда.

При господствовавших условиях внутреннее положение дел в колонии в первые годы было ужасающее. Наступивший вскоре после прибытия поселенцев недостаток пропитания сделался уже в 1790 году таким ощутимым, что целыми месяцами выдавались только половинные пайки, число которых также было уменьшено; привезенный скот убегал или погибал, засеянные поля вначале ничего не давали. К этому присоединился скорбут вследствие недостатка в свежем мясе. Среди солдат дело вскоре дошло до непослушания и бунтов, а пьянство сделалось общим пороком. Грабеж, убийства и поджоги стали обычным явлением. В феврале 1790 года нужда сделалась такой невыносимой, что губернатор был вынужден выслать 200 ссыльных на остров Норфолк, хотя и там не было изобилия. Между тем Англия высылала все новые транспорты со ссыльными; целые массы людей бесчеловечно затискивались на судна; из них нередко более половины умирали во время длинного переезда. Оставшиеся в живых часто до того ослабевали, что их приходилось выгружать в порт Джексон полуживыми и перевязанными, как тюки товаров. Вместе с тем с материка не получали ни жизненных припасов, ни хлеба, ни скота.

Губернатор Филипп, несмотря на всю эту нужду, заставлявшую и его часто пробавляться, подобно ссыльным, половинными рационами, ни на мгновение не терял мужества. Напротив, при всей тяжести забот, которые доставляли ему постройки жилищ, разведение садов и полей, постоянная борьба с голодом и бунтами, он находил время посвящать свои интересы исследованию внутренних территорий материка; вместе с этим он старался вступить в мирные сношения с туземцами. Но было одно обстоятельство, которое могло с течением времени отбить охоту к службе даже у этого настойчивого выносливого челове-

50

ка: пассивное, но зато тем более упорное сопротивление, которое встречало каждое его мероприятие, даже со стороны его собственных отрядов. До конца 1790 года морской отряд, а затем и специально образованный для службы в Австралии новоюжноуэльский корпус противодействовали буквально всякому его начинанию; даже акты парламента, в силу которых действовал Филипп, не принимались ими во внимание, они сообразовались только с военными законами.

Преемник губернатору Филиппу был назначен только в конце 1795 года в лице Гентера, также моряка, сопровождавшего уже экспедицию 1787 года. Почти трехлетний промежуток был заполнен правлением двух начальников ново южноуэльского корпуса — майора Грозе и капитана Патерсона. Правление обоих интересно тем, что неурядицы, с которыми тщетно боролся Филипп, разрослись до ужасающих размеров. На первом месте стояло повальное пьянство, достигшее очень опасного распространения, благодаря главным образом широко ведшейся торговле спиртными напитками, в которой как солдаты милиции, так и их начальники на досуге видели свое главное предназначение и удовольствие. Кличка «ромный корпус», данная вскоре этому войску, увековечила их своеобразное понятие о службе; самой же колонии все это нанесло, само собой понятно, страшный вред. Вместо того чтобы создать из ссыльных мирные, трудолюбивые семьи фермеров, их губили алкоголем самого низкого качества, а грубый разврат, возмутительные насилия и бесчеловечная жестокость как последствия всего этого явились в порядке вещей. Точно так же и губернатор-капитан Гентер (Hunter) во время своего управления, продолжавшегося с сентября 1795 года до 1800 года, не в состоянии был справиться с этим злом. Правда, он сумел положить конец своевольному господству военных и ввести снова давно уже упраздненный гражданский суд; производство спирта в колонии по мере сил подавлялось, и обуздывалась общая развращенность, но зло пустило уже слишком глубокие корни, чтобы его можно было уничтожить в такое короткое время и особенно человеку, недостаточно беспощадному, каким был

51

Гентер. Пьянство шло, таким образом, спокойно своим чередом точно так же, как и распри среди самих белых и раздоры с туземцами. По-прежнему в руках офицеров и чиновников оставались обширные земли, розданные им предшественником Гентера, и громадное число ссыльных, которыми они распоряжались как

рабами. Тем не менее было бы несправедливо односторонне осудить управление Гентера; напротив, оно во многих отношениях способствовало развитию колонии. Прежде всего, обработка обширных земель, производившаяся земледельцами с помощью ссыльных, оказала существенную помощь при недостатке средств пропитания, что являлось главным злом колонии вплоть до XIX столетия, тогда как, с другой стороны, это же обстоятельство привело к монополизации всех экономических выгод в руках немногих; и то и другое, впрочем, имелось в свое время в виду майором Грозе.

Более односторонни, но не менее важны по своим последствиям два новых приобретения, которыми может по-хвалиться время правления Гентера. Во-первых, при нем знакомство с материком захватило больший район; в течение 1797—1798 годов началось знакомство с островной природой Вандименовой земли; затем проникли впервые в Голубые горы; наконец, открыли угольные залежи у мыса Саландер. К тому же тогда стало известно, что скот, убежавший в начале колонизации, расплодился внутри страны, образуя громадные стада одичалых животных.

Введение рационального овцеводства с целью получения шерсти еще и по настоящее время является самой важной отраслью Австралии, неразрывно связанной с именем Джона Мак Артура. Во время грустной борьбы между губернатором и солдатами в этом офицере сильнее всего выразилась роковая склонность к производству спиртных напитков и промышленности ими. Этому практическому человеку австралийская винная торговля обязана и самим своим происхождением. В 1794 году Мак Артур выписал 60 бенгальских овец из Калькутты и, присоединив к ним некоторое время спустя несколько ирландских, он путем скрещивания получил породу со смешанной шерстью.

52

В 1797 году он, чтобы добиться более тонкой шерсти, достал при посредничестве морских офицеров несколько овец из Капштадта. Случайно они оказались мериносами тонкошерстной породы, и это послужило ко благу страны: первая пара животных, к которой присоединились затем обыкновенные капштадтские овцы, как родоначальники огромных стад положили основу теперешнему богатству Австралии.

Результаты скрещивания, достигнутые Мак Артуром, были поразительны. Когда он в 1801 году из-за дуэли с одним товарищем был отозван в Англию, он взял с собой образцы шерсти собственной культуры и представил их в Лондоне на рассмотрение экспертов. Отзывы этих последних были необыкновенно благоприятны. Предложение Мак Артура предоставить ему в Австралии землю и каторжников для того, чтобы поставить дело на широкую ногу и снабжать шерстяную промышленность Англии австралийским материалом, прошло только в 1804 году. Новый статс-секретарь лорд Кемден послал губернатору Нового Южного Уэльса предписание предоставить Мак Артуру в вечное пользование 5000 акров земли (2000 гектаров) под пастбища, дать ему в пастухи ссыльных и вообще оказывать ему всевозможное содействие. По поводу этого состоялось постановление губернатора, которым дано было вообще разрешение на получение участков для овцеводства и скотоводства. Мак Артур выбрал землю в лучшей части колонии, у Таурса, в округе Каупастуре, где в 1795 году были найдены одичалые стада скота. Со своим стадом, увеличенным покупками в Англии и Австралии, он начал хозяйство, названное им в честь статс-секретаря Кемден Эстате. Оно является исходным пунктом новой, быстро расцветающей шерстяной промышленности. Губернатором с 1800 года был Филипп Джидлей Кинг, человек, который явился более чем кто-либо другой подготовленным к тому, чтобы вытащить из болота погрязший воз австралийской колонизации. Кинга мы встречали уже » качестве вице-губернатора Норфолка, где он в течение десятилетней борьбы с природой и злобой отданных под

53

его защиту людей показал себя с самой лучшей стороны. Принятая им на себя миссия представляла мало утешительного. Корпус Нового Южного Уэльса был более могуществен в стране, чем когда-либо, и только что перед этим доказал свое влияние в Лондоне тем, что свергнул предшественника Кинга. Отлично процветала и водочная торговля — в одном Сиднее было запаса не менее 20 000 галлонов (круглым счетом 90 000 литров). Товары другого рода буквально монополизировались чиновниками и офицерами, что составляло для них очень важную статью дохода, хотя не приносившую, как водка, 1200 процентов чистой прибыли. Первым шагом Кинга было стремление положить конец такому беззаконию. Уполномоченный лондонским правительством поставить выгрузку спиртных напитков в порту Джаксон в зависимость от своего разрешения, он осенью 1800 года запретил ввоз и торговлю ими без особого на то разрешения. Все, что несмотря на это доставлялось кораблями, либо отсылалось обратно (за один год, по Циммерману, не менее 32 000 галлонов, или 144 000 литров спиртных напитков и 22 000 галлонов, или 100 000 литров вина), либо же покупалось Кингом и продавалось по дешевой цене, что само по себе уже способствовало прекращению прежней ростовщической торговли.

Легко можно себе представить, какой прием мероприятия Кинга встретили у нового южноуэльского корпуса, особенно если принять во внимание, какую протекцию этот корпус имел именно в то время в Лондоне. По причине непрерывных европейских войн доставка испанской шерсти в Лондон сильно тормозилась, так что предложение Мак Артура снабжать рынок сырым материалом из Австралии было с благодарностью принято. Сам Мак Артур создал себе этим прекрасное положение на родине; такое же предназначение получил и весь новоюжноуэльский корпус, самым влиятельным человеком которого был он. Однако при всем озлоблении корпуса до открытой враждебности против губернатора дело не дошло.

Корпус, само собой, старался делать жизнь губернатора по возможности невыносимой, действуя на каждом шагу вопреки его распоряжениям, на что Кинг отвечал ограничением полномочий войска в чисто военных делах; все это, однако, не заходило настолько далеко, чтобы мешать губернатору открыто и честно помогать Мак-Артуру в его предприятии по производству шерсти. Тем не менее бесконечные неприятности заставили в конце концов Кинга сложить с себя в июле 1805 года свою ответственную должность. Он ушел, не ожидая и не получив благодарности от лондонского правительства, у которого его противники находили всегда больше доверия, чем он; но он мог унести с собой сознание, что сделал для колонии очень многое.

Важным в географическом отношении и имевшим большое значение для позднейшей колонизации было сделанное во время управления Кинга обследование восточного берега и западной части южного между мысом Стефенсом (33° южн. ш.) и мысом Пальмерстоном (22° южн. ш.), а затем съемка плана залива Карпентарии Мэтью Флиндерсом. Истинное завоевание материка посредством заселений, охвативших большое пространство страны, было также его делом. Поводом к усиленному заселению послужили неуспешные попытки французов стать твердой ногой в Австралии. Хотя Кинг отстаивал перед французскими исследователями более древние права Англии, но в то же время он считал нужным увеличением числа заселенных мест сделать эти права для всех очевидными. В 1803 году занята была Вандименова земля и, чтобы одновременно избавиться от самых опасных ссыльных, основана на левом берегу Дер-иснта колония Рестдоун (впоследствии Рисдон); в то же время из Лондона была сделана первая (конечно, неудачная) попытка создать поселение в порту Филипп, большой бухте, у которой теперь лежит Мельбурн, и, наконец, было положено основание Дальримплю у северного берега Ван-дименовой земли и Ньюкаслу, нынешней второй по значению гавани Нового Южного Уэльса.

Своими политико-экономическими успехами Кинг к концу своей деятельности мог остаться также доволен. 11 при уходе Филиппа в 1792 году постоянной культурой было занято около 1700 акров (680 гектаров), а полезные живот-

54

55

ные едва насчитывались дюжинами; в 1796 году, спустя год после вступления в должность Гентера, полезных животных в стране было 5000; количество пахотной земли достигло до 5400 акров (2100 гектаров). В августе 1798 года числа, по Йенксу, были следующие: 6000 акров (2400 гектаров) и 10 000 голов скота; для августа 1799 года: 8000 акров (3200 гектаров) и 11 000 голов скота. Белое население насчитывало при вступлении Гентера в должность 4000; при его уходе в 1800 году оно возросло, по Мосману, до 6000. За время пятилетнего управления Кинга состояние колоний выразилось следующими цифрами: в 1806 году, по Циммерману, земель было роздано или оставлено за казной 165 882 акра (66 353 гектара), из которых расчищено было 20 000 (8000). Из них под пшеницей было 6000 акров, под маисом — 4000, под ячменем — 1000, под картофелем — 185; 433 акра были заняты садами. Из розданных земель во владении чиновников было 15 620 акров, во владении офицеров — 2067; 18 666 акров были собственностью 405 освобожденных ссыльных. Свободных поселенцев было 112 человек; сверх того, было 80 вольноотпущенных матросов и солдат и 13 человек, рожденных в колонии. Состав скота был к этому времени следующий: 566 лошадей, 4790 голов рогатого скота, 23 ПО овец, 2283 козы, 7019 свиней — всего 37 768 домашних животных. Наконец, белое население в 1886 году считалось в 9462 души. Из них мужчин — 5172, женщин — 1701, детей — 2589.

В июле 1805 года преемником Кинга был назначен Вильям Блиг, давно известный в кругу географов своим знаменитым морским путешествием, которое он совершил в 1789 году в открытой лодке через значительную часть Тихого и Индийского океанов. Получив в качестве капитана корабля Баунти поручение пересадить хлебное дерево из Таити в Вест-Индию, он с 18 людьми был высажен во время пути недовольным его беспощадной строгостью экипажем в лодке, в которой после продолжительного плавания прибыл в Батавию, тогда как остальной экипаж частью вернулся на Таити, частью основал на острове Питкаирн небольшое государство, о котором впоследствии так много

писали. Чудесное спасение Блига не смягчило прежней резкости его характера: будучи командиром одного линейного корабля, он своей суровостью вызвал бунт среди экипажа; точно так же в Новом Южном Уэльсе, куда он прибыл в середине августа 1806 года, он успел с самого начала восстановить против себя всех своей бесчеловечной строгостью. В честных намерениях содействовать преуспеваю находившейся тогда в полном расцвете колонии у него, конечно, не было недостатка, но ему не хватало истинного понимания положения вещей. Всякого рода произвол, ужасные телесные наказания, даже по отношению к свободным поселенцам, срывание домов, положение которых ему не нравилось, последовавшее в 1807 году насильственное переселение колонистов из Норфолка в Вандименову землю — все это были поступки, которые сделали ненавистным нового губернатора, оттолкнувшего от себя лучших людей и окружившего себя личностями, пользовавшимися дурной репутацией.

Случай, при котором озлобление прорвалось наружу, является, как выражается Эдвард Йенкс в своей «History of the Australasian Colonies», самым ярким событием в истории молодой колонии. Действуя в духе мероприятий Кинга, направленных против самовластия новоюжноуэльского корпуса, и желая главным образом бороться против все еще господствовавшей водочной торговли, Блиг издал в феврале 1807 года постановление, которым совершенно запрещались производство спиртных напитков и торговля ими, равно

как и установка дистилляторов у частных владельцев. Между тем Мак Артур выписал из Англии для опытов, предпринятых им также и по виноделию, дистиллизационный аппарат. По приказанию губернатора этот аппарат был отобран и отправлен назад. Установившиеся вследствие этого натянутые отношения обострились тем, что Блиг обвинил Мак Артура в приобретении 5000 акров пастбищ путем фальшивых показаний. В свое оправдание Мак Артур сослался на постановление Privy Council; Блиг ответил тем, что привлек его к суду) когда какой-то ссыльный убежал на один из его кораблей, а затем, когда тот не

56

57

пожелал явиться, арестовал его. Если даже по сути дела право и было на стороне Блига, то, ввиду исключительного положения Мак Артура, резкий поступок губернатора был по меньшей мере бестактен. Раздражение новоюжноэль-ского корпуса тотчас проявилось на деле. По настоянию офицеров, майор Джонстон освободил 26 января 1808 года узника, занял правительственное здание, объявил по требованию Мак Артура и других видных колонистов губернатора Блига отставленным от должности и послал его пленником на один из кораблей, стоявших в гавани. Все лица, причастные к управлению и державшие сторону губернатора, были отставлены или арестованы; колония была объявлена на военном положении и почти два года, до прибытия нового губернатора (31 декабря 1809 г.), управлялась Джонстоном и членами военного корпуса. Сам Мак Артур при вторичном разбирательстве был единогласно оправдан.

Отношение британского правительства к этому печальному событию долго оставалось неизвестным.

Прежде всего известие о случившемся дошло до Англии лишь в конце года; но там все так были заняты войной с Наполеоном, что прошел еще год, прежде чем решили предпринять что-либо против мятежников. Послом явился Лахлан Макка-ри. Джонстон, обвиняемый в бунте, был отправлен под строгим конвоем в Англию. Все назначения по службе и раздача земель, совершившиеся после ареста Блига, были объявлены не имеющими силы, а все прежние чиновники снова возвращены на свои места. Блиг, который все еще находился в Австралии, на корабле, был снова признан губернатором, но тотчас же отозван и заменен Маккари; наконец, сам Мак Артур был выслан из страны. Таким образом, худший жребий выпал на его долю: сосредоточивший все свои интересы на хозяйстве, он долгие годы должен был оставаться вдали от страны и своих предприятий. Только в 1817 году ему разрешено было вернуться в Кемден Эста-те.

Джонстона постигла лучшая участь: благодаря Маккари, который удовлетворительным образом осветил характер и образ действий Блига, Джонстон получил только отставку. Что касается, наконец, самого Блига, то его на

58

родине осыпали почестями; он сделался адмиралом, Fellow of the Royal Society, и умер 7 декабря 1817 года. Маккари прибыл не один из Англии: он привез с собой целый полк линейных солдат. Это означало полнейшее изменение системы. Ново южноэльский корпус был присоединен к английскому войску и отозван навсегда из Австралии; вместо этого войска, испорченного двадцатилетним пребыванием в колонии ссыльных, губернатор отныне располагал хорошо обученной регулярной армией. Положение Маккари было вообще благоприятнее, чем положение всех его предшественников. Двадцать лет работы создали, несмотря на все препятствия и временные затишья, большие богатства; особенно сильно расцвела колония во время управления Кинга. Белых колонистов насчитывалось в 1810 году уже 590 человек; 7615 акров было под пахотой; число рогатого скота достигло 12 442 голов, овец — 25 888; таможенные сборы давали ежегодный доход в 8000 фунтов стерлингов.

При таких благоприятных условиях служба Маккари могла принять характер положительный, деятельный, что также соответствовало больше всего и его натуре. В этом отношении он был совершенной противоположностью Блигу, который все свои силы направлял только на подавление зла и совершенно был лишен всякого организаторского таланта. Первой заботой Маккари было создание сравнительного благоустройства в Сиднее. Он его почти перестроил заново; прокладка хороших улиц, введение констеблей, постройка общественных зданий, особенно школ и церквей, устройство бульваров — все это было его делом. В 1816 году к этому присоединилось открытие первого банка, три года спустя — сберегательной кассы. Маккари заботился также о проведении хороших дорог и окрестностях города и об урегулировании русла рек; он поощрял вообще культивирование почвы во всех направлениях, и не последним средством к тому являлась его необыкновенная щедрость в раздаче земель. Эта щедрость, наряду с широким пользованием общественными суммами, т. е. средствами родины для своих реформ, навлекли

59

на него уже тогда много нареканий как в Англии, так и в Австралии.

Такое же значение, как старания Маккари улучшить внутреннее моральное и экономическое состояние колонии, имеют и его стремления расширить колонизационную область. Его четверо предшественников по должности были все без исключения моряками, географические интересы которых исчерпывались путешествиями для исследования берегов. Очертание и форма австралийского материка были, положим, при этом окончательно установлены; зато знакомство белых с внутренними территориями материка по прошествии 25 лет после высадки их в Бо-танике все еще ограничивалось только узкой полосой между берегом и Голубыми горами на западе, которые считались с самого начала непреодолимой преградой. Маккари склонил колонистов к новым исследованиям, и вот в 1813 году Уэнтворт, Блэксленд и Лаусон открыли путь через горы, за которыми их встретили беспредельные равнины плодородной страны. Маккари,

несмотря на сотни километров непроходимых дебрей между Сиднеем и новой областью, тотчас же взял в свои руки постройку дороги, открытие которой могло состояться уже в 1815 году. Одновременно с этим было основано местечко Бетсрст как центр новой области, сделавшейся вскоре местом очень деятельного культивирования пастбищ и исходным пунктом быстрого расцвета колоний. Второму расцвету Нового Южного Уэльса немало способствовало благоприятное время, в которое последовало открытие и доступ к новой области. С окончанием наполеоновских войн у Англии развязались руки; со своей стороны, и частные лица стали посвящать больший интерес владениям по ту сторону моря. Новый Южный Уэльс сделался теперь целью все усиливающейся иммиграции, прибавлявшей к прежним элементам, состоявшим либо из выслуживших солдат, либо из освобожденных ссыльных, значительный процент свободных поселенцев. Сам Маккари не относился дружелюбно к новому населению; он с самого начала придерживался мнения: Австралия для ссыльных — и старался

60

всеми средствами препятствовать притоку новых пришельцев. В 1818 году ему даже удалось добиться того, что их лишили бесплатного переезда, введенного с основания колонии. Но последствия такого шага были, однако, не те, которых ожидал Маккари: мелкий люд, конечно, не появлялся больше, но не исчез поселенец зажиточный; а этот последний был в состоянии приступить тотчас же к крупному производству; ему нужно было для этого купить только овец: землю и ссыльных в качестве пастухов доставляло ему правительство. Таким путем он становился сразу крупным землевладельцем; ссыльному же мероприятия Маккари никакой пользы не приносили. Явное покровительство несвободной части населения вызвало с течением времени, при всей популярности Маккари, враждебное ему течение среди свободных, которое привело в конце концов к отставке заслуженного губернатора. Недовольство правительства против него раздувалось, кроме того, подстрекательствами со стороны крупных землевладельцев. Эти последние требовали для своих пастбищ обширные пространства земли; губернатор же защищал интересы мелких поселян, образовавшихся из освобожденных ссыльных; это и подало окрепшей шерстяной лорды шло ей и ости достаточный повод добиться отставки Маккари, чего она и достигла в 1821 году.

Своей деятельностью Маккари мог остаться еще более удовлетворенным, чем Кинг. Уже цифры представляют совсем иную картину, чем раньше: в 1821 году белое население колонии насчитывало круглым числом 39 000 душ; обработанной земли было 32 267 акров; рогатый скот достигал 103 000 голов; лошадей было 4564 и более четверти миллиона овец. Ежегодный доход с общины составлял 30 000 фунтов стерлингов. При этом были отличное внутреннее благоустройство и небезосновательная надежда, что не иссякнет поток переселенцев; словом, уходящий губернатор мог вполне сознавать, что только одной его одиннадцатилетней напряженной деятельности обязана Австралия тем, что была вырвана из болота распушенности и безнадёжного, как казалось, положения.

61

РАЗВИТИЕ НОВОГО ЮЖНОГО УЭЛЬСА ДО СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Как вступление Маккари в управление колонией принесло с собой перемену всей системы правления, точно так же переменой сопровождался и уход его. В первом случае военное управление уступило место гражданскому, во втором — самодержавие заменилось началом конституции. И действительно, до этого времени все губернаторы колонии были самодержцами: они по собственному усмотрению определяли способ колонизации и воплощали в себе законодательную власть; они даже представляли собой высшую апелляционную инстанцию. Губернаторы хотя и несли ответственность перед британским колониальным ведомством, но Лондон был далеко, а политическое положение Европы было не таково, чтобы Австралией могли заниматься. Девиз Блига «My will is the law» («Воля моя — закон») характеризует положение вещей. Пока главная масса населения состояла из ссыльных или же из отбывших свое наказание, соединение неограниченных полномочий в одних руках было уместно; но с того момента, как преобладающим стало свободное население, оно сделалось невозможным. Уже в 1812 году был поднят вопрос об образовании совета из среды чиновников и колонистов; Маккари, однако, считал подобное учреждение, оказавшееся полезным во всех других английских колониях, непригодным для Австралии.

С его уходом ограничение власти губернатора сделалось, наконец, совершившимся фактом. По постановлению от 19 июля 1823 года, при губернаторе должен был состоять совет, и каждый закон подлежал его утверждению: в обязанности членов совета, численностью от пяти до семи, входил также до некоторой степени и финансовый контроль. Только в случае восстания губернатору предоставлялась диктаторская власть. Если большинство совета высказывалось против какого-нибудь закона, то его надлежало для разрешения представить правительству. Коренные реформы

62

были предприняты также и в области юридической. До сих пор высшей инстанцией во всех вопросах, касавшихся права, был губернатор, теперь же эти вопросы не подлежали больше его решению и переданы были высшей судебной палате, основанной по английскому образцу; только право помилования преступников, но под условием разрешения со стороны английского правительства, оставалось еще за губернатором.

Первым губернатором при этих новых порядках был сэр Томас Брисбен (Brisbane), (1821—1825 гг.). Его управление не выходило за пределы предоставленной губернатору власти; зато он посвятил главное свое

внимание дальнейшему исследованию материка и открытию новых областей. При нем проследили течение Муррея и Маррамбиджи; пересекли страну поперек и проникли вплоть до Южного берега, вблизи нынешнего Мельбурна, занялись исследованием побережий Квинсленда и Северной Австралии, а поселениями в различных, очень отдаленных пунктах, обеспечили материк от новых притязаний со стороны французов. Брисбеном также создана первая обсерватория на австралийской земле.

В экономическом смысле гораздо большее значение, чем плоды этой научной деятельности, имело его отношение к колонизации вновь открываемых областей внутри страны. Маккари ставил заселение внутри материка в зависимость от своего личного усмотрения. Брисбен был либеральнее: он безвозмездно раздавал свободным переселенцам, число которых безостановочно нарастало, земли под пастбища и отвел основанной в 1824 году в Англии с капиталом в миллион фунтов стерлингов Australian Agricultural Company ни более ни менее, как миллион акров (4000 кв. км) земли у Порт-Стефенса и в Ливерпуль-Плейнсе. Промышленность и торговля также встречали с его стороны всякого рода поощрения; в 1825 году имелось 45 514 акров пахотной земли; было вывезено более 4000 центнеров шерсти, и около 30 австралийских кораблей занималось рыболовством и торговлей. Доходы (свыше 70 000 фунтов стерлингов) с 1821 года более чем удвоились.

63

Еще два значительных, но не связанных между собой события совершились во время правления Брисбена: отделение острова Вандименовой земли от Нового Южного Уэльса и официальное признание свободы печати. Первое было решено в 1823 году и вступило в силу в 1825 году; свобода же печати хотя и была объявлена в 1824, но при преемнике сэра Томаса не вошла еще в силу. Фактически это совершилось только с четвертого десятилетия, при Боурке.

Преемником Брисбена был сэр Ральф Дарлинг, руководивший с 1825 по 1831 год судьбами колонии. «Любимцем народа», как означает его имя, он не сделался за эти шесть лет своей службы. Он продолжал с успехом политику своего предшественника по расширению колонизационной области и к ряду английских станций прибавил еще Ве-стернпорт на юге и Шарксбей на западе: и на этот раз цель заселений была опередить предполагавшееся водворение французов; но в самой колонии его деятельность мало способствовала тому, чтобы он мог приобрести себе друзей. В его глазах не только ссыльные вообще не заслуживали никакого гуманного обращения, но и со свободными он обращался своевольно и жестоко. Двух солдат, укравших штуку материи в надежде быть сосланными в Вандименову землю, он приказал, несмотря на состоявшийся в этом смысле приговор введенного тем временем суда присяжных, сковать вместе, надеть на каждого из них тяжелое железное ожерелье с шипами, обращенными к шее, и в таком виде заставил их при жгучей жаре работать при постройке дороги. Один из несчастных, страдавший болезнью сердца, умер через несколько дней; другой потерял рассудок. Для оппозиционных газет, существовавших со времени Брисбена, такой случай дал повод к жестоким нападкам; ответом на них было уничтожение свободы печати. Тем не менее у Дарлинга нельзя отнять его заслуг в развитии колонии. Сюда относятся его решительные меры против бродяжничества, или bushranger, и его планомерное отношение к поземельному вопросу, становившемуся с каждым годом все более затруднительным. Со стороны лондонского правительства в этой области было сделано очень много попыток; до середины столетия одно «регулирование» следовало за другим. С 1824 года земли раздавались даром; налог состоял только в определенной, весьма незначительной плате (quitrent), несколько раз видоизменявшейся: с 2 шиллингов за 100 акров для свободных и 6 пенсов за 30 акров для вольноотпущенных, она постепенно повысилась до 5 процентов с оценки стоимости земли. Губернатор Брисбен в 1824 году сделал эти условия более тяжелыми. Прежде всего он отменил вообще безвозмездную раздачу земель и установил покупную цену в 5 шиллингов за акр; кроме того, действовавшее с основания колонии обязательство содержать и прокармливать на каждые 100 акров земли по одному преступнику он видоизменил в том смысле, что увеличил их число до пяти. К этому присоединяется еще quitrent в 2 шиллинга за каждые 100 акров. Но даже такие условия не могли ограничить бурного спроса на землю, так что в 1828 году Дарлинг прибегнул к учреждению особого управления. Для урегулирования дела раздачи земель это был неоспоримый шаг вперед. Но это как же мало разрешило земельный вопрос, как и последовавшее затем в 1831 году из Лондона постановление, в силу которого губернатор должен был продавать земли с публичных торгов. Наименьшая цена была в 5 шиллингов за акр, соответствовавшая постановлению Брисбена от 1824 года; наибольшее количество земли, на которое имел право один покупатель, было 9600 акров.

Целью такого ограничения было подавление принявших неимоверные размеры земельных спекуляций. Преимущество должно было отдаваться действительным поселенцам, и занятие земель под хозяйство должно было отвечать истинным потребностям колонии. Наконец, необходимо было также подумать и о будущем с его растущими земельными потребностями. Однако результаты не соответствовали неутомимым заботам правительства. При указе Дарлинга ч 1831 году пространство проданной или арендованной земли равнялось 3 422 000 акров; такое количество, само собой, не в состоянии были обработать 51 155 белых колони-

64

65

стов. В короткий промежуток времени с 1831 по 1835 год это число увеличилось не менее чем на 585 000

акров, приобретенных путем аукциона. Правительство получило за них сумму в 202 600 фунтов стерлингов; но в то же время оно было уверено, что из этих земель лишь меньшая часть была приобретена с целью непосредственной обработки, большая же часть была чисто спекулятивной куплей. Это же относилось и к 1 548 700 акрам, проданным с публичных торгов в 1836—1840 годах (1836: 389 500; 1837: 368 600; 1838: 315 300; 1839: 285 900; 1840: 189 400 акров). Указанные в этих цифрах пространства слишком колоссальны, чтобы в них могла выразиться, если даже принять во внимание оживленную эмиграцию этих лет, действительная потребность в земле. Как бы то ни было, эти цифры служат признаком сильного подъема, навстречу которому шло тогда колония, расцвет, прерванный, впрочем, уже в начале сороковых годов роковым экономическим кризисом: начало его выражается в вышеприведенных цифрах за 1839 и 1840 годы. Поземельный вопрос. Наряду с безумной земельной спекуляцией правительству причинял тяжелые заботы еще другой способ приобретения земли: чисто австралийский обычай скваттерства. Это слово и связанное с ним понятие первоначально зародилось в Северной Америке; но в развитии Австралии скваттерство сыграло относительно большую роль, чем в истории Соединенных Штатов. Оно состояло в том, что скотоводы самовольно, без всякого разрешения и без уплаты покупных денег, занимали под выгоны и в пользование земли, что делало возможным законное их распределение между позднейшими претендентами. Уже сама природа выгонов требует, чтобы занимаемые под них земли имели значительное протяжение. Кроме того, во избежание вечных споров и ссор скотоводам не оставалось другого выхода, как прибегнуть к тому, к чему прибегают все выгонные общества при обыкновенных условиях, да и вообще все примитивные народы: там, где земля не представляла естественных границ, для устройства же искусственных не имелось ни желания, ни времени, ни средств, естественное разделение достигалось просто тем, что между отдельными хозяйствами оставались без всякого употребления широкие пространства. И здесь, следовательно, проявлялся первоначальный характер границы как межи, каким он ярко выступает в пустынях и в полосах девственного леса африканских государств-деревень и каким он обыкновенно был в юную пору европейских культурных народов.

Для правительства из такого положения вещей вытекали затруднения самого разнообразного характера. Оно с самого начала объявило весь материк своей собственностью, а все земли казенными. Этим оно получало неоспоримое право безграничного распоряжения землями; но, с другой стороны, оно, бесспорно, наложало на себя обязанность руководить их распределением, и притом таким образом, чтобы все стороны, заинтересованные в развитии колонии, которым нужно было способствовать всеми силами — метрополия, колониальное правительство и поселенцы, — были бы удовлетворены. Однако при быстро развивавшейся розни интересов между крупным землевладением и мелким хозяйством, между скотоводством и земледелием, начало которой положило скваттерство, это было далеко не легкой задачей.

Для решения ее было предпринято много самых разнообразных мер. Уже в 1833 году губернатор сэра Роберт Бо-урке (Bourke) (1831—1838 гг.) сделал попытку подавить скваттерство постановлением, в силу которого за своевольным захватом земли не признавалось никаких прав. Когда и это ни к чему не привело, а, напротив, все больше росло число скотоводов, отправлявшихся искать свое счастье внутрь страны, как только оскудевал корм в области побережья, парламент в 1836 году приступил к расследованию, результатом которого в общих чертах явилось признание постановления 1831 года. Одна часть членов комиссии высказалась за высокие цены на землю; другие, напротив, считали уже слишком высокой прежнюю минимальную плату в 5 шиллингов за акр на том основании, что как раз цены на землю являются главным поводом к скваттерству. Губер-

66

67

натор Нового Южного Уэльса был поэтому уполномочен уменьшать, смотря по надобности, вышеуказанную минимальную плату.

Но и это мероприятие не имело ожидаемого успеха. Самовольные захваты обширных областей внутри страны принимали, напротив, все большие размеры, а кровавая борьба с туземцами, распри между самими скваттерами и все усиливающееся недовольство мелких крестьян, страдавших от захвата земель, были в порядке вещей. Поэтому в связи с невозможностью подвести само скваттерство хотя бы под некоторый контроль, уже в 1837 году новое распоряжение губернатора поставило пользование ими в зависимость от определенного налога; всякий, уплативший налог, имел право поселиться в качестве фермера внутри страны, выбрав место по своему усмотрению. На доход от этого налога был учрежден и содержался новый полицейский отряд, в обязанности которого входила забота об общественном спокойствии и порядке. Как и следовало ожидать, эта мера также не устранила недостатков, с какими неизбежно связано молодое хозяйство. Положим, что скотоводство, а вместе с ним и доходность достигли необыкновенного расцвета: рогатого скота насчитывали в 1839 году уже четверть миллиона; предположим, что казенный мешок наполнялся от тяжести налога на пастбища, установленного тогда в 10 фунтов стерлингов в год, к которому присоединились еще 1 пенни подати за каждую овцу, 3 пенса за голову рогатого скота и 6 пенсов за лошадь; предположим, что только предприимчивому духу скотоводов обязана колония своей экономической самостоятельностью (из возросшего в 1840 г. до 5 миллионов фунтов стерлингов вывоза значительно большая часть падала на долю шерстяной промышленности). Но бесспорно и то, что однородность налога приносила с собой тяжелые неурядицы и что поощряемая этим форма крупного пастбищного хозяйства влияла глубоко, но неблагоприятно на все социальное развитие белого населения материка.

Право занять землю зависело, конечно, от уплаты налога, но все остальное — выбор местоположения земли и ее размеры — было вполне предоставлено благоусмотрению колониста. Излишней скромностью никто из них не страдал: каждый брал столько, сколько мог или насколько позволяло это соседство уже занятых областей. При таком порядке вещей большая часть пастбищных пространств была значительно обширнее, чем это было необходимо для наличности животных земледельца, даже приняв во внимание прирост стад — причина, на которую часто указывалось, — владения, по размерам своим равные немецкому княжеству, были не редкостью. Пока свободных земель было в изобилии, это было еще допустимо. Но, когда их стало меньше, эти колоссальные поместья, препятствуя колонизации, давали себя чувствовать тем неприятнее, что для всех стали теперь очевидны и громадные неравенства в земледелии. Что в этом отношении нужно приписать постановлению 1837 года, могут показать немногие примеры. Помимо обширных земель, которые слишком поспешно были предоставлены Australian Agricultural Company (1 миллион акров), и помимо безвозмездной раздачи земель офицерам и чиновникам новоюжноуэльского корпуса, остальная раздача земель в первые десятилетия не выходила из пределов умеренности: даже богачи не могли присвоить себе более пары сотен акров. Иначе были поставлены короли стад в четвертом и пятом десятилетии! Когда губернатор Джиппс в 1845 году подверг владения некоторых колонистов ближайшей ревизии, он нашел, что в одном округе восемь человек при стольких же привилегиях владели 1 747 000 акров, тогда как в том же округе девять других при девяти привилегиях имели только (!) 311 000 акров; четверо самых крупных скотоводов всей колонии обладали 7 750 000 акрами, т. е. они владели областью, более чем в два раза превосходившей по величине королевство Саксонию. Колоссальные размеры таких поместий не могли не иметь дурных последствий для всей колонии. Как, с одной стороны, пастбищное хозяйство требует наличия больших пространств, так, с другой стороны, оно обуславливает одбой, особенно при благоприятных климатических усло-

68

69

виях Австралии, участие лишь немногих рабочих рук; даже самые большие овцеводства занимают постоянной работой только небольшое число людей. Из этого вытекает непосредственно двойной вред для всей массы населения: шерстяное производство хотя и привлекает в страну много денег, но не распределяет их, а накапливает в немногих руках, чем поощряет развитие капитализма. Это, в свою очередь, закрывает возможности к увеличению рабочего населения. Там, где на сотни квадратных километров не требуется и дюжины рабочих рук, где поселить других самостоятельных колонистов — значило бы всадить скотоводству нож в тело, население не может достигнуть значительной густоты. Фактически еще и в настоящее время сельское население внутри материка своей численностью теряется в массе городского населения береговых областей.

Однако более опасной, чем все эти отрицательные стороны постановления 1837 года, являлась независимость количества требуемой земли от размера единовременного взноса налога, так как это противоречило чувству справедливости. Кому улыбалось счастье или кто обладал достаточной долей бесцеремонности, тот мог за свои 10 фунтов стерлингов приобрести целое королевство, в то время как на долю его соседа выпадало не больше пяди земли. Владельцы таких колоссальных пространств на самом деле не заплатили ни одним пенни больше, чем каждый другой колонист, приобретший свою землю после того, как состоялось упомянутое постановление. Интересно то, что стремление устранить это невозможное положение вещей не исходило от самого населения — оно было достаточно близоруко, чтобы видеть благополучие колонии в непосредственной и беспрепятственной эксплуатации пастбищ, — а было исключительно заслугой самовластного, недалекovidного губернатора Георга Джиппса, управлявшего колонией с 1838 года и рискнувшего сделать попытку предупредить дальнейшее развитие скваттерства. Он издал в апреле 1844 года указ с обратным действием, по которому каждый скваттер обязывался для сохранения за собой своих прежних прав на владение приобрести путем аукциона по крайней мере 320 акров земли; издержки по сделанным им улучшениям в своем владении должны были ему при этом засчитываться. Если он не выполнял этого требования, ему грозила опасность быть вытесненным из своего владения другим скваттером, удовлетворившим предписанному условию.

Указ этот встретил со стороны населения самый плохой прием. Что касается скотоводов, которым он непосредственно угрожал, то такое отношение вполне понятно; но и все другие слои населения были охвачены сильным волнением, с одной стороны, по поводу содержания указа, с другой же — из-за неуважения, с которым Джиппс при этом обращался с парламентом Нового Южного Уэльса, Legislative Council, существовавшим с 1842 года: он не только не представил своего плана на его усмотрение, но и не сделал ему даже никакого официального сообщения о свершившемся факте. Возмущение населения было так велико, что посланы были петиции в лондонский парламент и даже к королеве в надежде добиться отмены указа или, по крайней мере, смягчения строгих постановлений. Джиппс, со своей стороны, указал правительству метрополии на то, что, если будет продолжаться прежний образ действий, то казна лишится очень скоро всех своих свободных земель; он доказал при этом, что самыми злейшими подстрекателями были именно крупные землевладельцы, и сумел добиться того, что его постановления были оставлены в прежней силе, и только в мелочах были сделаны уступки скваттерам. При всем том нельзя отрицать, что

указ 1844 года не мог, помимо скотоводов, не отразиться тяжело также и на всей стране, если принять во внимание тогдашнее плохое экономическое положение Австралии. А это последнее обстоятельство находилось в тесной связи с другим вопросом.

Вопрос о ссылке. Вопрос о том, полезен или вреден ввоз английских ссыльных, в течение первых десятилетий колониального развития Австралии не возникал вовсе. Только когда свободное население стало преобладать своей

чис-

70

71

ленностью, а наплыв неупроченного английского земледельческого люда повлек за собой достаточное предложение свободной работы, стали проявляться стремления задержать или хотя бы отклонить в другую сторону все еще богатый приток с родины преступников. В пользу этих стремлений говорило наблюдение, что присутствие в стране множества людей более низкого нравственного уровня (из 60 794 жителей Нового Южного Уэльса в 1883 г. было не менее 16 151 ссыльных, в 1836 — 27 831) действовало в высшей степени деморализующим образом на все население, что расходы по содержанию преступников тяжело обременяли финансы колонии число преступлений и преступных действий достигло ужасающих размеров.

И все-таки нельзя было бы и помышлять о каком-либо изменении в скором будущем существующего порядка вещей, если бы и в самой Англии не убедились, что ссылка и там несла главную вину в ужасающем росте преступлений, что вызвало одинаково сильное течение в пользу отмены этого неудачного учреждения. В то время как население Англии, по исчислению Альфреда Циммермана, увеличилось в период времени с 1805 по 1841 год на 79 процентов, число преступлений возросло на 482 процента, и одних преступников в период времени между 1834 и 1843 годами было сослано 38 844 человека. Дело в том, что ссылка в тех слоях населения, которые она затрагивала, не считалась вовсе наказанием. Благодаря течению, направленному против ссылки, нижней палатой в 1883 году была созвана комиссия, которая высказалась за приостановку ссылки преступников в Новый Южный Уэльс и Ван-дименову землю и указала как на желательный исход на необходимость облегчать по возможности преступникам, по отбытии ими срока наказания, эмиграцию в другие страны. По мнению австралийцев, которые сами не раз хлопотали о прекращении ссылки, эти заключения комиссии шли слишком далеко; они опасались, что лишатся прежних дешевых рабочих рук, и теперь снова ходатайствовали об оставлении прежнего порядка вещей; однако успеха они не добились. Уже в 1839 году исправительная колония для

72

преступников, учрежденная в 1826 году в Моретонбес, была упразднена, а 22 мая 1840 года и Новый Южный Уэльс был изъят из списка стран, предназначенных для ссылки. Только Вандименова земля и Норфолк еще удерживали пока свой прежний характер.

Для Нового Южного Уэльса этот столь важный также и с точки зрения человеколюбия шаг принес с собой целый ряд тяжелых лет. Еще в 1839 году пространство проданной колонистам земли равнялось 285 900 акрам; в 1840-м оно достигало только 189 400 акров, чтобы упасть затем в 1841 году — до 86 300, а в 1842-м — даже до 21 900 акров. Причиной этого поразительного упадка был прежде всего недостаток в рабочих руках, создавшийся тотчас же по прекращении доставки ссыльных; затем начался общий экономический кризис, распространившийся быстро на всю страну. Его причинами были: понижение цен на все жизненные продукты, шедшие рука об руку с уменьшенным спросом со стороны тюремных управлений, прекращение прежних субсидий со стороны Англии, приносивших ежегодно в среднем не менее 200 000 фунтов стерлингов, выплачиваемых металлическими деньгами, и еще то обстоятельство, что, несмотря на падение цен, рабочая плата не понижалась. К тому же благородные металлы не добывались в самой стране, а правительственные кассы, при сильном упадке продажи земель, очень скоро оказались совершенно пустыми. Чтобы помочь этому, прибегли к взысканию многочисленных недоимок по *quitrent's*, что, со своей стороны, принесло немало затруднений для поселенцев. Ничего не улучшил и новый, изданный в 1842 году закон, определявший минимальную стоимость акра в один фунт стерлингов; тотчас же покупка земель еще более пошла на убыль; в 1843 году — до 4800 акров, а в 1844 году — даже до 4200. Лишь с концом кризиса эти числа начинают снова повышаться: в 1845 году — до 7200, в 1846 году — до 7000 акров. Поворот к лучшему совпадает с падением английского министерства Пилля 26 июня 1846 года. Новый секретарь колоний граф Генри Грей вступил снова на старый путь и дозволил раздавать

73

пастбища с правом выкупа на 14 лет; одновременно с этим значительно были смягчены и меры к взысканию *quitrent's*. Еще дальше в том же направлении пошло законодательство страны в следующем году, предоставив 9 марта 1847 года губернатору Нового Южного Уэльса полномочие отдавать в аренду в населенных местностях пространства в 16 000 или 32 000 акров на 8 или 14 лет. Каждый арендатор получал вместе с контрактом и право приобрести для своего поселения 640 акров за 640 фунтов стерлингов, а по истечении 14 лет возобновить аренду еще на следующие 5 лет. Аренда соответствовала количеству скота; пастбище, достаточное для 4000 овец, должно было стоить 10 фунтов стерлингов. Арендный договор обуславливал в то же время и право арендатора на выкуп. Этот поземельный вопрос был на следующие пятнадцать лет окончательно урегулирован для Нового Южного Уэльса. Постановления эти не только не встретили общего одобрения, но, напротив, вследствие новых бешеных спекуляций на земле и нанесенного уже ранее вреда заселенным областям в этих последних дело дошло до бурных манифестаций.

Правительство между тем не имело ни времени, ни охоты разрушать с трудом доведенное только что до конца дело и начинать его заново, и все вопли о его изменении остались тщетными.

Причину такого поведения метрополии нужно искать в затруднениях, которые она с отменой ссылки в Новый Южный Уэльс сама встретила при размещении своих преступников. Вандименова земля очень скоро переполнилась; план же основать новую колонию для преступников в Северной Австралии оказался невыполнимым. Таким образом, мысль осчастливить снова преступниками Восточную Австралию, области которой в течение более 50 лет принимали их с такой готовностью, тем более могла зародиться, что, с одной стороны, основанная тем временем на юге колония Порт-Филипп (с 1851 года — Виктория) громко требовала дешевых рабочих рук, с другой — и в Новом Южном Уэльсе немало было землевладельцев, которые пламенно желали возвращения прежних поряд-

74

ков, дававших избыток рабочих рук. И то, и другое заставило в 1848 году правительство в Лондоне снова вернуться к прежнему образу действий; постановление 1840 года было отменено, и намечено устройство новых колоний для преступников.

Эти планы не суждено было, однако, привести в исполнение. С одной стороны, убеждение во вреде ссылки стало в Новом Южном Уэльсе уже слишком общим и пустило слишком глубокие корни; с другой — и противодействие со стороны значительно окрепшего тем временем класса свободных рабочих угрожавшей им конкуренции сделалось столь сильным и упорным, что, по крайней мере, старейшая из австралийских колоний осталась избавленной на будущее время от непрошеного подарка. Только два корабля, нагруженных ссыльными, были присланы в 1849 году; пассажиров одного из них было разрешено высадить в Сиднее, но только для того, чтобы отдать их тайным образом внаймы частным лицам и препроводить внутрь страны; другой же корабль, пытавшийся пристать в Мельбурне, должен был отправиться обратно со всем своим грузом. Сильное сопротивление со стороны населения не осталось безрезультатным. С 1851 года Новый Южный Уэльс, принявший между 1788 и 1839 годами не менее 59 788 ссыльных, окончательно перестал считаться местом ссылки; для Виктории виды едва ли были менее благоприятны, а в 1853 году и Вандименовой земле, получившей от метрополии с 1803 года громадное число (65 655) ссыльных и в данный момент дававшей приют 20 000 самым опасным преступникам, удалось добиться того, что ее избавили от дальнейших таких присылок. После 1853 года австралийской исправительной колонией считалась только Западная Австралия, так как Южная Австралия с самого начала была поставлена на иные начала. Но и там ссылка недолго еще просуществовала: в 1868 году ее окончательно уничтожили, после того как с 1849 по 1868 год было ввезено около 10 000 преступников. Отныне население Австралии равномерно составлялось из одних только свободных элементов.

75

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОЛОНИЙ ДО СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Колонизация в связи с исследованием материка

Вместе с внутренним государственным развитием, проявившем себя в течение четвертого и пятого десятилетий главным образом в отношении к поземельному вопросу и вопросу о ссылке, шло рука об руку и расширение занятой колонизацией области. Но тогда как в поземельном вопросе дело шло прежде всего только о распределении областей, лежавших в пределах приблизительно нынешнего Нового Южного Уэльса, это пространственное расширение стремилось далеко за пределы его. В первом своем молодом порыве оно пыталось было охватить разом весь материк, и только после того как пришлось убедиться в несостоятельности своих собственных сил, дело ограничилось заселением лишь немногих областей, распределенных к тому же крайне неравномерно по окраинам материка: в то время как они скученны на юго-востоке и востоке, далекий запад остается разобленным, а на долю севера не выпало ничего.

Это своеобразное распределение тесно связано с историей основания отдельных колоний, а эта последняя, в свою очередь, опять-таки сильно зависит от хода географического исследования Австралии. В общем, исследование предшествовало, а заселение шло уже за ним. Только основание Западной Австралии шло обратным порядком: там заселение начинается с одного давно известного пункта, исследование же дальше внутрь страны является уже делом позднейших десятилетий.

Успешный переход Уэнтворса, Блэксленда и Лоусона в 1812 году через Голубые горы внутрь страны пробудил снова большое усердие к исследованию материка. В 1817 и 1818 годах И. Окслей открыл обширную пастбищную область у Ливерпульской равнины. В 1824 году молодые колонисты Гамильтон Юм и Вильям Говелль проникли пер-

76

выми из Сиднея через весь юго-восток материка, пройдя истоки Маррамбиджи и Муррея, почти вплоть до Гилонга, вблизи нынешнего Мельбурна. Одновременно с этим ботаник Аллен Кеннингам расширил исследования Окслея к северу до Дарлинг—Доунс (1827 г.). В 1828 и 1829 годах наконец совершены были важные путешествия Чарльза Стерта в бассейн Дарлинг—Муррея; этим, с одной стороны, поставлены были на новые основания взгляды на гидрографию страны, с другой — и колониальному развитию Австралии открылись более широкие пути. В этом отношении все эти путешествия вообще были важны по своим последствиям. С путешествием Юма и Говелля связано первое успешное заселение Порт-Филиппа; по стопам Аллена Кеннингама следуют отдельные овцеводы из глубины страны и, таким образом, дают настоящее основание будущему Квинсленду; наконец, только благоприятный отзыв Стерта относительно

областей между нижним Мурреем и заливом Винченца вызвал основание Южной Австралии. Путешествия позднейших лет, за одним исключением, не повлекли за собой никаких политических последствий, после того как уже было заложено ядро новых государств. Но по своему географическому значению они не уступают большей частью первым победам над материком, а относительно экономических преимуществ или недостатков страны они, без сомнения, дали более основательные сведения, чем первые поверхностные путешествия. Прежде всего это относится к экспедициям, целью которых было исследование речной системы Дарлинг—Муррея, а именно к путешествиям майора Томаса Ливингстона Митчells, окончившего с успехом свое дело в 1836 году после шестилетних упорных усилий; то же можно сказать и относительно открытия внутренних областей Виктории («Australia felix») тем же путешественником и не менее, если судить по его замыслам, смелого Эдварда Джона Эйра (1815—1902) в глубине Южной Австралии, в тамошней низкой озерной области и вдоль пустынного южного берега до залива короля Георга (1839—1841 гг.).

77

Немного утешительного сообщило большинство всех этих путешественников; если исключить Викторину, все сведения относительно экономического значения исследованных областей были мало поощрительны или носили совершенно отрицательный характер. Только северо-восток составляет в этом отношении исключение; здесь и позднейшие путешествия увенчались успехом, и некоторые из них даже могут сравниться с открытиями первых исследователей внутренних частей материка. Такое живительное влияние на перспективу развития этого края оказали путешествия немецкого ученого Людвиг Лейхгардта, а Квинсленд и Северная Австралия являются теми областями, которые обязаны немцу своим настоящим открытием и заселением. И действительно, не будет преувеличением утверждать, что грандиозное путешествие Лейхгардта от Дарлинг—Дуонс до Порт-Эссингтона (1844—1846 гг.) увеличило колонизационную область этой части света на всю ее северо-восточную треть. Колонистам оставалось только последовать по стопам путешественника, чтобы получить в свое распоряжение неизмеримое пространство годной земли.

Черта, свойственная всем исследованиям Австралии до середины XIX столетия, это то, что они ограничиваются лишь окраиной материка; центр остается совершенно вне их стремлений. Это явление находит свое объяснение в новизне самой области; прежде чем не был исследован широкий окраинный пояс в большинстве своих частей, не было никакого повода приниматься за самую глубь материка.

Даже когда во второй половине XIX столетия цель была наполовину достигнута, отсутствие чего-либо ощутительно заманчивого значительно затормозило ход исследования.

КОЛОНИЗАЦИЯ ТАСМАНИИ (ВАНДИМеновой ЗЕМЛИ)

Из шести колоний, составляющих федерацию австралийских государств, только три — Тасмания, Виктория и Квинсленд — являются дочерьми Нового Южного Уэльса; Южная и Западная Австралия (как и Новая Зеландия), на-

78

против, образовались путем прямой колонизации из Англии. При тех чрезмерных затруднениях, с которыми Новому Южному Уэльсу пришлось бороться в продолжение долгого времени, это обстоятельство кажется странным: для Западной Австралии уже одно большое расстояние от восточной окраины материка является достаточным, чтобы парализовать дух местной предприимчивости; основание же Южной Австралии было таким рискованным экспериментом, что правительство в Сиднее отлично сделало, оставшись в роли непричастного зрителя. Впрочем, даже и здесь, на востоке Австралийского залива, расстояния не лишены значения; по меньшей мере, нельзя считать случайностью тот факт, что три дочерние колонии лежат в одном поясе с материнской. Чрезвычайно интересно далее, с точки зрения антропогеографии, то явление, что первым «саженцем» явился относительно отдаленный от Сиднея остров Вандименова земля, причем были обойдены соседние области материка, а даже первые шаги к основанию Виктории, одной из соседних областей, были сделаны не со стороны Сиднея, а с Вандименовой земли. Редко естественное преимущество, свойственное положению острова на виду обширного противоположного побережья, проявлялось с такой очевидностью, как здесь.

Первым шагом австралийской колонии Нового Южного Уэльса на пути государственного раздробления было основание колонии для преступников на Вандименовой земле в 1803 году. Поводом к этому послужил прежде всего страх перед колонизаторскими поползновениями французов, бывший не раз причиной основания военных постов на австралийском берегу. Затем английское правительство считало вредным скапливать слишком большое количество преступников на одном месте, что доказывает также и повторявшиеся отправки преступников в Норфолк; правительству казалось желательным сделать безвредными, благодаря отдаленности острова, по крайней мере самых опасных из них. Для приведения в исполнение этих намерений губернатор Кинг отправил лейтенанта Боуена с отрядом солдат и несколькими ссыльными на Вандименову землю; здесь

79

в июне 1803 года на левом берегу устья Дербента основалось поселение Рестдоун, название, превращенное впоследствии в Рисдон.

В это же время в Англии зародился план заселить берега незадолго перед этим открытого Порт-Филиппа в юго-восточном углу материка. Исполнение этого плана было поручено полковнику Коллинсу, человеку, прибывшему в качестве судьи еще с первым транспортом ссыльных в Порт-Джексон, бывшему затем долгое время генеральным адвокатом Нового Южного Уэльса и находившемуся в то время как раз в Лондоне. 3 октября 1803 года экспедиция, состоявшая из двух кораблей с более чем 300 ссыльными и небольшой командой, высадилась в южной части Порт-Филиппа, приблизительно там, где теперь находится Соррен-то. Небольшие экскурсии внутри страны очень скоро убедили, что она лишена растительности, неприветлива, а когда Коллинсу после

продолжительных розысков не удалось найти даже воды, он покинул эту местность 27 января 1804 года для того, чтобы перевезти своих людей на Ван-дименову землю, что, по его просьбе, ему было разрешено Кингом. Он направил также корабль и к устью Дербента, снял с места бывшую там колонию Боуена и основал на правом берегу реки новое общее поселение у подножия Маунт-Веллингтон. В честь тогдашнего английского министра колоний лорда Гобарта он назвал ее Гобарттауном, сокращенным в 1881 году в Гобаот.

Но и север острова не остался нетронутым. В одно время с экспедицией Коллинса, и все из-за той же боязни перед французской оккупацией, полковник Патерсон препроводил из Сиднея-другую партию ссыльных на Вадименову землю, где на западном берегу Порт-Дальримпла было основано сначала местечко Йорктаун. Его первые жители не смогли стать там на ноги, так как уже в 1806 году их отвезли дальше внутрь страны и поселили в новом месте, названном Лоунчстоном в честь находящегося в Корнвал-лисе месторождения Кинга.

Заселение новой колонизационной области с противоположных сторон необыкновенно ускорило исследование

80

острова, а вместе с этим и оценку его экономических преимуществ; все это совершилось, однако, помимо воли правительства, и нельзя сказать, чтобы оно способствовало его спокойствию. Продолжительная нужда в жизненных припасах, из-за чего страдали в начале колонизации Новый Южный Уэльс и Ню-Фолк, вскоре сказалась и во вновь созданной колонии. Причиной этому была, с одной стороны, ее строгая замкнутость, разрешавшая высадку только привозившим преступников кораблям; во-вторых, полная экономическая зависимость от Нового Южного Уэльса. При обыкновенных условиях это могло бы и не привести к вредным последствиям; но когда в материнской колонии появлялась нужда, как это случилось в 1806 году из-за большого наводнения, причиненного рекой Гоуксбери, то положение всех поселенцев становилось тем более опасным, что к числу жителей Вандименовой земли в это время (1807 г.) прибавлялось еще все население Норфолка. При таких обстоятельствах условия жизни на Вандименовой земле складывались вначале неутешительно. В течение долгого времени правительство вынуждено было предоставлять каждому ссыльному самому добывать себе пищу, одежду и кров. Так как мясо кенгуру было признано достаточно удовлетворительным, то ссыльные были вынуждены рассеяться по всей стране. Это способствовало исследованию острова, но далеко не упорядочению жизни колонистов и еще менее поддержанию хороших отношений с туземцами. Туземцев уничтожали самым жестоким и немилосердным образом: белое население выступило против чернокожих сомкнутой массой. Ссылный убивал туземца из-за одной только жажды убийства, поселенец изгонял его из-за мнимой самообороны, а правительство старалось овладеть им из-за стремления к земельной наживе. Результат этих соединенных усилий был поразительный; знаменитая «черная война» 1830 года с дорогостоящей облавой губернатора Артура появилась почти уже слишком поздно. Отношения среди самих белых наладились не так просто. Нападающей стороной здесь является только ссыльный, которому противопоставляется как страдающая сторона вся масса поселенцев и правительство. И тем не менее неравная борьба

81

замедлила здесь на целые двадцать лет государственное и экономическое развитие колонии. Многим из отпущенных для охоты на кенгуру ссыльных, кроме того, всем бежавшим из исправительных заведений — а таких было немало — и в голову не приходило возвращаться из своих экскурсий внутрь страны снова под ярмо заключения; они скоро входили во вкус вольной жизни в кустах, собирались шайками, пробавлявшимися грабежом белых поселенцев, и этой приятной, но для процветания колонии очень мало полезной деятельностью положили основание тому дикому bush-ranger'cTBу *, которое до 1830 года было бичом для Вандименовой земли и которое появилось впоследствии также и на самом материке. Причин избегать человеческого общества как для одного, так для другого сорта беглецов было немало. Издавна во всей Австралии было в обычае предоставлять колонистам пользоваться ссыльными в качестве работников; эти последние, особенно у более грубой и неотесанной части населения, не всегда встречали снисходительное обращение; беспощадное сечение розгами из-за малейшего проступка было еще самым мягким наказанием. И все-таки те, которые изнывали под ярмом частных лиц, могли считать себя счастливыми по сравнению с другими несчастными, помещенными в основанных правительством исправительных тюрьмах, из которых на Вандименовой земле самой дурной славой пользовались основанный в 1821 году Маккари-Гарбоур и присоединенный в 1832 году Порт-Артур. Многие из содержавшихся в них преступников предпочитали добровольную смерть; другие же бежали, чтобы погубить в непроходимых лесах. Наконец, те немногие, бегство которых оканчивалось удачей, не находили, в свою очередь, никакого повода сколько-нибудь щадить остальное свободное человечество; грабеж, убийства и поджоги на долгое время характеризовали колониальную жизнь на Вандименовой земле. Только в 1825 и 1826 годах деятельное губернатору Артуру удалось неожиданным походом положить конец бесчинствам, по крайней мере, на не-

* Bush-ranger (англ.) — беглый каторжник, бродяга, разбойник (в Австралии).

82

которое время; двадцать лет спустя, при губернаторе Вильмоте, они возобновились снова и с еще большей силой. При всем том зле, которое bush-ranger'cTBO нанесло острову, нужно счесть за счастье, что все ужасы и беспокорства оседлого населения ограничивались преимущественно внутренностью страны; южный и северный берега остались в общем пощаженными и могли поэтому, хотя и медленно, но без помех идти по пути развития. Самому Коллинсу, умершему в Губарттауне в 1810 году, многое не суждено было увидеть из успехов колонии, которому он положил начало постройкой прекрасной, могущей служить образцом искусства, дороги между Лоунчстоном и Гобарттауном, начатой еще в 1807 году; но не в его власти было при существующих условиях продвинуть колонию еще дальше по пути развития. Его преемник, подполковник Давей, прибыл в Гобарттаун лишь в начале 1813 года. На этот промежуток времени падает первое посещение губернатора Маккари в ноябре 1811 года; оно имело большое значение для Вандименовой земли, так как Маккари со свойственной ему живостью излил на этот

остров настоящий рог изобилия, наполненный разными планами: он затевал постройки дорог, публичных зданий, даже целых городов и, что главное, сумел пробудить дух общественности у лучшей части населения. Настоящая организация стала заметной лишь с этой поры; одним из первых ее проявлений было объявление в 1812 году Гобарттауна главным городом страны. Деятельность Давей, продолжавшаяся до 1817 года, мало подвинула вперед дальновидные планы Маккари. Сам он смотрел на свои обязанности, по свидетельству Йенкса, как на шутку, играл и пил со всеми и не пользовался ни малейшим уважением. Лишь bush-ranger'sTBO было для него сучком в глазу, и только желание его подавить заставило его хоть как-то действовать. Деятельность его выразилась в том, что он объявил весь остров на военном положении и запретил всем жителям оставлять свои дома в ночное время без разрешения. Если при таких обстоятельствах и таком губернаторе колония вообще может еще указать на некоторые успехи, то этим она обязана исключительно частным

83

лицам. Уже в 1815 году колония могла вывозить в Сидней пшеницу, а в следующем году также и солонину. В Шбгоду последовало основание первой газеты в Гобарттауне. Когда Давей оставил управление, белое население достигало 3000 с лишним душ, и столько же акров находилось под культурой. Но скотоводство и овцеводство еще отсутствовали.

Эти последние составляют приобретение лишь следующих годов. Место Давей занял Вильям Сорель, человек разумный, ближайшей заботой которого было наряду с населением, вышедшим из ссыльных, привлечь также и свободных переселенцев; вместе с этим он обратил свое внимание как на экономическое развитие острова, так и на подавление bush-ranger'sтва. Как и Давей, он не сумел добиться успеха на этом последнем поприще; переселенцев же, напротив, ему удалось привлечь большими массами благодаря выгодным предложениям, которые он им делал. Правительство предоставляло им не только совершенно безвозмездно земельные участки, но также и содержание на шесть месяцев, давало займы весь скот для обзаведения и семена для первого посева и обеспечивало, сверх того, минимальные цены на все производство пшеницы и мяса. Когда в 1821 году губернатор Маккари после десятилетнего перерыва посетил вторично Вандименову землю, на этот раз для того, чтобы навсегда с ней проститься, белое население достигло 7400 душ, владело 14000 акрами пахотной земли и имело на пастбищах 180 000 овец и 35 000 голов рогатого скота. Введение рационального овцеводства хотя и совпадает с периодом управления Сореля, но составляет' заслугу не раз уже упомянутого полковника Патерсона, побудившего в 1820 году опытного скотовода Мак Артура прислать ему транспорт его знаменитых руноносцев. Сделанный в 1819 году опыт выступить с шерстью на английском рынке потерпел неудачу; но в 1822 году было вывезено уже 794 тюка, и они были хорошо приняты на рынке. В настоящее время шерстяное производство, как известно, уже давно составляет экономическую основу колонии. Вполне понятно, что при таких обстоятельствах колонисты неохотно встретили уход губернатора, которого любили также и за его личные качества. Когда в 1823 году он был отозван, его сопровождало всеобщее сожаление; был даже послан адрес лондонскому правительству с просьбой вернуть его снова на прежнюю должность.

Преемник Сореля, Артур (1823—1836 гг.), не мог похвастать таким успехом, несмотря на долгую службу и большие заслуги. Виной этому были, с одной стороны, его личные качества, с другой — его недружелюбное отношение к свободным поселенцам. Вступление Артура на службу связано с важными переменами в государственном строе Вандименовой земли. За последние годы быстрый рост белого населения дал почувствовать отсутствие самостоятельного правления. Не только вопросы, касавшиеся общественного блага, были поставлены в зависимость от Сиднея, но там должны были решаться и повседневные дела; на это уходило недели. Хотя со стороны Маккари была сделана попытка устранить это зло, и он снабдил губернатора большими полномочиями, тем не менее такое положение вещей не могло долго удерживаться. В Лондоне это скоро поняли. Указ парламента от 1823 года, ограничивший власть губернатора Нового Южного Уэльса, отделил совершенно Вандименову землю, и она была объявлена самостоятельной колонией с собственными судебными учреждениями и особым исполнительным советом, словом, она была уравнена с Новым Южным Уэльсом. Губернатором был назначен полковник Артур.

Хотя острое находился теперь в поре расцвета, недостатка в работе у губернатора не было; время его более чем двадцатилетнего правления является самым бурным во всей истории Вандименовой земли. Большой энергии требовало прежде всего урегулирование вопроса о ссыльных. Вскоре после прибытия на остров губернатора из Порт-Маккари бежала шайка преступников в 100 с лишним человек, взымавшая контрибуцию со всего острова. Только при помощи большой военной силы удалось положить конец этому бесчинству. По приказанию губернатора были казнены один за другим 103 злодея. Вообще мягкостью по отношению к преступникам Артур и в других случаях не

84

85

отличался, несмотря на то что он, как в свое время и Мак-кари относительно Австралии, смотрел на остров исключительно как на место ссылки. На свободных поселенцев он смотрел как на необходимое зло. Это одностороннее отношение к делу выразилось в неутомимой, хотя и нельзя сказать, чтобы отеческой, заботе о ссыльных. Когда в 1832 году пришлось упразднить Порт-Маккари на западном берегу из-за слишком густой населенности, он основал на юго-востоке в Порт-Артуре новую тюрьму, в которой тюремное дело было возведено в настоящую науку.

Второй задачей Артура было урегулирование вопроса о туземцах.

Несмотря на борьбу ссыльных и туземцев, преуспевание колонии не нарушалось; население и пространство,

занятое под культуру, необыкновенно быстро росли именно в период службы Артура. Ко времени его прибытия население перешло цифру 10 000; когда в 1836 году он оставил управление, численность населения увеличилось вчетверо, точно так же, как и пространство обработанной земли. Число овец достигло тогда приблизительно миллиона голов, а торговля, выражавшаяся в 1823 году цифрой в 25 000 фунтов стерлингов, поднялась свыше полумиллиона. Для широкого развития острова в экономическом отношении в Англии образовалась Van Diemen's Land Company, которой было предоставлено сначала 250 000 акров, а затем еще 100 000; эта компания вплоть до последнего времени принимала деятельное участие в развитии колонии. Для просвещения населения имелось 29 школ, для церковной службы — 18 церквей. Пресса, с которой < Артур в продолжение многих лет вел такую же ожесточенную борьбу, как сэр Ральф Дарлинг в Австралии, была на- "*" конец упорядочена; с 1828 года господствовала полнейшая свобода печати. Одним словом, как Артур, так и колонии могли быть довольны полученными результатами. Дальнейшая история Вандименовой земли до начала второго периода, наступившего приблизительно одновременно и равномерно для всех австралийских колоний, может быть передана в немногих словах. Преемником Артура был сэр Джон Франклин (1836— 1843 гг.), человек, уже в то время известный своим исследованием областей Северного полюса. Склонный по натуре больше к деятельности на поприще науки, он был не на высоте разнообразных трудностей своего ответственного положения, тем более что с периодом его управления совпадает и экономический упадок Австралии. Тем не менее нельзя отрицать его заслуги в отношении острова. Организация дела просвещения всецело принадлежит ему; он же основал далее Royal Society of Tasmania, дал возможность издать труд Вильяма Джексона Гукера о флоре Тасмании и, наконец, поощряя путешественников, дал ход геологическому и естественно-историческому описанию острова. Период его управления — в то же время и период процветания науки на Вандименовой земле. Кратковременное управление его преемника сэра Эр-длея Вильмота (1843—1846 гг.) заполнено борьбой между населением и лондонским правительством из-за отмены ссылки. Вандименова земля всегда пользовалась сомнительной привилегией иметь в своем распоряжении значительные массы преступников, не соответствовавшие ее пространству; неудивительно поэтому, что все отрицательные, стороны колонизации путем ссылки как в нравственном, так и в экономическом отношении стали наиболее ощутимы именно здесь, и уже в 1835 году ссылка вызвала протест, направленный на прекращение высадки преступников. Это движение не совсем затихло и в следующие годы, и, когда в начале сороковых годов на остров были переведены заключенные из Моретонбея, оно ожило с новой силой. Возмущение разгорелось благодаря доставке 2000 заключенных с острова Норфолк, сделавшегося с 1825 года снова исправительной колонией, и поддерживалось партиями, постоянно прибывавшими из самой Англии. До 1844 года число сосланных на Ванди-менову землю преступников равнялось 40 000; самыми негодными элементами были сосланные из Норфолка, среди которых было много беглых, собиравшихся в разбойничьи шайки в 100—150 человек, объявлявших войну

86

87

всему обществу. Они поджигали дома, убивали жителей, угоняли скот, и старое зло bush-ranger'sTВа снова ожило в его самой худшей форме.

Это переполнило чашу терпения. Движение против заселения острова ссылными сделалось всеобщим. Был основан большой агитаторский союз, и после нескольких лет усилий, в 1853 году, при губернаторе Вильяме Денисоне, бывшем с 1846 года преемником Вильмота, добились полной отмены ссылки на Вандименову землю.

ПОРТ-ФИЛИПП (ВИКТОРИЯ)

Нынешняя Виктория является скорее внучкой, чем дочерью Нового Южного Уэльса. Настоящим своим основанием она обязана Вандименовой земле; краткая история ее чисто австралийского происхождения. Она начинается с известной уже нам попытки Коллинса в 1803 году основать у берегов Порт-Филиппа колонию для преступников. Неудача, которую потерпела эта попытка, привела к тому, что в течение более двадцати лет никто не заботился о местности, считавшейся «непродуктивной и малообещающей». Только в 1825 году благоприятные отзывы Юма и Говеля, равно как и намерение опередить французов, заставили сделать новую попытку: у Вестернпорта, ошибочно принятого за Порт-Филипп, была основана колония для ссыльных под именем Дюмареска; но так как на месте не оказалось воды, то поселение в 1828 году было заброшено. На этом кончается предварительная история Порт-Филиппа.

Действительным своим основанием Порт-Филипп, как называлась нынешняя Виктория до 1851 года, обязан всецело духу предприимчивости частных лиц. В 1834 году к небольшому числу рыбаков и лодочников, ведших в первую треть XIX столетия жизнь полудикарей в восточной части южного берега Австралии, присоединилась семья Генти, поселившаяся в Портландбее. Эта семья принимала в 1829 году участие в неудачном западно-австралийском предприятии,

затем пыталась найти свободные земли на Вандименовой земле и, наконец, когда средства ее стали приходить к концу, она решилась на этот смелый шаг к неизвестному будущему. На поданную уже после своего водворения просьбу о разрешении поселиться последовал со стороны властей сначала отказ, но затем это разрешение было ей дано благодаря все тому же опасению французского вторжения.

Успех Генти дал толчок предприятию, наметившему своей целью снова Порт-Филипп — настоящее ядро нынешней колонии Виктории и считающийся поэтому многими за исходный пункт этого государства.

Руководителем предприятия явился Джон Батман, зажиточный овцевод из Вандименовой земли. Он отправился в 1835 году с несколькими товарищами к южному берегу Австралии, осмотрел страну и 6 июня 1835 года за дюжины две топоров, ножей и ножниц, несколько одеял, 30 зеркал и 200 носовых платков и за обещание платить ежегодно 200 фунтов стерлингов товаром «купил» две громадные области, объединявшие вместе 600 000 акров (2400 кв. км), пространство приблизительно величиной с великое герцогство Люксембургское. Следствием этого было образование союза различных по-селенцев из Вандименовой земли, Port Phillip Association, и основание первого поселения в Джилонге. Сам же договор по купле был послан в Англию; само собой, его там не признали: если область принадлежала Англии, то туземцы не имели права продавать никакой земли без разрешения губернатора; если же она Англии не принадлежала, то союз не мог претендовать на защиту со стороны Англии. Ассоциация согласилась с этими доводами, и от нее отделились 20 000 акров, по тогдашней стоимости около 150 000 марок; а в 1836 году она совсем прекратила свое существование.

В Англии основание новой колонии встретило сначала мало сочувствия: боялись расходов по управлению и не хотели без крайней нужды подвергать опасности сильной конкуренции намеченное поселение в близкой Южной Австралии. Но обстоятельства были сильнее воли правительства. Еще 26 августа 1836 года губернатор Нового Южно-

89

го Уэльса Боурке предостерегал от занятия земель без его разрешения; но уже год спустя, в сентябре 1836 года, неожиданный громадный наплыв переселенцев заставил как губернатора, так и английское правительство, открыть страну для колонизации. Дальнейшее развитие пошло вперед быстрыми шагами. В 1835 году все управление состояло из одного-единственного чиновника, некоего капитана Лондсделя; но уже в следующем году состав управления расширился, явился настоящий отряд констеблей, к которому присоединилось еще небольшое число землемеров, В 1837 году сэр Роберт Боурке сам положил основание Мельбурну и Вильямстоуну, из которых первый уже в 1842 году получил городское самоуправление. Перепись в июне 1836 года показала 177 колонистов и около 26 000 овец; два года спустя обе эти цифры увеличились в три и в четыре раза. В то же время вывоз молодой колонии выражался в 12 000 фунтах стерлингов, тогда как ввоз достигал даже 115 000 фунтов. Приобретение земли, как и в Новом Южном Уэльсе, совершалось путем аукциона. При сильном приливе переселенцев к концу 1841 года в постоянные руки перешло не менее 205 748 акров земли, увеличивших на 394 300 фунтов стерлингов фонды страны, из которых покрывались расходы по общественным учреждениям. Такая громадная сумма является характерной для избытка денег, циркулировавших в то время в стране. При недостатке в рабочих руках поденная плата в 10 шиллингов считалась еще невысокой; бык стоил 12—15 фунтов, лошадь — 100 фунтов и больше, овца — до 3 фунтов. Шампанское, по словам Альфреда Циммермана, истреблялось в таком количестве, что одними бутылками из-под него можно было бы вымостить улицы на целые мили. Реакция не заставила себя долго ждать. Наступившее вскоре перепроизводство пшеницы и скота привело во всех отраслях хозяйства к упадку цен, повлекшему за собой настоящий кризис. Наемная плата сильно понизилась; скот стоил теперь столько шиллингов, сколько прежде фунтов стерлингов, и сотни торговых фирм приостановили платежи. Кризис был громадный, однако кратковременный; конец его наступил уже к середине сороковых годов. С тех пор, если не считать начавшуюся некоторое время спустя золотую лихорадку и объявление автономии колонии, ни одно значительное событие не нарушало мирного преуспеяния Порт-Артура; развитие его шло быстро и непрерывно вперед. В 1843 году торговые обороты колонии выражались уже цифрой в 341 000 фунтов стерлингов; в 1848 году — 1 049 000. В равной мере росли и доходы от продажи земель. Из 250 000 фунтов валового дохода колонии в 1850 году не них одних приходилось более половины. Расходы были ниже доходов на 30 процентов.

Приятно поражают те довольно хорошие отношения, которые установились с самого начала между колонистами и туземцами. Это обстоятельство является отчасти результатом разумного поведения первых поселенцев, отчасти заслугой известного своей замечательной судьбой Вильяма Беклея (Buckle). Это был ссыльный, который в 1804 году бежал из экспедиции Коллинса, прожил затем целых 32 года среди туземцев и теперь сделался посредником между ними и белыми. Борьба с туземцами, примеры жестокости и т. д. почти отсутствуют в истории Порт-Филиппа; поселенцы могли беспрепятственно расширять свои пастбища, распространяясь все далее в глубь страны. В 1849 году Порт-Филипп насчитывал более миллиона овец; шесть уже вывозили почти на 13 миллионов фунтов. Блестящее развитие колонии позволило уже в 1842 году почувствовать ее политическую зависимость от Нового Южного Уэльса. Целый ряд представлений, делавшихся лондонскому правительству и имевших целью политическую автономию колонии, не привели ни к каким результатам. Тогда колонисты в июле 1848 года решились на столь же смелый, как и оригинальный шаг. Колония должна была избрать шесть депутатов для заседающего в Сиднее Legislative Council; кандидатов заставили взять назад свою кандидатуру и избрали единственным представителем колонии английского статс-секретаря графа Генри Грея. Уловка была, конечно, понятна, и в состоявшихся

90

91

затем в октябре вторичных выборах правительство добилось избрания действительных депутатов; тем не менее цель была достигнута в том смысле, что в Англии почувствовали необходимость серьезно взвесить

вопрос о разделении обеих колоний. Эту задачу взял на себя Board of Trade, министерство уступило наконец, и Constitution Act от 1850 года объявил поселение (достигавшее к тому времени 77 000 человек) самостоятельной колонией под именем Виктории. Известие об этом дошло до Мельбурна в ноябре 1850 года; но новый порядок вещей вступил в силу лишь с 1 июля 1851 года.

Квинсленд

Экспедиция Окслей в 1832 году вдоль лежавшего к северу от Сиднея восточного берега повела к нескольким колонизационным попыткам: так, например, были основаны поселения в Порт-Эссингтоне, на острове Мельвиллс и в других пунктах, но никаких положительных результатов эти поселения не дали. Когда некоторое время спустя возникли затруднения по поводу поселения ссыльных на Ванди-меновую землю, прибегли к основанию в 1826 году исправительной колонии для преступников у Моретонбея. Это поселение просуществовало до 1840 года и под именем Брисбена осталось и до настоящего времени центром управления позднейшего Квинсленда; настоящим же ядром колонии его нельзя считать. Прежде всего, наличие преступников страшило свободных поселенцев колонии, да и самой страной нельзя было располагать свободно. Таким образом, политико-географическое развитие Квинсленда шло, по крайней мере на первых порах, единственным в своем роде путем: от внутренней части страны — к берегам.

Настоящим своим основанием Квинсленд обязан скваттерам, которые последовали по стопам Аллена Кэннингама из Нового Южного Уэльса к северу. От Ливерпуль-Плейнс они подвигались со своими стадами все дальше на север до округа Новой Англии и еще дальше до Дарлинг—Доунс. Эти местности представляли лучшие в мире паст-

92

бища, но отсутствие прямого выхода к морю являлось большим неудобством: из-за преграждавших путь горных кряжей приходилось для сбыта товаров делать длинный обход через Новый Южный Уэльс. Даже открытие трудного горного перевала к Моретонбею не принесло никакой пользы, так как начальство запретило скваттерам входить в какие бы то ни было отношения с этой местностью. Перемена к лучшему наступила только с 1839 года, когда после упразднения исправительной колонии начали прокладывать доступные дороги через горы, ввели в 1842 году публичную продажу земель, и лишь тогда наконец во вновь открытую область удалось направить волну переселенцев. Однако развитие колонии продвигалось вперед медленно; хотя годной земли и было в изобилии, но для ее обработки не доставало рабочих рук: в течение девяти лет было роздано не более 2500 акров. Здесь, как и повсюду в Австралии, выход из этого затруднения видели вначале в доставке ссыльных; не побоялись даже принять к себе ссыльных, отвергнутых Сиднеем в 1849 году, когда Новому Южному Уэльсу хотели навязать новый транспорт. Когда же и это оказалось недостаточным, прибегли к обоюдоострому средству — ввозу китайцев. Вопрос о ссыльных не коснулся Квинсленда благодаря отрицательному к нему отношению метрополии; но зато Квинсленд не был избавлен от более тяжелого китайского вопроса, не сходявшего почти никогда со сцены и обострившегося снова в 1901 году вследствие все ослабевающего прилива белых рабочих. Впрочем, и первые кули не принесли скваттерам никакой пользы. К врожденной расовой вражде присоединилась разжигаемая еще более китайской войной 1841—1842 годов ненависть китайцев ко всем белым вообще; кули отравляли своих господ чаем и спешили затем как можно скорее убраться из колонии.

Таким образом, рабочий вопрос оставался для Квинсленда все еще неразрешенным. Открытие золота в 1851 году в Виктории и в Новом Южном Уэльсе еще больше способствовало увеличению нужды в рабочих руках в стране, которой не коснулась еще в то время золотая лихорадка. Нуж-

93

да колонистов в ссыльных была столь велика, что вскоре вызвала стремление к политическому отделению от Ново-Южного Уэльса только для того, чтобы снова ввести себя ссылку. Первого они скоро добились: в 1859 году са-1 веро-восточный угол Австралии был объявлен отдельной самостоятельной колонией под именем-Квинсленда. До¹ ввоза ссыльных дело, однако, не дошло. С одной стороны, общее течение во всей остальной Австралии было не в пользу ссылки, с другой стороны, для ссылки оставалась тогда открытой более удобная Западная Австралия, куда доставка ссыльных обходилась дешевле.

Квинсленд представляет ко времени объявления его автономии совершенно иную картину, чем остальные австралийские колонии в свое время. Общее число белого населения достигало в 1859 году 30 000 душ, распределявшихся приблизительно на равные части между городом и деревней. Городов насчитывалось 20, из которых Брисбен имел в то время 4000 жителей, тогда как другие города могли указать лишь на несколько сот: «город» Аллора имел не более 55 душ. Не только по ничтожному количеству жителей эти поселения носили характер чистой деревни; мы нигде не встречаем и следа организованного управления. Тем более нужно удивляться той самоуверенности и быстроте, с какими все учреждения сумели примениться к так неожиданно нагрянувшим на них новым условиям. Эдвард Йенкс склонен видеть в этом факте доказательство громадного дара англосаксов к политической приспособляемости. Действительно, квинслендцы приступили к самоуправлению, не имея за собой той подготовительной школы, какая выпала на долю всех остальных австралийских колоний, политическое развитие которых шло шаг за шагом.

Западная Австралия

Западная Австралия была основана непосредственно самой Англией. Хотя в 1826 году из Сиднея было послано известное число ссыльных к западному берегу материка с целью предупредить возможные поползновения францу-

94

зов занять страну, но основание таких пунктов, как Альба-ни и Рокинггам, едва ли можно назвать настоящей колонизацией. Лишь в 1829 году было положено действительное начало заселению края. За год перед этим некий капитан Стирлинг опубликовал блестящее сообщение о низовьях Сван Ривера, побудившее правительство поручить капитану Фримантлу водрузить там английский флаг. Но дальнейшие шаги со стороны правительства не были сделаны из-за недостатка средств.

Главным выразителем духа частной предпринимательства был Томас Пиль, первый давший толчок колонизации. В сообществе с другими он вызвался привлечь в четырехлетний срок 10 000 свободных переселенцев к Сван Риве-ру при условии, что ему будет обещано в возмещение издержек, оцененных им в 300 000 фунтов стерлингов, пространство в 4 миллиона акров (16 000 кв. км). Когда правительство не согласилось на его предложение, Пиль значительно умерил свои требования и добился успеха. Под предводительством назначенного на пост губернатора новой колонии капитана Стерлинга, которому было обещано 100 000 акров земли, из Англии отплыла весной 1829 года первая партия эмигрантов. Она прибыла в июне к Сван Риверу, и основала у его устья город Фримантль а затем, выше по течению, город Перт. За первой партией последовало в Западную Австралию в течение следующих полутора лет 39 эмигрантских судна с 1125 колонистами, привлеченными заманчивыми отзывами. Эмигрантам, однако, не повезло: земли было достаточно, но не доставало рабочих рук, не было ни дорог, ни рынков для сбыта.

План Пили состоял в том, чтобы культивировать табак и хлопок, сахар и лен, разводить лошадей для Индии и откармливать рогатый скот и свиней для того, чтобы снабжать английский флот солониной. Из всего этого ничего не вышло; колонистам скоро и самим нечего стало есть, и чем больше земли было в их распоряжении, тем сильнее были беспомощность и нужда. Часть поселенцев, среди которых было и семейство Генти, решила оставить неблагоприятную колонию; многие потеряли при этом все свое

95

состояние; сам Пиль, поселившийся вместе с 200 колонистами, потерял, как говорят, 50 000 фунтов стерлингов. Основатели колонии не только не заботились о пристанище для вновь прибывших переселенцев, но и не давали себе никакого труда приступить хотя бы к приблизительному разделу земли, не говоря уже о действительных размежеваниях. Переселенцы после высадки часто целыми месяцами оставались на берегу без крова, беззащитные против жгучего австралийского солнца, предоставленные песчаным бурям и жестоким ливням. При этом гибли и состояние, и здоровье. Когда же они получали наконец возможность занять назначенную им область, тогда начинались затруднения другого рода. Отношения к туземцам стали с самой первой минуты в высшей степени враждебными, и только при помощи конного полицейского отряда можно было защитить себя. При таких обстоятельствах здесь не могло быть и речи о преуспевании, которое наблюдалось в других колониях в юную пору их существования. Развитие колонии продвигалось вперед очень медленно, особенно когда за первой волной переселенцев иммиграция совершенно прекратилась. Немногие из оставшихся поселенцев делали со своей стороны все возможное, взялись особенно энергично за овцеводство и разведение лошадей, положили основание некоторым городам и заселили залив Короля Георга; но дальше этого развитие в первые шесть лет не пошло, если не считать распределения 1 600 000 акров земли между колонистами: в 1834 году под культурой было занято только 564 акра.

Некоторый толчок к развитию колонии дала основанная в 1835 году майором Ирвином Western Australian Association, целью которой было содействие эмиграции в Западную Австралию и соблюдение интересов этой страны также и в других отношениях. Наряду с англичанами к ней присоединились и жители Калькутты, намеревавшиеся основать кроме торгового поселения также и климатическую станцию. Это общество принесло колонии большую пользу; но и ему не удалось, несмотря на всю агитацию, ускорить ее экономическое развитие. В 1840 году колония

96

насчитывала только 2300 душ; за два года до этого колонистам было дано право посылать в Legislative Council четырех человек.

1841 год вызвал несколько дальнейших государственных мероприятий в пользу Западной Австралии. Одно из них было основанное (Western Australian Association) акционерное общество, поставившее себе целью скупать дешево предоставленные некогда капитану Стирлингу земли, с тем, чтобы перепродавать их затем по частям. Основной таксой был 1 фунт стерлингов за акр. Тому плану не суждено было осуществиться. Большой успех обещало другое предприятие того же Западно-австралийского общества. По инициативе путешественника Георга Грея, будущего превосходного государственного деятеля, было основано в округе Лешенаульте, на северном берегу залива Географов, несколько сот миль к югу от Перта, поселение, получившее название Австралинда. Оно было в лучшей поре расцвета, когда Западно-австралийское общество прекратило свое существование. Это небольшое местечко существует и поныне.

Становившийся с каждым годом все более ощутимым недостаток в рабочих руках вынудил колонию последовать примеру Квинсленда. В 1845 году Council серьезно обсуждал вопрос о привлечении немецких поселенцев, исходя из того предположения, что при господствовавшем недружелюбном обращении с немецкими эмигрантами в Соединенных Штатах легко будет направить волну этих эмигрантов в другую сторону. При этом принималось во внимание допущение лиц неимущих. Но самым серьезным по своим последствиям явилось решение ввести ссылку. В 1846 году Council постановил допускать ежегодно определенное число ссыльных, доставка которых должна была производиться за счет метрополии, с целью

употреблять их при постройках дорог и других общественных мероприятиях. Английское правительство откликнулось на это предложение со слишком большой готовностью. Не приходя на помощь Council'у в осуществлении других его планов, оно поспешило воспользоваться предлагаемой ему новой областью, чтобы сбрасывать в нее один транспорт

97

преступников за другим, и объявило официально 1 мая 1849 года Западную Австралию местом ссылки. С 1850 года туда стали посылаться преступники «Ticket of leave» — условно помилованные ссыльные, пользовавшиеся свободой в пределах колонии, но остававшиеся под контролем полиции.

В противоположность Новому Южному Уэльсу и Ван-дименовой земле, эта столь поздно введенная колонизация ссыльными в Западной Австралии немало способствовала развитию колонии. До апреля 1852 года страна насчитывала уже 1500 ссыльных, из которых половина принадлежала к полу помилованным. Такое большое число ссыльных потребовало целый штат чиновников, усиления войска и вызвало целый ряд крупных построек, на которые одной Англией было отпущено 86 000 фунтов стерлингов; словом, в колонии появились деньги, а вместе с ними и оживление. Старые поселенцы ободрились, установился приток свободных людей; количество раскупаемой и культивируемой земли росло, а вместе с этим нарастали и фонды страны. К тому же были открыты залежи каменного угля, было найдено и стало разрабатываться гуано, вывозиться сандаловое дерево; индийская конница стала получать свои ремонты из Западной Австралии, а в заливе Шарко начался лов жемчуга. Ничего нет удивительного поэтому, что при таких обстоятельствах белое население, насчитывавшее в 1850 году только около 5000 душ, возросло в 1859 году до 15000. По этой причине расширились скотоводство и торговля.

Эта блестящая картина не лишена, однако, и темных сторон. Несмотря на то, что продажа земель росла, доход[^] не покрывали расходов. Чтобы изменить создавшееся положение вещей, было издано постановление, по которому условно помилованные ссыльные могли выкупить себя, уплатив от 7 до 25 фунтов стерлингов, соответственно сроку отбытия наказания. Но несмотря на то, что ссыльные, принадлежавшие в Западной Австралии все без исключе-] ния к мужскому полу, широко пользовались этим поста*!! новлением, мероприятие это ни к чему не привело: коле

98

ния по-прежнему не могла обходиться без значительных субсидий со стороны метрополии. Эта финансовая зависимость в связи со ссылкой, которая была на руку Англии, сыграла роль в политическом развитии колонии, явившись глазной причиной того, что при введении Responsible Government Западную Австралию просто-напросто обошли. Другой причиной были состав населения и степень его культурности в 1850 году. В 1859 году 41 % мужского населения состоял из отбывающих или отбывших уже свое наказание ссыльных, а в большинстве поселений число их превосходило даже число свободных поселенцев. Число же не вошедших в реестр достигало в то время 37,5 %, не принимая во внимание действительных ссыльных. Поставить такую общину на собственные ноги было попросту невысказано.

Свою отсталость от других австралийских колоний Западная Австралия могла побороть нескоро. Она утратила характер исправительной колонии скорее, чем это было желательно свободным колонистам и отбывшим срок наказания ссыльным, избалованным дешевыми рабочими руками и теми суммами, которые отпускались метрополией на ссылку.

Постоянный наплыв беглых каторжников восстанавливал соседние колонии, чему немало способствовало и то обстоятельство, что многие западно-австралийские преступники, отбыв наказание, направляли свои стопы на восток. В 1864 году Виктория выступила с ожесточенным протестом против колонизации далекого Запада ссыльными и предложила даже принудительные меры. В 1868 году английское правительство вычеркнуло наконец из списка колоний для преступников Западную Австралию, принявшую к себе в общем 9718 ссыльных. Разбогатевшие на дешевом труде ссыльных колонисты предсказывали колонии полное разорение от такой реформы; предсказание их не сбылось. Тем не менее нельзя отрицать того факта, что с отменой ссылки развитие Западной Австралии замедлилось. Только в самое последнее время она стала в состоянии покрывать свои расходы из собственных сумм, и лишь с 1890 года,

99

с пожалованием ей Self-government'a, она вступила в ряды остальных колоний. Открытие обширных золотых россыпей внутри колонии послужило ей залогом дальнейшего преуспеяния.

Южная Австралия

Толчком к основанию Южной Австралии, инициативу которого, как и при основании Западной Австралии, взяла на себя Англия, послужили благоприятные отзывы исследователя Стерта о виденной им у устья Муррса стране, равно как и сообщения капитана Колетта Баркера, которому было поручено исследование залива Святого Винченца. Следствием этих благоприятных отзывов явилось основание в Лондоне в 1831 году South Australian Land Company, к которой примкнул вместе со многими членами парламента также Эдвард Гиббон Векфильд.

По собственному опыту знакомый с недостатками английской тюремной жизни, Векфильд видел выход в целесообразном выделении излишка населения Англии, повергавшего, по его мнению, это население в нужду и приводившего его к преступлениям, в новые области, как, например, в выдвинутую в то время на сцену Южную Австралию. По его плану, следовало учредить снабженное достаточными средствами

колониальное общество и отвести ему в Южной Австралии обширные необработанные земли для того, чтобы на них были основаны общинные поселения. Свои расходы по учреждению общество должно было покрывать из продажи земель по установленным ценам; сверх того эти же доходы должны были употребляться на доставку в колонию английских рабочих, причем число рабочих в каждой колонии должно было соответствовать имеющейся в них потребности.

Планы Векфильда и предложения South Australian Land Company встретили со стороны английского правительства вначале такое же отношение, как и основание Порт-Филиппа. Основанием новых колоний правительство не хотело

100

ослаблять уже существующие; кроме того, оно боялось предоставить частному обществу законодательные права. Но, с другой стороны, было очень велико и влияние семьи Векфильда, да и сама новая система была заманчива и могла оказаться как раз более целесообразной. Таким образом, в 1834 году правительство решило сделать попытку осуществить план Векфильда. О средствах для этого предприятия должно было позаботиться само общество. Руководство в Лондоне было отдано в руки трех комиссаров; в самой колонии правительство удержало за собой право назначать губернатора и некоторых других должностных лиц; выбор остальных был предоставлен обществу. Доставка ссыльных в Южную Австралию была раз и навсегда исключена.

В феврале 1836 года из Англии отправились первые три корабля. Два из них прибыли в июле к острову Кенгуру, где у Непеанбей пассажиры тотчас же начали устраиваться; третий корабль, прибывший уже в августе, отправился к побережью материка, а именно к берегам Торренса. Выбор этого места для высадки, сделанный полковником Лай-том (Light), показался большинству переселенцев настолько же неудачным, насколько Непеанбей казался неблагоприятным их руководителю. В следующем году с помощью голосования между колонистами дело было окончательно решено в пользу выбранного Лайтом места, и тотчас же приступили к основанию города, названного, по желанию короля Вильгельма IV, в честь его супруги Аделаидой.

История развития молодой колонии имеет свою светлую и свою темную стороны. Неудачный состав должностных лиц и различные стеснения, наложенные на некоторых из них, привели вскоре к таким прениям, что большинство из них должно было быть отозвано обратно. Такое положение вещей имело, однако, мало влияния на экономическое развитие колонии; только за один 1837 год было продано более 60 000 акров земли, принесших обществу 43 151 фунт стерлингов. До середины 1839 года число акров, приобретенных за 23 000 фунтов, достигало уже 1/4 миллиона. В 1840 году насчитывалось 10 000 поселенцев, владевших 200 000 овец и 15 000 голов рогатого скота.

101

Как в Виктории, так и здесь, в Южной Австралии, за быстрым блестящим подъемом последовал крах. И здесь также бешеная спекуляция на земле достигла невероятных размеров, и хотя вместе с этим поднялась до головокружительной высоты также и заработная плата (опытные рабочие зарабатывали в день до 50 шиллингов), тем не менее легкая нажива, достигавшаяся путем спекуляций, влекла к себе еще больше и отрывала многих от работы. К тому же второй губернатор колонии, полковник Гаулер, увлекся большими общественными постройками, несмотря на то, что метрополия решительно заявила, что не обязывает себя никакими субсидиями. Таким образом, колония очень скоро оказалась обремененной долгом в 405 000 фунтов стерлингов. South Australian Company не совсем свободна от вины в том обороте, который приняли дела колонии. Ее председатель Ангас, вопреки намеченным целям Векфильда, также занимался спекуляциями. Он вложил половину капиталов общества в поземельные участки, занимался ловлей китов, торговлей и банковыми делами и привлекал колонистов к вкладам их сбережений, выдавая чрезмерно высокие проценты на их депозиты. Со своей стороны, и комиссары плохо понимали свои обязанности. Цена, назначенная при основании колонии за акр земли, равнялась одному фунту стерлингов; по этой цене были проданы колоссальные пространства. И вот, вместо того чтобы повысить цену, они ее непонятным образом понизили вскоре до 12 шиллингов.

Только с призыванием Георга Грея в руководители колонии начал улучшаться существовавший порядок вещей. Имя Грея будет всегда блистать на страницах истории английских колоний, оно останется и в области этнографии окруженным ореолом славы. По возвращении из совершенных им двух путешествий в Западную Австралию в 1837 и 1839 годах Грей выработал докладную записку о том, как должны были бы управляться британские владения в Южном море и в Южной Африке; когда в 1841 году Южная Австралия объявила свое банкротство, Грей представил случай приложить на деле свои взгляды. Его назначили штатсгальтером в Адела-

102

иду, и с этого момента управление колоний фактически перешло в руки английского правительства. Грей предстояла колоссальная работа. Кассы были пусты: полчища чиновников поглощали все доходы колонии, а бремя долгов было нестерпимо, несмотря на то, что английский парламент погасил часть прежних долговых обязательств. Первым шагом Грея было приостановить те постройки, в которых не было неотложной надобности, уволить лишних чиновников и уменьшить оклады.

Поворот к лучшему не заставил себя долго ждать. В 1841 году из проданных 299 077 акров земли только 2503 находились под культурой; к концу 1842 года их было уже более 20 000 при увеличении населения с 14

600 душ до 17 000. К несчастью для колонии, метрополия не пожелала прийти к ней на помощь, взяв на себя также и остальную часть старых долгов. Грей не мог, да и не желал сразу порвать с господствовавшей финансовой системой: он выдал векселя на местное правительство. Однако лишь самая небольшая их часть была погашена, что вызвало недовольство в Южной Австралии, где финансовый кризис достиг в 1843 году своей высшей точки. Однако положение колонии сделалось более сносным, когда были открыты и начали разрабатываться богатые залежи меди. С незначительными колебаниями, понятными для юной колонии, развитие Южной Австралии пошло с этих пор своим нормальным путем. Население достигло в 1848 году 38 600 белых и 3700 туземцев; торговые обороты (в 1839 году только 427 000 фунтов стерлингов) выразились в 1849 году уже в 888 000 фунтов, из которых 504 000 пришлось на вывоз. Соответственно с этим росли и доходы; с 1845 года они не только стали покрывать расходы, но и давали значительный излишек. Деятельность Грея, столь благотворная для Южной Австралии, закончилась уже в 1845 году. На его долю выпала судьба быть всегда там, где нужны были и его дальновидность, и его твердая рука; на этот раз он был назначен в Новую Зеландию. В истории управления его ничем не примечательных преемников нельзя отметить ничего, кроме стремления колонистов к политической самостоятельности-

103

сти. При основании колонии английское правительство обещало даровать ей самоуправление, как только число жителей возрастет до 50000. Уже в 1842 году, вместе с отменой должности комиссаров, был учрежден состоявший при губернаторе совет (council) из 8 членов, из которых 4 назначались из должностных лиц, другие 4 избирались губернатором из колонистов. Дальше этого, само собой, слабого представительства интересов колонистов предупредительность правительства не пошла и в следующие годы, несмотря на все возраставшее благосостояние Южной Австралии. Но, когда в 1849 году, сверх ожидания, население колоний повысилось до 52 000, правительство было вынуждено исполнить данное обещание, и в 1850 году Южная Австралия стала полноправной колонией. 20 августа 1851 году в первый раз собрался council из 24 членов; из них две трети были избраны колонистами, 8 членов (из которых должностных лиц не должно было быть больше четырех) назначены были губернатором.

КОЛОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Обретение самостоятельности

Благоприятное и быстрое развитие более молодых австралийских колоний во второй половине сороковых годов заронило в руководящих колониями кругах Англии мысль поставить их на такую же степень самостоятельности, которой Новый Южный Уэльс пользовался уже с 1842 года. Не только Вандименова земля и Порт-Филипп, покрывавшее свои расходы из собственных средств, могли претендовать на право распоряжаться самостоятельно своими доходами, но и Южная Австралия быстрыми шагами приближалась к такому же положению вещей.

Только Западная Австралия оставалась еще позади. В 1847 году намерения правительства приняли более определенные формы. Тогдашний министр колоний Карл Генри Грей открыто выска-

104

зал губернатору Нового Южного Уэльса свое намерение даровать молодым колониям конституцию 1842 года; он хотел даже учредить, и притом во всех австралийских колониях, наряду с Legislative Council, верхнюю палату, члены которой должны были избираться из городских общин. Когда эти две последние части проекта встретили в Австралии энергичный протест, Грей от них отказался и представил дело на рассмотрение Committee of the Privy Council for Trade and foreign Plantations. Результатом совещания явилось в 1849 году то, что для Вандименовой земли, Южной Австралии и Порт-Филиппа, который должен был быть отделен от Нового Южного Уэльса, рекомендовалось введение конституции по образцу конституции Нового Южного Уэльса. Дальнейшая разработка реформы должна была быть предоставлена отдельным парламентам, но Committee высказал при этом надежду, что таможенные дела будут подлежать некоторое время ведению британского парламента. В то же время Committee находил желательным введение однородного тарифа для всех колоний.

Составленный на основании доклада комитета проект получил 5 августа 1850 года силу закона под заглавием An act for the better government of Her Majesty's Australian Colonies. Вандименова земля, Южная Австралия и Виктория (прежний Порт-Филипп) получили предложенную комитетом конституцию; Западной Австралии она была обещана, как только расходы по гражданскому управлению колонии будут покрываться ею из собственных средств. Право выбора получал в возрасте не менее 21 года каждый, владевший участком земли стоимостью в 100 фунтов стерлингов, или каждый, нанимавший дом или арендовавший землю с платой 10 фунтов в год. Таможенный вопрос был решен в том смысле, что высота пошлин должна была устанавливаться колониальными правительствами; причем запрещалось взимание дифференциальной пошлины. В то же время не должны были облагаться по-шлиной товары, предназначенные для нужд английского войска, и не должны были нарушаться существующие торговые договоры.

105

Как первую ступень к совершившемуся лишь в недавнее время объединению австралийских колоний в одно федеративное государство нужно отметить проведение Карлом Греем, после того как вошла в силу новая конституция, назначение губернатора Нового Южного Уэльса генерал-губернатором четырех колоний — Нового Южного Уэльса, Виктории, Тасмании и Южной Австралии. Этим шагом Грей хотел в наглядной форме выразить идею общности колоний. Таким образом, заставляя правителей трех последних колоний

давать отчет наряду с колониальным ведомством также и генерал-губернатору Нового Южного Уэльса, Грей низводил их положение до степени вице-губернатора. Дух независимости и взаимное соперничество последних трех колоний не обещали будущего этим реформам. Так, например, Виктория назначила своему губернатору 7000 фунтов годового оклада, тогда как генерал-губернатор Сиднея получал только 5000. В 1855 году во главе каждой колонии был поставлен губернатор; и хотя губернатор Сиднея до 1861 года носил вместе с тем также и титул генерал-губернатора, этот последний не давал ему никаких преимуществ. Актом 5 августа 1850 года был сделан главный шаг к изменению государственного строя австралийских колоний; этим, однако, он не завершился. Хотя таможенные доходы и были обещаны колониям, но пошлины продолжали взиматься чиновниками, назначавшимися из Англии. Точно так же колонии не могли свободно распоряжаться и доходами от продажи казенных земель, так как половина этих доходов употреблялась метрополией на поощрение эмиграции. Наконец, и само назначение высших должностных лиц зависело всецело от правительства метрополии. Непосредственно после введения новой конституции поднялось общее движение, направленное к отмене всех этих пунктов. Требовали полного самоуправления без всяких ограничений, и лондонское правительство было вынуждено уступить этому бурному натиску. Побуждением к такой готовности метрополии пойти навстречу колониям было не только гуманное доброжела-

106
тельство — ею руководило прежде всего опасение, что отказом она испортит свои отношения с большинством австралийского населения. Уже сама по себе необузданная и ни перед чем не останавливающаяся эта масса, благодаря необычайно усилившемуся вследствие открытия золота притоку не всегда безукоризненных в нравственном отношении переселенцев, значительно усугубила неутешительные стороны своего характера, чему доказательством служили ежедневные столкновения с начальством в лагерях золотоискателей. Другой причиной уступчивости метрополии была, с одной стороны, тяготевшая над ней Крымская война, оставлявшая ей мало времени для колоний, с другой — общее положение Европы. Таким образом, уже в апреле 1851 года все таможенное управление перешло в ведение колоний; год спустя в их распоряжение были отданы также и доходы с налогов на золото, и в то же время им предоставлена была возможность изложить лондонскому правительству свои дальнейшие желания относительно формы самоуправления. В конце 1854 года колонии представили в Лондон свои проекты. Проекты Южной Австралии и Тасмании были тотчас приняты королем, тогда как от Нового Южного Уэльса и Виктории потребовали некоторых изменений; в 1855 году и их проекты были приняты. Содержание новых конституций можно передать вкратце следующим образом. Самое существенное, общее всем четырем колониям, нововведение состояло в изменении системы одной палаты на систему двух палат; наряду с прежним Legislative Council, теперешней первой камерой, или верхней палатой, является Assembly, нижняя палата. В Новом Южном Уэльсе первая состояла из 21 члена, избираемых империей пожизненно, тогда как в нижней палате, согласно проекту, было 54 депутата, они избирались из имущих классов с определенным доходом. В настоящее время число членов верхней палаты неограниченно, тогда как в нижней палате оно равно 125; эти последние избираются на три года. В Виктории Council состоял по закону 1855 года из 30 членов (теперь 48), Assembly — из 75 (теперь 95). Здесь и та, и другая палаты составлялись путем выборов;

107
продолжительность службы — шесть и три года. В Южной Австралии Council состоял из 12 членов, назначаемых правительством; Assembly составлялось путем выборов и имело 36 членов; но уже в 1856 году и для верхней палаты были введены выборы, а число членов было увеличено до 18. Впоследствии состав верхней палаты возрос до 24 членов (избираемых на 12 лет), нижней палаты — до 54 членов, избираемых на три года; депутаты получали хорошее содержание. Однако в 1902 году число представителей из экономических соображений было понижено до 18 и 42. Наконец, в Тасмании с самого начала и по настоящее время Council состоял из 18, Assembly — из 37 представителей; обе палаты составлялись путем выборов.

Наряду с системой двух палат каждая колония имеет губернатора, который назначается правительством, но оплачивается колонией. Продолжительность службы губернатора в среднем шесть лет, оклад — от 3500 фунтов стерлингов (в Тасмании) до 7000 фунтов (Новый Южный Уэльс). При утверждении законов, касающихся колонии, они дают свое согласие от имени британского короля. В настоящее время положение губернатора является в сущности одним лишь представительством; на законодательство они не имеют никакого влияния: в 1899 году «губернатором» Нового Южного Уэльса был назначен 27-летний тщеславный Карл Уильям Лигой Бошан (Beauchamp), а губернатором Южной Австралии — барон Галлам Теннисон, сын знаменитого отца, еще более несведущий, несмотря на свои 50 лет, в делах правления, чем Бошан.

Своеобразным является правовое отношение колоний и их населения к метрополии. Парламенты, согласно предложенной ими самими форме, именуются «парламентами короля», от имени которого они издают законы для австралийских подданных его величества короля Британии. Колонисты фактически пользуются всеми правами и преимуществами британских граждан, не платя ни одного пенни Англии, верховная власть которой выражается только в том, что английское право там, где оно не вытеснено местным законодательством, имеет силу также и в Австралии.

108

Высшими органами правления являются министры; их число колеблется от 6 (в Тасмании) до 9 (в Новом

Южном Уэльсе). Так как они избираются парламентом по большинству голосов, то, с одной стороны, это ведет к их частой смене: за 1856—1876 годы у кормила правителя стояло в Виктории 18 различных министров, в Новом Южном Уэльсе — 17, в Южной Австралии — 29; с другой, благодаря этому обстоятельству поста министра достигают представители самых различных профессий, большей частью показывающие в управлении большое умение.

Открытие золота

Вопрос о самоуправлении, наверное, не пришел бы к такому быстрому решению, если бы положение Австралии не изменилось в начале пятидесятых годов XIX столетия так внезапно и радикально благодаря открытию богатых золотых россыпей в различных ее местностях. Золото было найдено еще раньше, при прокладывании дороги через Голубые горы (в 1814 г.), но в то время правительство умолчало об этом открытии из опасения не справиться с возбуждением, которое должно было неминуемо охватить население при его обнародовании. Слухи об открытии залежей золота всплывали затем время от времени, но встречали мало доверия. Только когда открытие золота в Калифорнии (1848 г.) привлекло туда внимание всего света и вызывало настоящее переселение народов в лице золотоискателей, этот благородный металл обратил на себя и о Австралии более серьезное внимание. Австралийский кузнец Харгривс, проводивший некоторое время в Калифорнии, исследовал в феврале 1851 года горы у Бетсера и 12 числа того же месяца нашел действительно множество промывного золота в Льюс-Понд-Крике. Это открытие не стало, как прежде, тайной; напротив, на весть о нем скоро весь материк откликнулся, и уже в мае колонисты стали являться в эту местность целыми массами. Несколько недель спустя золото было найдено также у Балларата в Виктории, а в октябре и у Маунт-Александра, к северу от Мельбурна. Еще через несколько месяцев к это-

109

му присоединились залежи, найденные южнее у Бендига. В Квинсленде золото найдено было в 1858 году, а в Западной Австралии только в 1886—1887 годах.

Действие, произведенное этими открытиями на все человечество, было неопишимо. Золотая лихорадка охватила прежде всего все население Австралии. Всякий, кто только в состоянии был работать и двигаться, спешил к приискам, все равно, был ли то крестьянин, моряк или должностное лицо. Прежние поселения пустели настолько быстро, что в Мельбурне, например, в течение некоторого времени оставался только один полицейский; Южная Австралия производила впечатление страны, населенной только женщинами и детьми. То же самое было и в Тасмании, и даже на Новой Зеландии. Позже, когда известие об этих открытиях достигло Америки и Старого Света, в страну хлынула новая волна эмигрантов, и весь избыток населения устремился в округи, где было золото. При таких обстоятельствах число населения Австралии быстро возросло, в Виктории, куда устремилось больше всего переселенцев, население в июле 1851 года равнялось 70 000; через девять месяцев эту цифру давало уже население одних золотых приисков, а в 1861 году колонии насчитывали 541 800 человек. Новый Южный Уэльс имел к этому времени 358 200 жителей, Южная Австралия — 1 326 800, Тасмания — 90 200; в Квинсленде число жителей равнялось 34 800, а в Западной Австралии — 15 600. Насколько такой рост населения повлиял благотворно на экономическое развитие колоний, настолько же стало затруднительно, ввиду этих столь внезапно нахлынувших на него событий, положение правительства. Бегство чиновников со вновь учрежденных должностей сделалось настолько всеобщим, что дальнейшему управлению грозила опасность попросту быть совершенно приостановленным. Было удвоено содержание, но и это не помогло: притягательная сила золотых приисков была слишком велика. В Виктории губернатор был вынужден в конце концов обратиться к Англии с просьбой прислать полк солдат, так как страх военного суда удерживал бы их от бегства; одновременно с этим для заполнения должностей было выписано из Англии 200 отставных тюремных надзирателей.

ПО

Другого рода затруднения появились для правительства в его правовом отношении к новому промыслу. По мнению юрисконсультов правительства, все залежи благородных металлов как на казенной земле, так и на частной, должны были принадлежать казне; на этом основании они советовали губернаторам просто-напросто запретить разработку золота, дабы не нарушать спокойного течения развития колоний. При господствовавших условиях такой совет был настолько же бесполезен, как и нелеп, так как (Юследовать ему с теми силами, которые были в распоряжении властей, не было даже отдаленной возможности. Сэр Чарльз Фиц-рой, тогдашний губернатор Нового Южного Уэльса, удовлетворился поэтому только тем, что при первом известии об открытии золота издал указ, которым разрешалось копать казенную землю только при внесении в пользу правительства определенного налога на шурфование (30 шиллингов в месяц) и, сверх того, 10 процентов с дохода от эксплуатации кварца.

Со стороны золотоискателей это постановление встретило, само собой, мало сочувствия, хотя оно могло способствовать развитию колоний, т. к. увеличило бы общественные средства. В Новом Южном Уэльсе, где государственные условия вообще были не так сильно потрясены, с ним примирились. Не так обстояло дело в Виктории, губернатор которой также присоединился к постановлению Сиднея. С одной стороны, здесь правительство не успело еще стать на ноги, как в Новом Южном Уэльсе; с другой — именно в Виктории население увеличилось за счет особенно большого процента самых неблагоприятных людей и авантюристов. Не каждому из них выпало счастье найти золото; не будучи в состоянии платить установленного большого налога, неудачливый золотоискатель начинал агитировать сначала против высоты налога, а затем и против самого налога вообще. Недовольство сделалось вскоре общим не только на золотых приисках, но даже в старых поселениях и городах. Здесь были того мнения, что употребление больших сумм, образовавшихся из налогов на шурфование и на само золото, исключительно на покрытие расходов по управлению не соответствует интересам

народонаселения, и требовали отмены этих налогов. Налоги были понижены, но это никого не удовлетворило; напротив, волнения на приисках росли. На прииске Еурека у Баллара-та было совершено в октябре 1854 года убийство. Слабая полиция сделала при расследовании этого дела несколько ошибок, вследствие чего между ней и золотоискателями дело дошло до столкновений; вскоре волнения направились против ненавистного налога на шурфование, и, наконец, когда губернатор прислал в мятежный округ все бывшие в его распоряжении войска, дело дошло до открытого сопротивления, причем было убито около 30 золотоискателей и несколько солдат. 120 бунтовщиков было арестовано, зачинщиков отправили в Мельбурн для производства над ними суда. Но там не нашлось ни одного судебного учреждения, которое пожелало бы, несмотря на подавляющую массу улик, вынести судебный приговор.

Вопрос о налогах был урегулирован только в 1855 году. На место упраздненного налога на шурфование был установлен налог с золотоискателей в 1 фунт стерлингов в год. Чтобы пополнить вызванное этой мерой уменьшение доходов казны была введена пошлина на вывозимое золото в размере $\frac{1}{2}$ кроны на каждую унцию золота. Этим целесообразным мероприятием налог падал прежде всего на золотоискателя, имевшего удачу, что обеспечило новому закону дружелюбный прием и удовлетворяло все стороны. Еще до окончания года губернатор Виктории мог уже донести в Лондон, что на всех приисках установилось спокойствие.

РАЗВИТИЕ АВСТРАЛИИ В XIX В.

Экономическое развитие

Открытие поразительного богатства Австралии в золоте хотя и не было прямой причиной дарования колониям полного самоуправления, тем не менее необыкновенно ускорило ход совещаний; и действительно, общее положение дел изменилось с началом эксплуатации рудников так разительно, что достижение возможно большей самостоятель-

112

ности сделалось для местных правительств жизненным вопросом. Акт 1855 года свидетельствует о политической проницательности английского правительства. Промежуток времени между дарованием конституций 1850 и 1855 годов — переходное время. Созданный в 1850 году слезный организм управления не успел еще окрепнуть, чему никоим образом не могла способствовать охватившая все население золотая лихорадка. Да и само население, как уже пустившее в стране корни, так и вновь прибывшее и продолжающее прибывать, стояло перед новыми условиями: прежние населенные центры пустыли, на золотых приисках города вырастали, как грибы. Это сдвинуло прежде осевший экономический центр колоний, а после того как в 1855 году право выборов было даровано также чужим золотоискателям, — и политический. Кроме того, снова всплыл на поверхность старый земельный вопрос. При всем богатстве Австралии в золоте (средний годовой доход с 1851 по 1902 год составлял девять миллионов фунтов стерлингов) все-таки было неизбежно, чтобы из нескольких сот тысяч золотоискателей несколько тысяч терпели неудачу.

Необходимость как-нибудь пристроить этих неудачников доставляла началству много неприятностей. Как некогда Маккари считал первым условием всякого экономического развития создание путей сообщений, так и теперь колониальные правительства видели в этом свою главную задачу. Уже в 1855 году была открыта железнодорожная линия Сидней—Параматта; за этим последовало устройство обширной сети дорог и телеграфных сообщений. С гордостью указывает Йенкс на то, что между 1788 и 1821 годами Англия истратила на хозяйственные нужды Нового Южного Уэльса и Тасмании сумму в 10 миллионов фунтов стерлингов; это, конечно, немало и само собой способствует поддержанию добрых чувств к метрополии также и в нынешнем австралийце. Но что значит эта сумма в сравнении с теми 100 миллионами фунтов стерлингов, которые сама Австралия истратила на те же нужды в короткий промежуток времени с 1855 по 1880 год! Те десять миллионов вышли из карманов английских нало-

113

гоплательщиков; для этих ста миллионов австралийские карманы были недостаточны. Они были собраны большей частью путем государственных займов, сделанных в Лондоне. С одной стороны, это положило начало огромной сумме государственного долга австралийских колоний (187 миллионов фунтов стерлингов в 1900 году, т. е. 50 фунтов стерлингов на каждую душу $3\frac{3}{4}$ -миллионного населения); с другой стороны — английский денежный рынок со своей постоянной готовностью предоставлять к услугам австралийских колоний свои богатые средства немало способствовал укреплению в австралийцах сознания их кровной связи с метрополией.

Дарование широких избирательных прав конституцией 1855 года скоро привело в движение поземельный вопрос. Оно принесло прежде всего пользу мелким поселенцам, число которых, превосходившее всегда число крупных землевладельцев или скваттеров, непомерно росло благодаря новым притокам. Умно воспользовавшись усилением своего влияния, они поспешили возобновить старый разлад между интересами скотоводов и землевладельцев для того, чтобы решить его в свою пользу. В Новом Южном Уэльсе был издан в 1861 году новый закон, регулировавший раздел казенных земель на новых основаниях; этому примеру последовали и другие колонии. Мелким поселенцам повсюду было отдано преимущество, права же крупного землевладельца урезались. Так, например, в Новом Южном Уэльсе мелким поселенцам дано было право выбрать для себя на неразмежеванных еще пастбищных пространствах определенный небольшой участок под жилье и ферму.

Экономическая борьба, начатая с обеих сторон с таким рвением еще полстолетия тому назад под влиянием вызванного открытием золота экономического подъема, продолжается и по настоящее время, если не столь

ожесточенно, то еще более упорно. Стороной страдающей все еще является крупный землевладелец. Он храбро отстаивает свои интересы, но за последние десятилетия мелкий собственник («selector», или «sockatoofarmer») все больше и больше берет верх не только в поземельном законодательстве, но и в реальности. С 1890 года покровительство, оказываемое ему во всех колониях, зашло так далеко, что для покупки земли ему выдаются под низкие проценты ссуды, в которых другому отказывается. Большой интерес представляет движение народонаселения в Австралии за последнее полувековье. Мы уже указали на огромный его прирост в непосредственной связи с открытием золота в юго-восточных колониях и привели цифры, указывающие численность населения за 1861 год. Впоследствии население не возрастало с такой быстротой, как в пятидесятых годах; но если не считать двух последних десятилетий, рост его держался все-таки на такой высоте, которая, принимая во внимание сильную американскую конкуренцию, остается тем не менее поразительной. В 1861 году материк вместе с Тасманией насчитывал 1 167 695 белых; к 1 января 1900 года число их достигло 3 756 894, т. е. менее чем в четыре десятилетия число белых увеличилось больше, чем в три раза. Больше всего способствовала этому приросту белых иммиграция, особенно сильная со стороны Великобритании. С 1853 по 1890 год это островное государство дало Австралии 1 374 422 переселенца, из которых половина получила денежную поддержку от отдельных колониальных правительств. Под влиянием сильного экономического упадка в начале девятых годов число переселенцев значительно уменьшилось; в Виктории и в Южной Австралии за последнее время преобладает даже эмиграция, и прирост населения в этих колониях поддерживается исключительно превышением рождений над смертностью.

Число рождений падает, однако, с каждым годом, отчасти вследствие того же экономического застоя, дурно влияющего на число браков, отчасти же по другой причине, имеющей для будущего материка несравненно более роковое значение и заставляющей австралийских государственных людей смотреть на это будущее с немалым опасением. Мы говорим о физическом и духовном вырождении белой расы в пятой части света.

Причины этого вырождения предполагают в неблагоприятном влиянии австралийского кли-

114

115

мата и неприспособленности к нему чисто английского способа питания, основанного почти исключительно на мясной пище. Как бы то ни было, но первоначальный вид белого изменился к худшему; понизился также и общий уровень его нравственности: разводы в порядке вещей, деторождение насильственно подавляется. Немало способствовало уменьшению иммиграции последовавшее в 1890 году со стороны большей части колоний прекращение денежных субсидий столь склонным к переселениям британцам. Это мероприятие является отражением внутренних политических условий колоний, т. е. ясно указывает на большое влияние имеющей почти всюду решающий голос партии рабочих. Само собой понятно, что в интересах этой последней поддерживать высокую заработную плату и всячески стараться препятствовать иммиграции.

Поэтому она значительно ограничила или же совсем подавила также приток цветного населения. Созванный Квинслендом, Новым Южным Уэльсом, Викторией и Южной Австралией «интернациональный конгресс рабочих» в мае 1899 года в Брисбене решил даже не допускать в Австралию вообще никаких чужеземцев. Это чрезмерно выраженное сознание своей силы у партии рабочих повергло однажды материк в большую опасность. К концу восьмидесятых годов XIX столетия старинная вражда между мелким собственником и крупным пастбищным хозяйством, между трудом и капиталом так обострилась, что потребовался самый ничтожный повод для того, чтобы прежние легкие раздоры разгорелись в ожесточенную борьбу. Сама борьба была только испытанием силы. Экономические условия были в Австралии всегда лучше, чем в какой бы то ни было другой культурной стране, как относительно высоты заработной платы, так и относительно дешевизны жизненных продуктов и земли, а равно и продолжительности рабочего времени. Рабочие потребовали большего участия в регулировании работы; когда же это притязание встретило сильное сопротивление со стороны работодателей, дело в 1890 году дошло до открытой борьбы. Поводом к ее началу послужил отказ одного судо-

владельца принять обратно отпущенного рабочего. Это тотчас же привело к стачке портовых рабочих, примеру которых последовали также рабочие и других отраслей. По плану вожаков этого движения, всеобщая стачка должна была парализовать всю промышленность материка — замысел сам по себе грандиозный; но он оказался невыполнимым. Хотя рабочие и были по большей части хорошо организованы еще до этого, но работодатели очень скоро восполнили упущенное, соединившись, в свою очередь, в большие союзы; к тому же не вошедшие в организацию рабочие не были подчинены обязательности стачки. После многократных отдельных забастовок победа по всей линии осталась за капиталом.

Вызванный отчасти экономическими неурядицами, отчасти вследствие одного обстоятельства, характерного, по-видимому, для сельскохозяйственных и скотоводческих колоний, над материком в 1893 году разразился тяжелый финансовый кризис. Как полвека тому назад безумная спекуляция на земли и поземельные участки в Новом Южном Уэльсе, Южной Австралии и Виктории привела молодые колонии на край гибели, так и теперь увеличенное в соответствующих размерах отклонение от нормальной экономической жизни, дикая спекуляция на земли и акции повергли весь материк в крайне опасное положение. Даже самые солидные предприятия пошатнулись. В настоящее время, лишь несколько лет спустя, следов этого кризиса в пятой части света уже почти незаметно. Австралия — в этом отношении она сходна с Соединенными Штатами Америки — обладает по сравнению с численностью своего населения

громадными естественными богатствами. Не только з́лото и другие полезные минералы представляют действенное средство против всяких экономических неурядиц, но и почвенные богатства большей части ее поверхности, равно как и благоприятные климатические условия. Лучшим доказательством этому служит почти внезапно умножившийся вывоз животных и растительных пищевых веществ.

Главными отраслями хозяйства Австралии все еще остаются скотоводство, горное производство и земледелие,

116

которым далеко уступает промышленность. Развитие скотоводства идет неравномерно, хотя в общем-то успешно. Несмотря на сильно уменьшившуюся из-за продолжительных засух последних лет численность рогатого скота и овец в Новом Южном Уэльсе и Квинсленде, Австралия и Тасмания насчитывают почти 100 миллионов полезных животных (рогатого скота, овец, лошадей и свиней); вывоз шерсти далеко превосходит миллион тюков, а вывоз мясных консервов, масла и сыра дает стране ежегодно не один миллион фунтов стерлингов.

Не так блистательны успехи земледелия. Самой большой для него помехой является общая сухость, о которой мы много говорили, а затем необыкновенные периодические засухи. Из 1900 миллионов акров, которыми располагают Австралия и Тасмания, в настоящее время продано 112 миллионов и отдано в аренду 700 миллионов, тогда как приблизительно 1100 миллионов акров остаются и останутся еще надолго без употребления. Характерен для отношения между отдельными отраслями хозяйства тот факт, что из указанных 812 миллионов акров угодий едва лишь 7 V, миллиона идет под земледелие; весь же колоссальный остаток служит пока исключительно для скотоводства. Такая громадная несоразмерность заставляла австралийцев не раз задумываться, и не без причины старались повсюду облегчить бедному классу населения приобретение земли. Ввиду частых засух и экстенсивной культуры пытались в последнее время, и не без успеха, регулировать снабжение водой при помощи артезианских колодцев, оросительных канав и плотин. И для Австралии, как и для Северной Америки, оказывается все более и более необходимым переход к рациональному полевому хозяйству и интенсивной культуре. То же самое относится, впрочем, и к находившемуся так долго в пренебрежении лесному хозяйству.

Самой важной наряду со скотоводством отраслью является все еще горное производство, несмотря на то что оно запоздало на полстолетия и несмотря на увеличившуюся хищническую разработку. Положим, что в старых золотonosных округах Виктории, Нового Южного Уэльса и Квин-

118

ленда давно уже прошло время легкой наживы: напротив, золотую руду там нужно добывать теперь на довольно значительной глубине. Но все же и эти колонии еще достаточно прибыльны, хотя Западная Австралия с 1899 года значительно обогнала их: в том году в ней было добыто золота на 6¼ миллиона фунтов стерлингов, в других же трех колониях вместе на 8¼ миллиона; вся же добыча золота Австралии и Тасмании вместе составляла круглым счетом 15 миллионов фунтов стерлингов. Менее бросается в глаза, хотя и имеет также немаловажное значение для преуспевания колоний, развитие производства остальных минералов. Добыча меди вследствие увеличившегося спроса благодаря развитию электротехники растет с каждым днем; то же относится к олову и серебру. Для развития сети железных дорог, а также горного производства и промышленности, находящейся пока еще в начальном своем периоде, весьма важным является богатство Австралии в каменном угле. В настоящее время она не только удовлетворяет своим собственным потребностям, но вывозит также уголь в Южную и Восточную Азию и Америку. Только производство железа мало продвигается вперед, несмотря на обширные, вполне достойные обработки залежи.

Духовное развитие

Настойчивая политика займов, которую австралийские колонии во втором периоде своего развития вели с таким поразительным успехом, что по сравнению с количеством населения лишь немногие страны превзошли их в этом отношении, послужила немало также и на пользу развития народного образования. Только благодаря большим суммам, доставленным стране этими займами, появилась для правительства возможность пойти дальше удовлетворения одних только материальных нужд и позаботиться также о духовном развитии своих подданных.

Не подлежат попечению правительств многочисленные вероисповедания, обязанные сами заботиться об удовлетворении своих нужд. Зато созидание и улучшение дела на-

119

чального образования занимает уже давно место в программах правительств. До 1880 года существовали школы двоякого типа: «начальные школы», подлежавшие непосредственному контролю правительства, и другой, создавшийся особенно в Новом Южном Уэльсе тип школ, находившихся в ведении четырех вероисповеданий или сект — англиканской, пресвитерианской, Wesleyанской и римско-католической; свои средства, впрочем, эти Школы получали от правительства. В 1880 году, однако, школу изъяли из ведения вероисповедания и сделали ее обязательной в ее элементарных частях. От платы за ученье освобождались вначале только бедные; впоследствии ее совершенно отменили. (В Виктории эту реформу ввели уже в 1872 г.) Кроме того, немецкие школы, не считая некоторых школ немецких общин в Виктории, имеются только в Южной Австралии в большом количестве (1901 г. — 46 школ с 47 учителями и 1200 учениками); первая школа была основана еще в 1839 году в Клемциге близ Аделаиды.

Медленнее подвигалось вперед дело высшего образования, но и оно находится в настоящее время в удовлетворительном состоянии. Имеется большое число высших учебных заведений (Grammar Schools, Collegiate Schools, Colleges), находящихся, впрочем, как прежде все школы вообще, в руках частных и религиозных обществ. Лишь в последнее время само правительство взялось за основание таких школ. На материке имеются три университета: в Сиднее, Мельбурне и Аделаиде. В 1892 году был основан университет в Гобарте; он представляет, однако, до сих пор только экзаменационную комиссию. Степени, выдаваемые университетами, по достоинству равняются степеням, получаемым в английских университетах; право на получение их предоставлено также и женщинам. Наряду с университетами в главных городах существуют ученые общества, имеющие большое значение как для изучения края, так и для естественных наук; по своей организации и наименованиям они большей частью тесно примыкают к соответствующим обществам в Англии.

Мало утешительного представляет развитие прессы. Хотя число ее органов и велико — вместе с периодическими насчитывается 1000 изданий, — но все они в общем стоят невысоко. Внешние вопросы затрагиваются поверхностно и притом без экономического и политического обзора, внутренние же, наоборот, очень обстоятельно.

Военное дело

Отношения австралийских колоний к метрополии в общем были всегда хорошими, австрийцы чувствуют себя более или менее заодно с единоплеменниками в Англии. Несмотря на это, временами не было недостатка в противоречиях, трениях и распрях. Так, например, в 1869 году, когда Royal Colonial Institute обратилось ко всем колониям с призывом собрать конференцию для выяснения отношений между метрополией и колониями, Виктория высказала резкий протест против вмешательства Англии во внутренние дела колонии. Виктория держала себя тогда самонадеянно и угрожающе; но это не мешало, однако, богатой колонии пользоваться и впредь защитой войска, оплачиваемого метрополией, несмотря на то, что уже в 1862 году английский парламент высказался за предоставление всем колониям, получившим самоуправление, права самим заботиться о своей защите. Лишь в 1870 году Англия отозвала свои войска не только из Виктории, но и из остальной Австралии, и только тогда Австралия поняла, насколько она беспомощна в случае нападения извне и как дорого ей должна обходиться, с другой стороны, защита страны. Появление собственных вооруженных сил заставило себя долго ждать, и прежде всего из-за финансовых соображений. Они становятся заметны лишь с того момента, когда внутреннее государственное развитие более зрелых колоний принимает более законченную форму и появляются первые попытки перешагнуть за пределы материка. Наряду с французами, которых вес еще продолжали опасаться, как и сто лет тому назад, немцы со своими колонизаторскими попытками в Южном море вызвали у австра-

120

121

лийцев не меньше опасений, а вместе с этим и сознание в необходимости вооруженной защиты. В настоящее время каждая колония имеет свое собственное небольшое постоянное войско и несколько тысяч человек милиции волонтеров. В своем отечестве или хотя бы в Тихом океане эта вооруженная сила еще не имела случая проявить себя. Зато в 1885 году Новый Южный Уэльс выставил метрополии в ее войне с Суданом подкрепление в 600 человек; а на повороте столетия несколько тысяч человек австралийской милиции принимало участие в бурской войне.

В случае энергичного натиска извне сухопутные войска Австралии, незначительные по числу и небезукоризненные по дисциплине, далеко недостаточны. В этом отношении Австралия находится в том же положении, как и Соединенные Штаты Америки; но эти последние, с другой стороны, располагают для своей защиты сильным флотом, тогда как более бедный по своим средствам и по населению материк Тихого океана не владеет таким флотом, который мог бы иметь какое-либо военное значение. Каждая из колоний имеет в своем распоряжении одно или несколько военных судов; но все они в своем численном и тактическом «одиночестве» производят скорее впечатление военной игрушки, чем серьезной боевой силы, и совершенно недостаточны для защиты значительного протяжения береговой линии. Сознывая эту слабую свою сторону, Австралия все же, по инициативе Англии, в 1887 году вошла с метрополией в соглашение, по которому эта последняя обязуется поставлять для колоний «австралийскую вспомогательную эскадру». Этот флот, состоящий из пяти двухвинтовых крейсеров и двух канонерских лодок, доставляется Англией с экипажем и полным оборудованием, содержание же его лежит на колониях. Эти последние платят ежегодно 126 000 фунтов стерлингов и сверх того 5 % со стоимости плавучего материала. Это соглашение вошло в силу в 1891 году с появлением эскадры в Тихом океане (главная стоянка — Сидней). Вместе с этим Англия содержит в Австралии еще собственный флот, расходы по которому составляют теперь, как замечает Мориц Шанц, един-

122

ственные издержки, налагаемые Австралией на британское государство.

Чтобы усилить защиту берегов и в то же время сомкнуть цепь охватывающей весь земной шар этапной линии британского морского и мирового могущества, с 1890 года целый ряд австралийских гаваней укреплен или обращен в военные порты; таковы Брисбен, Сидней, Мельбурн, Аделаида, Лоунчестон и Гобарт.

Завершение внутреннего устройства

и первые попытки выйти
за пределы материка

С дарованием полного самоуправления австралийским колониям в середине XIX столетия и отделением от Нового Южного Уэльса Виктории в самостоятельную колонию еще далеко не закончились организация и внешнее устройство всей колониальной системы. В 1859 году Моретон-бей, через год после того как в его округе было найдено золото в большом количестве, отделился, по ходатайству населения, от Нового Южного Уэльса и под именем Квинсленд получил такое же самоуправление, как и старшие его сестры, Еро Legislative Council состоит из 41 члена, назначаемых правительством, Assembly — из 72 членов, избираемых на три года. Кроме того, королем Англии назначается губернатор, при котором состоят семь министров. Развитие Квинсленда подвергалось таким же колебаниям, как и большинство других колоний. 1866 год принес с собой засуху и громадный падеж скота, приведший к разорению многих фирм и частных лиц, кризис в начале девяностых годов также был тяжелым ударом для колоний. Но, несмотря на эти испытания, население размножалось относительно быстро, и благосостояние росло. В то время как число жителей в 1861 году едва равнялось 35 000, оно поднялось в 1873 году до 14 7000, а к 1 января 1900 оно достигало уже 512 604 человека. Такому росту, обязанному прежде всего сильной эмиграции, немало способствовала покровительственная политика, которой придержива-

123

лись с 1871 года по отношению к иммигрантам, выдавая им субсидии. Сверх того, значительные массы людей привлекались также изобилием в стране золота. В настоящее время эксплуатируются 25 золотых приисков. Громадное протяжение Квинсленда на 18 ° широты и связанное с этим разнообразие отраслей его производства (очень слабо населенный север носит вполне тропический характер, густо населенный юг имеет хлебопашество умеренной полосы) заставили уже давно подумать о разделении колонии на две области с отдельными правительствами, но общим центральным управлением; границей предполагалось назначить 21° широты.

Самой последней из всех австралийских колоний получила самоуправление Западная Австралия. Ссылка продолжала существовать в ней до 1868 года, прекращение ее не привело ни к какой перемене в отношениях колоний к метрополии. Хотя в 1870 году ей и был дан Legislative Council, члены которого частью назначались, частью избирались, но лишь с 21 октября 1890 года колония, бывшая до тех пор коронной, вошла как полноправная в ряды остальных колоний. Ее Council имеет 24, Assembly — 44 избираемых члена. Лишь в последнее время, с тех пор как с 1887 года в ней стали находить в большом количестве и на большом протяжении золото, развитие Западной Австралии пошло вперед более быстрыми шагами. Население, насчитывавшее в 1881 году едва 30 000 человек, увеличилось в последнее время, почти исключительно путем иммиграции, приблизительно до 200 000.

Рука об руку с внутренним устройством колоний уже довольно рано начинается стремление Австралии приобрести влияние также и вне пределов материка. Это стремление впервые становится заметным, когда в 1869 году был поднят вопрос о Фиджи; но действительная попытка Австралии выйти из своих границ была сделана впервые в 1883 году. Несмотря на положение Новой Гвинеи в непосредственном соседстве с Австралией, ни колонии, ни сама Англия не проявляли никогда желания овладеть там территорией. Только когда в середине семидесятых годов

124

XIX столетия распространились слухи о намерениях Германии относительно этого гигантского острова, в Австралии вспомнили о его близости, и в 1876 году Новый Южный Уэльс предложил присоединить попросту ту часть Новой Гвинеи, которая еще не находилась под голландским протекторатом. Англия дала согласие при условии, чтобы австралийцы сами несли расходы по управлению этой новой областью, это было, однако, отклонено. Между тем раз поднятый вопрос уже больше не замирал в Австралии, и когда намерения немцев оказались действительно серьезными, премьер Квинсленда самовольно объявил в марте 1883 года оккупацию восточной половины острова. Англия опасалась отдать судьбу столь обширной области в руки немногих квинслендцев, хотя и австралийская колониальная конференция высказалась также за приобретение острова. Тем временем немцы успели овладеть севером острова, и Англии ничего не оставалось, как удовлетвориться югом, оккупация которого была объявлена 6 ноября 1884 года. В настоящее время Британская Новая Гвинея представляет английскую коронную колонию, на управление которой Квинсленд, Новый Южный Уэльс и Виктория, со своей стороны, вносят ежегодно известную сумму; правитель острова связывается с Лондонским колониальным ведомством только через губернатора Квинсленда.

С австралийской точки зрения, этот первый шаг к интернациональной политике является несомненной неудачей. Колонии никогда не переставали это чувствовать; и теперь еще их пресса держит себя враждебно по отношению к немцам. Дальнейшего практического применения колонизаторские поползновения Австралии не нашли. Британскую Новую Гвинею можно рассматривать как придаток к Квинсленду; в таком же отношении к Новому Южному Уэльсу стоят отдаленный Питкэрн, остров лорда Гова и, с 1896 года, также Норфолк, на этом и заканчивается все их океаническое достояние. Тем сильнее проявилось за последние два десятилетия стремление оказывать давление в желанном для Австралии смысле на ту часть британской внешней политики, которая затрагивает широкую сферу

125

австралийских интересов. Так, в деле Самоа Англия только потому не могла пойти навстречу Германии и Соединенным Штатам Америки, что этим будто бы затрагивались интересы Австралии. Стремление к «большой Австралии» уже носится в воздухе.

Стремление к объединению

Одновременно со стремлением к расширению области своего влияния у Австралии зародилась идея политического объединения всех своих колоний. Уже в начале пятидесятых годов было намерение осуществить общий австралийский парламент; но верхняя палата Англии отвергла это план. Да и в самой Австралии идея объединения встречала как тогда, так и впоследствии, мало сочувствия. Только в 1871 году, после основания Канадского таможенного союза, появилась мысль создать такой же союз и в Австралии, к большому неудовольствию Англии, которая в то время еще больше, чем теперь, видела в более тесном единении колоний опасность отпадения их от метрополии.

Тем не менее в 1873 году при первом министерстве В. Е. Гладстоуна колонии добились отмены прежнего запрещения взимать дифференциальную пошлину. Отныне отдельным колониям предоставлялась свобода оказывать друг другу таможенные льготы или же закрывать свои двери; только к Англии и другим государствам дифференциальная пошлина по-прежнему не должна была применяться. В действительности это мероприятие нельзя считать шагом вперед на том пути, на который вступила Австралия; для этого между отдельными колониями существовало слишком мало единодушия. Только в 1884 году, после вторжения Германии в сферу австралийских интересов, был сделан действительно шаг вперед: было решено учредить «Federal Council», который должен был обсуждать интересы, касавшиеся всей Австралии, не вмешиваясь во внутренние дела колоний. Однако, несмотря на то, что большинство колоний присоединилось к союзу и что Council имел несколько заседаний, из этого ничего не вышло.

126

- По инициативе Генри Паркеса, премьера Нового Южного Уэльса, была созвана в 1890 и 1891 годах сначала в Мельбурне, а затем в Сиднее конференция, на которой все пять австралийских колоний, а также Тасмания и Новая Зеландия были представлены в лице своих премьеров. После долгих прений был составлен «Federal Bill», который после многократных совещаний представителей всех колоний в течение нескольких лет осуществился наконец 1 января 1901 года.

Новый союз австралийских колоний носит название Commonwealth of Australia. Он объединяет в настоящее время все австралийские колонии и Тасманию; Новая Зеландия пока еще не присоединилась к нему. По конституции, объявленной 17 сентября 1900 года, законодательная власть находится в руках правительства, состоящего из представителя британского короля в лице генерал-губернатора, из сената и из парламента. Сенат состоит из 6 членов от каждой колонии; парламент из одного члена на каждые 50 000 жителей и не менее пяти членов на каждую колонию, что по последней переписи населения дало для Нового Южного Уэльса 26 представителей, для Виктории — 23, Квинсленда — 10, Южной Австралии — 7, Тасмании и Западной Австралии — по 5. Сенат избирается на шесть лет, парламент — каждые три года. Ведению союзного законодательства подлежат вопросы, касающиеся пошлины, путей сообщения, государственных долгов, торговли и санитарного положения; точно так же дела флота и армии и, сверх того, урегулирование отношений между работодателями и рабочими. Каждый закон, изданный Commonwealth требует согласия короля и может в течение одного года после принятия его австралийским парламентом быть отвергнутым действующим представителем короля генерал-губернатором. Высшей судебной инстанцией является High Court of Australia; апеллировать можно в состоящую при Privy Council апелляционную палату, в которой Канада, Австралия, Южная Африка и Индия имеют каждая своего представителя в лице одного судьи. Первым генерал-губернатором был назначен Джон Адриан Луи Гоппе

127

Карл оф Гопетон, но уже в 1902 году он сложил с себя управление.

Вместе с новым государственным строем Австралия вступила в совершенно новую фазу своего полного превращения развития; основание австралийского федеративного государства является, несомненно, самым важным шагом в истории материка. Даже подданные британского короля, не видящие в союзе колоний никакой опасности для мировой империи, не будут отрицать, что отныне внешняя политика Commonwealth'a избрет более широкий и, несомненно, более независимый путь. Громадное значение Тихого океана для истории человечества и особенно для ее будущей истории стоит вне всякого сомнения; Австралия является как раз преддверием к этой исторической арене, и если роль, которую она возьмет на себя, будет хотя бы наполовину верно угадана, то политика ее должна охватить весь Тихий океан в гораздо большей степени, чем за последние десятилетия. Первым признаком этого нового направления можно считать решение, принятое премьером в ноябре 1901 года, по которому союзное правительство Австралии должно взять на себя управление Британской Новой Гвинеей. Несомненно, что в широком смысле австралийская политика будет еще известное время также и британской; но остается еще вопросом, не будет ли изменение географических и экономических условий, вызванное завершением средне-американского канала, достаточно сильным, чтобы поколебать старинную верность и направить политику нового государства по пути, далеко отстоящему от прежнего направления и мало соответствующему метрополии.

Океания как часть обитаемой земли

ПОЛОЖЕНИЕ, ВЕЛИЧИНА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОСТРОВОВ

ЕСЛИ рассматривать Океанию с географической точки зрения, то она является единственным в своем роде образованием земного шара. Прежде всего по своей протяженности: от Палаусских островов на западе до острова Пасхи, или Сала-и-Гомес, на востоке она простирается через 120° долготы, т. е. через целую треть поверхности земного шара; и от Гавайи на севере до Новой Зеландии на юге она пересекает 80° широты, и в этом отношении, следовательно, почти равна самой громадной части света — Азии; всем же своим протяжением в 66 миллионов кв. км она даже превосходит ее на целую половину.

Распределение островного мира внутри этой колоссальной рамки довольно неравномерно. В общем можно сказать; сплочение островов, особенно же их величина уменьшается с запада на восток. Меланезия хотя не охватывает собой сплошь больших островов, но в Новой Гвинее она имеет область, не только превосходящую в два раза все остальные острова Океании, взятые вместе (808 000 кв. км на одной стороне и 447 000 кв. км на другой), но и являющуюся самым большим островом на земном шаре. Архипелаг Бисмарка и Соломоновы острова заключают в себе острова, далеко превосходящие по своей величине все микронезийские и большинство полинезийских; уже одна Новая Каледония по своему пространству почти вдвое больше всех полинезийских островов вместе взятых, если выделить Гавайи (17 000 кв. км на одной и 10 000 кв. км на другой стороне). Наконец, Новая Зеландия, по своему устройству

129

примыкающая к поясу меланезийских островов, содержит в себе пространство ровно в десять раз превосходящее все полинезийские острова вместе с Гавайскими (268 000 кв. км на одной и 27 000 кв. км на другой стороне). Меланезия, как мы это видим на карте, представляет внутренний из двух образуемых островами и островными группами поясов, окаймляющих стройно-изогнутой дугой материк Австралии; внешний пояс заключает всю Микронезию и Полинезию. Группа меланезийских островов, несмотря на значительную их величину и распределение их по меньшей периферии, отделены друг от друга обширными пространствами океана. Насколько же бесконечно рассеянными на могучей водной поверхности являются небольшие острова Микронезии и Полинезии!

И действительно, разрозненность составляет основную черту в их распределении. Наши карты Тихого океана слишком небольшого масштаба, чтобы в них могло ясно выразиться это явление. Каролинские острова, например, хотя и не являются на них густосп*оченной группой, но их связь между собой выступает ясно. Включая Палаусские острова, они насчитывают 49 островов и атоллов, общая поверхность которых охватывает 1450 кв. км, что, переложенное на европейские отношения, представляет величину герцогства Саксен-Альтенбургского (1324 кв. км). Это уже само по себе, конечно, немного; но какой ничтожной представится эта поверхность, если ее распределить на все заключенное этими архипелагами пространство моря! Своим протяжением через 32° долготы и 9° широты оно равно европейскому Средиземному морю, то есть охватывает собой 2½ миллиона кв. км. В действительности здесь приходится иметь дело с величинами, ни с чем не сравнимыми, тем более что из указанных 1450 кв. км более двух третей приходится только на пять островов, притом на единственные некоралловые. Крошечный же остаток распределяется между 44 едва возвышающимися над уровнем моря атоллами, которые, имея в среднем величину одной квадратной мили, буквально теряются в бесконечной водной пустыне. Большинство микронезийских и полинезийских

130

архипелагов находится в таком же положении. Они не всегда так разрозненны, как Каролинские острова, но насколько тем не менее пространство суши в них ничтожно мало в сравнении с водной поверхностью, можно видеть из того факта, что испанцы в XVI столетии, целыми десятилетиями пересекая во всех направлениях Южное море, наталкивались лишь на единичные острова, и притом на острова, принадлежавшие к самым густосп*оченным группам.

Для народов, населяющих Океанию, эта разбросанность на столь обширном пространстве имела громадное значение. Прежде всего, только при помощи судоходства эти народы могли достигать мест своего окончательного поселения; а затем и возможность завязывать и поддерживать сношения с соседями зависела всецело от такого способа сообщения. Следствием этого явилось, с одной стороны, высокое развитие мореплавания у океанийцев ко времени появления среди них европейцев, с другой — поразительное презрение к расстоянию и необыкновенная для промышленных народов подвижность. Во всех отношениях ни один из народов земного шара не может сравниться с океанийцами. Только более тяжеловесные меланезийцы остаются позади; но зато у кого найдем мы суда, равные по изяществу и пригодности к плаванию полинезийским или микро-незийским? Какие морские плавания превосходят по расстоянию тихоокеанские и какой другой примитивный народ кроме полинезийцев может указать на такую обширную и сознательную колонизацию? И все эти поразительные результаты при технике, которая вплоть до недавнего прошлого не знала железа и должна была довольствоваться камнем, деревом и раковинами.

ЛАНДШАФТ ОСТРОВОВ

Не меньшее влияние на жизнь народов Южного моря, чем пространственное распределение и величина островов, имел их ландшафт. Смотря о тому, насколько эти острова выступают над поверхностью моря, их делят на высокие

131

(большей частью вулканические) и низкие (коралловые). Резкое разделение в распределении обоих этих видов островов внутри обширного пространства не имеет места. Некоторые архипелаги, например, острова Паумоту, Жильбертовы и Маршаловы, являются чистыми каралло-выми образованиями; другие же, как все

прочие группы Восточной и Западной Полинезии, представляют высокие острова. Но в общем мы видим, что коралловые образования, будь то береговые или барьерные рифы, являются постоянными спутниками высоких островов. То же самое мы наблюдаем и относительно пяти высоких островов Каролинской группы. Для океанийца и для его исторического развития это своеобразное устройство островов и форма их поверхности имели огромное значение. Прежде всего деятельность кораллов увеличила пространство суши; это выразилось больше всего на атоллах: эти образования, служившие местом жительства для человека, обязаны своим существованием на всем своем протяжении всецело деятельности живых существ, создающих рифы. Относительно окруженных рифами высоких островов деятельность кораллов, хотя и имеющая здесь сама по себе меньшее значение, является более многосторонней. Они прежде всего расширяют береговую полосу, а вместе с этим и всю экономическую основу островных жителей. Плодородная дельта р. Рева на Вити-Леву, как и плоские береговые полосы, окаймляющие острова Таити шириной в 1—5 км, покоятся на прежних рифах. Сами рифы являются повсюду отличными местами для рыбной ловли; более того, они образуют всегда прекраснейшие гавани и каналы, что для океанийцев как мореплавателей чрезвычайно важно. Таким образом, деятельность крошечных морских моллюсков заметно влияет на развитие духа и отваги мореплавателя в этой народной группе. Значительное влияние на историю океанийцев оказала большая бедность островов. Только издали они кажутся прекрасным раем; вблизи же оказывается, что даже самые красивые из них на вид могут дать человеку очень немного. На коралловых островах едва ли от 1/10 до 1 % повер-

132

хности может приносить что-нибудь; на большинстве значительных по величине вулканических островов плодородная почва занимает не более четверти, а по другим показаниям — даже не более восьмой части общего пространства. Пресная вода при этом иногда совершенно отсутствует. При таких обстоятельствах возможность заселения колеблется в узких границах: если население переходит известную норму, то ему грозит опасность умереть от голода или жажды. Отсюда вытекает склонность островитян Южного моря к странствованию; с другой стороны, это же обстоятельство ведет к жестокому обычаю детоубийства с целью предотвратить увеличение населения.

Третьим важным в отношении географического значения последствием бедности островов является сосредоточение заселенных мест на их окраинах. На атоллах такой способ заселения сам собой обуславливается их кольцеобразным строением; но он же является, как правило, и на высоких островах, и даже на самых больших из них: так, громадная Новая Гвинея с ее многообразной поверхностью заселена, по-видимому, значительно плотнее на своей береговой полосе, чем внутри острова. Это биогеографическая основная черта Океании: страна бедна; море же, единственное средство сообщения, богато живыми существами.

КЛИМАТ

Бедность островного мира находится в связи отчасти с устройством поверхности и огромными, для большинства организмов непреодолимыми, расстояниями между островами, отчасти же и с их климатом. Если мы оставим в стороне Новую Зеландию, отодвинутую в умеренные широты, то Океания обладает смягченным, благодаря окружающему морю, тропическим климатом. Температуры его даже европейцу кажутся сносными, главное же их достоинство — равномерность: суточное и годовое колебание остается большей частью в пределах лишь нескольких градусов Цельсия.

133

Гораздо значительнее разность в осадках. В общем они обильны и достигают 6 и 7 метров в год; тем не менее в этой громадной области встречаются полосы, которые отличаются такой сухостью, что дали возможность образоваться обширным залежам гуано. Разительнее, ввиду сосредоточенности на более узком пространстве, различия в осадках на отдельных группах и островах. На плоских, возвышающихся всего на каких-нибудь несколько метров над уровнем моря, коралловых островах эти различия не выступают заметно; но поднятие высоких островов в более обильные водяными парами воздушные слои обуславливает более резкое проявление наветренной и подветренной сторон: полоса затишья есть в то же время и полоса бездождия. Определение этих обеих сторон неодинаково для всего океана. Его западная часть, до Соломоновых островов, принадлежит области западно-пацифического муссона; восточная же часть, напротив, представляет выраженную область пассата. Вследствие этого на островах, расположенных на востоке южного полушария, роскошной тропической растительностью покрыта восточная и южная сторона, на островах же северного полушария — восточная и северная, тогда как с подветренной стороны выступает чисто степной характер. На западе Океании мы видим почти обратное явление. Влияние этого климата на культурное и историческое развитие океанийца становится очевидным, если мы примем во внимание различия в темпераменте и характере между дикими и энергичными, высокоодаренными для исторического развития маори на далекой Новой Зеландии с ее закаляющим нервы альпийским воздухом, и между их северными современниками, которые хотя и не лишены способностей, но экономически вялые и не проявившие почти никакого политического развития, находятся под расслабляющим влиянием вечно ровной температуры. С другой стороны, постоянство метеорологических условий создало из океанийцев первый примитивный народ мореплавателей.

Там, где, как в Океании, на целые месяцы вперед можно быть уверенным в погоде, легко решиться, по нужде или

склонности, пуститься наудачу, чем в областях, где уже ближайший час может опрокинуть все расчеты. Постоянство ветров и течений Тихого океана играло всегда большую роль в выработке взглядов на передвижения полинезийцев; большинство гипотез основано именно на этом обстоятельстве. Благодаря океанографическому исследованию нам теперь стало известным, что это постоянство ветров далеко не такое общее, как это принималось в прежние времена; напротив, и здесь ветер следует за перемещающимся минимумом, а морское течение за ветром; таким образом, и здесь временами происходили отклонения от господствовавшего обычно направления из восточных квадрантов. С другой стороны, мы знаем также благодаря развитию этнографических исследований, что искусство полинезийцев в мореплавании не ограничивалось одним умением идти по ветру, но что при случае они умели лавировать и против ветра. Таким образом, океан и его метеорология, несомненно, теряют свое значение при выяснении вопроса о происхождении полинезийцев и уступают в этом отношении антропологическим и этнографическим доводам; но устранить их совершенно было бы, по меньшей мере, преждевременным. Даже в том случае, если сумеют удачно воспользоваться вышеназванными методами исследования, чтобы разрешить загадку происхождения полинезийцев, то другой, почти столь же важный вопрос о распространении их на весь океан может быть решен лишь при полной оценке географических влияний.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР

Основная черта растительного мира Океании — это его общность с областью муссона Юго-Восточной Азии. Она проявляется очевиднее всего в Меланезии; дальше же на восток она все больше и больше теряется вместе с оскудением вообще числа видов. Но странным образом, именно благодаря этой скудности растительный мир сыграл важную роль в истории океанийца. Меланезец, утопающий

135

в своей роскошной растительности, прозябает, лишенный истории; все, что нужно для его жизни, ему доставляется щедрым морем или богатыми источниками пропитания лесом. Только на архипелаге Фиджи, где природа становится беднее, начинается историческая жизнь. Полинезийца и микронезийца природа не так баловала. Скудность почвы и недостаток в полезных растениях ставили его лицом к лицу с широкой водной пустыней. И он победил ее. Не имея в своем распоряжении даже дерева, из которого можно было бы выдолбить годный для плавания челнок, он сделался техником, который умело восполнял своим искусством бедность природы. Но раз, освободившись от ее оков в одном отношении, он увидел, что ничто не мешает ему покорить ее и в другом. Технические успехи всегда были необходимым условием всяких других успехов, тем более здесь, где приходилось преодолевать пространство.

При всем том полинезийцы не могли бы так распространиться, если бы скудная во всем остальном природа не пришла им на помощь, дав им кокосовую пальму. Только семена этой пальмы и еще немногих других растений могут, не теряя своей произрастательной способности, переноситься на такие пространства, как расстояния между океаническими островами; таким образом, кокосовая пальма была неизбежным условием первого распространения населения по обширному островному миру Океании. Только в настоящее время остальные полезные растения умалили ее значение в хозяйстве островитян.

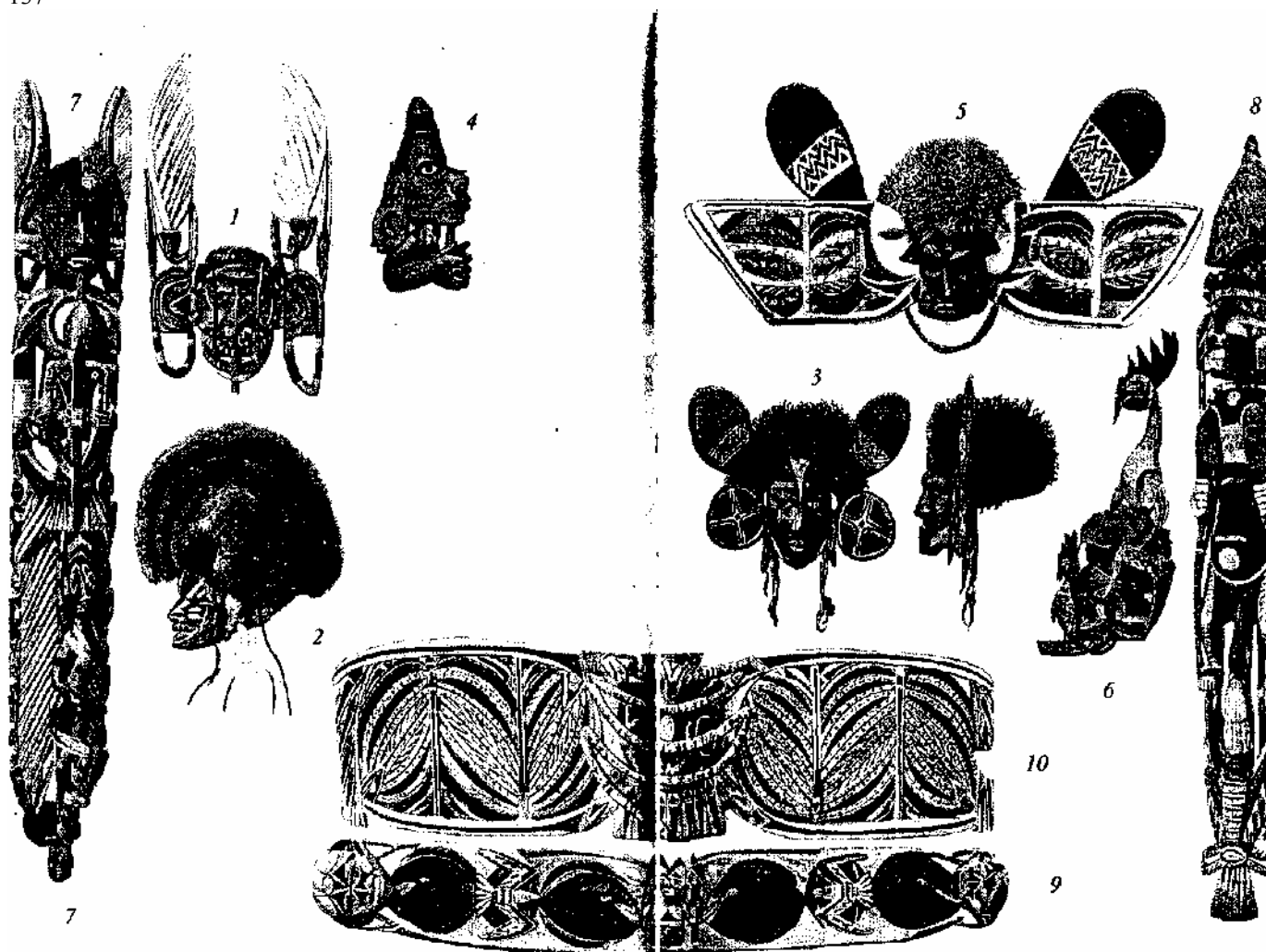
Все сказанное не относится к Новой Зеландии. Как в климатическом отношении она выделяется из среды остальных океанических островов, так и ее растительный мир носит иной характер. Он представляет необыкновенное разнообразие видов, которые насчитываются тысячами. Для туземцев, однако, только два растения приобрели большое значение: *rarauhe* (*Pteris esculenta*) — папоротник со съедобными корнями и *harakeke* — новозеландский лен (*Phormium tenax*). Первые европейцы сумели оценить его значение, и это обстоятельство положило начало также и хорошим отношениям между маори и европейцами.

136

ЖИВОТНЫЙ МИР

Недостаток в полезных животных и млекопитающих, проявляющийся на Востоке еще более, чем на Западе, составляет характерную черту фауны Океании. То, в чем не было отказано даже жалкому австралийцу, нашедшему себе в динго товарища, хотя бы и сомнительного, не было дано океанийцу. Лишь в последнее время белые восполнили этот пробел, доставив на Новую Зеландию домашних животных. Некогда Новая Зеландия была богата формами и числом своих животных: птица моа (*Dinomis*) во многих видах и отчасти громадной величины — самый большой вид достигает 4 метров в высоту, — носилась над обширными равнинами. В настоящее время она принадлежит к давно вымершим видам, пав жертвой ненасытного голода маори. Что небольшие острова отличаются бедностью животных форм, совершенно понятно — на своем ограниченном пространстве они представляют для больших животных слишком неудовлетворительные условия для существования. Не может не казаться странным, что фауной бедна также и Новая Гвинея, которая в этом отношении, несмотря на все богатство своей тропической природы, уступает даже скудной в отношении своего животного мира Австралии. Для населения Новой Гвинеи одна свинья имела еще некоторое значение.

Для исторического развития народов Полинезии и Микронезии эта бедность животного мира была не без значения, что отразилось в одном важном в этнографическом отношении явлении: у народов, живущих на очень небольших островах, лук и стрелы как оружие отсутствуют в настоящее время либо совершенно, либо встречаются еще только как пережиток. Оскар Пешль видит причину этого явления в недостатке поводов к употреблению этого оружия, требующего больше всякого другого навыка; даже если при своем вселении охотничьи племена и находили большой запас дичи, се не могло хватать надолго. Само собой, что потеря

Резьба по дереву меланезийцев

Подписи к рисункам на с. 138—139 Резьба по дереву меланезийцев:

1 — танцевальная маска из Новой Ирландии с очень большими крыльеобразными ушами, пестро раскрашенная; 2 — танцевальная маска из Новой Ирландии наподобие шлема, с высоким гребнем; 3 — танцевальная маска из Новой Ирландии: типичный меланезиец с красной и белой раскраской лица; 4 — резная фигура с Соломоновых островов: голова и рука человека с перламутровой выкладкой.

Украшение носовой части лодки; 5 — большая танцевальная маска из Новой Ирландии; вместо ушей — далеко отстоящие крылья в форме рыб. Волосы, выбеленные, по обычаю аборигенов, известны, сделаны из желтоватых палочек древесной сердцевины; 6 — танцевальная маска из Новой Ирландии наподобие шлема. Между зубами на лице маски просовывается небольшая часть петуха, другая такая же фигура — наверху маски; 7 — резной столб из Новой Ирландии. Наверху человеческая фигура с большими крыльеобразными ушами, прижимающая руками к груди птицу; на лице нарисованы две черные и одна белая ящерицы; внизу змеи, птицы и рыбы; 8 — резной столб из Новой Ирландии; по всей вероятности, память об умершей в родах жене; 9 — резная фигура из Новой Ирландии; большой орел, схвативший змею. По всей вероятности, символическое изображение земли и неба, подобно индийскому Гаруда с На-гами; 10 — резная и раскрашенная планка из Новой Ирландии; в середине человеческая фигура между двумя рыбами.

С оригиналов Берлинского музея народоведения.

пах туземцы избежали борьбы на близком расстоянии, которой так бояться все примитивные народы, благодаря тому, что на месте стрелы появились праща и метательная палица; по в общем переход к борьбе лицом к лицу с помощью копья, топора и палицы был неизбежен. С точки зрения тактики это считается шагом вперед, как показывает классический пример зулусов Южной Африки, которые только благодаря введенному Чакой нападению сомкнутым строем и употреблению длинного копья как главного оружия достигли свое господства в юго-восточной части Черного материка. В Полинезии этот новый способ борьбы, несомненно, способствовал той кровопролитной™ войн (между туземцами, а также между ними и белыми), которой отличается ее история по сравнению с историей всех других примитивных народов. Политические последствия, ввиду отсутствия подходящего врага, не могли здесь, естественно, принять

таких размеров, как в Южной Африке; однако в относительно строгой организации большинства полинезийцев тактика их играет, конечно, не последнюю роль.

Население

МЕСТО ОКЕАНИЙЦЕВ В АНТРОПОЛОГИИ

НАРОДОВЕДЕНИЕ делит население Океании на три группы: меланезийцев, населяющих островной пояс от Новой Гвинеи до Новой Каледонии и Фиджи; микронезийцев, живущих на островах Каролинских, Марианских, Палаус-ких, Маршаловых и Жильбертовых, и полинезийцев, занимающих остальную часть обширного островного мира, включая Новую Зеландию. Вопрос о расовой принадлежности, взаимоотношениях и происхождении этих трех групп занимал ученых с первого дня открытия этого мира и породил поистине колоссальную литературу; но к сколько-нибудь удовлетворительному решению не смогли прийти и по настоящее время. Относительно меланезийцев вопрос можно считать настолько выясненным, что теперь никто, конечно, не станет сомневаться в принадлежности их к большой группе негроидных народов. Также и относительно микронезийцев все согласны в том, что их нельзя противопоставлять полинезийцам: в них видят ветвь полинезийцев, и именно тот их отросток, который, благодаря близости к меланезийцам, получил наибольший процент примеси негроидной крови.

Таким образом, только вопрос о происхождении полинезийцев ждет еще своего решения. Ничто не указывает на то, чтобы они были аборигенами занимаемых ими теперь островов — это невозможно предположить уже на основании одних географических данных. Остается, следовательно, переселение их из других мест. Голоса в пользу «происхождения полинезийцев из Америки, переселения из

142

' Индонезии» все еще не умолкают. Однако под напором новых взглядов относительно смещения народов и их переселений они высказались за физическую и лингвистическую связь с одной стороной (Индонезией), не отрицая этим этнических отношений к другой (Америке). Расовое родство полинезийцев с обитателями Малайского архипелага ввиду физического сходства и родства языков вполне установлено; гораздо менее согласия царит относительно рода и количества чужой примеси. По данному положению вещей здесь может быть вопрос только о примеси негроидной. По отношению к северо-западу (Микронезии) ее не могут отрицать даже защитники расовой чистоты полинезийцев вообще. Между тем многочисленные новейшие наблюдения делают весьма вероятным, что подобная примесь существует вплоть до о. Самоа и еще дальше; даже далекий остров Пасхи, по-видимому, не совсем от нее свободен.

Множество фактов говорит также в пользу этнической связи Полинезии с Америкой. Вера и религиозные обычаи в обеих областях основываются в общих чертах на одной и той же вере в души и почитании предков; зачатки космогонии, почитание родового символа и цикл преданий одни и те же, не говоря уже об аналогии в характере материальных культурных приобретений и об общем в той и другой области отсутствии железа. Ввиду такой аналогии народоведение стоит перед трудной задачей.

Предполагать прямое переселение из Америки не решается уже большинство этнологов. Хотя полинезийцы и смелые мореплаватели и часто по собственной воле или по нужде проходили большие расстояния при своих передвижениях, но проплыть 40—60° долготы, не имея даже возможности пристать куда-нибудь, было бы и им не под силу, а тем более их предкам.

При данном положении вещей нас дальше всего приведет предположение о существовании большой монголоидной первичной расы, разветвления которой заняли весь «восток» земного шара: Восточную Азию, Океанию и Америку. Такое предположение устраняет тотчас же все за-

143

труднения, возникающие при выяснении вышеуказанной аналогии; но оно далеко еще не решает вопроса о различиях в монголоидных родственных культурах. Объяснить их влияниями различных полушарий является рискованным, хотя и не безнадежным.

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ОКЕАНИЙЦЕВ

Первыми действительно историческими шагами океанийцев были их переселения. Еще и по настоящее время они являются самым подвижным из первобытных народов, и переезды в более чем тысячу морских миль далеко не редки. В поводах к таким морским странствованиям нет недостатка. Склонность или необходимость в торговых сношениях с соседями, голод, не редкий на более бедных островах, политические неурядицы и выраженное стремление к странствованию. Последнее является основной чертой в характере малайо-полинезийца, которой прежде всего обязано распространение этой народной группы на область, простирающуюся на 210° долготы, от Мадагаскара до острова Пасхи, и 80° широты. Перед этой чертой отступают на задний план другие причины, вызывающие переселения, хотя относительно отдельных местностей они часто играют главную роль и влекут за собой различные исторические последствия.

Число известных нам путешествий невелико; время, прошедшее от открытия океанского островного мира, еще слишком коротко, и сама Океания слишком далека от нас. Тем не менее не одна уже черта из прошлого этих народов выступила с достаточной ясностью перед нашими глазами. Прежде всего мы убеждаемся в таких фактах, что течением переселявшихся относилось часто туда, куда не лежал их путь, из произвольных, так сказать, путешествий, что прославленного исстари постоянства в воздушных и морских течениях из восточных квадрантов на самом деле не существует, что, следовательно, природа не

ставила препятствий распространению полинезийцев с запада на восток; даже

144

ЗЕЛАЦІЯ

Схема переселения океанийцев

к далекому острову Пасхи путь с запада при таких обстоятельствах не был закрыт. Далее частые передвижения рисуют нам истинный характер Тихого океана. Это не водная пустыня, где острова и архипелаги, подобно оазисам, прозябают в тишине своей замкнутости; это полное жизни море, на котором оживленные сношения не допускают нигде строгого обособления какой-нибудь островной группы от остального мира.

Такой характер океан носит не только со времени последних двух-трех веков, этот характер свойствен ему с тон минуты, когда первый корабль коснулся утесов Гавайев,

145

Новой Зеландии и острова Пасхи. Об этом свидетельствуют сами туземцы. Богатый цикл их сказаний как вокруг своей оси вертится вокруг этих старых странствований; наполненный больше всего первыми переселениями, он дает нам полную возможность заглянуть в прежние отношения островитян как к друг другу, так и ко внешнему миру; даже вопрос о первоначальной родине полинезийцев думали разрешить этим путем. Не в одном только кругу этнологов известна роль, которую играет понятие Гавайки и его синонимы (Савайи, Гавайи, Гапай, Гевава, Авайки и т. д.) у большинства полинезийцев в сказаниях об их происхождении. Мы его встречаем снова у маори Новой Зеландии, на Таити, Райатеа, Раротонга, Маркизовых островах, на Гавайях и в других местах. Видеть в этом понятии определенную-ограниченную местность, откуда течение переселения распространялось в разные времена в самых различных направлениях не приходится уже ввиду того факта, что географическое положение Гавайки не во всех преданиях точно определено, а значительно колеблется; иногда даже это просто страна духов, страна Запада, где души вместе с солнцем погружаются в преисподнюю.

Тем не менее проследить предание о Гавайке является более чем в одном отношении полезным для изучения раннего периода истории полинезийцев, если только дополнить это предание антропологическими, этнографическими, а также и географическими взглядами. Относительно маори можно тогда с большой вероятностью принять за исходный пункт их переселения на Новую Зеландию принадлежащий к группе Самоа островов Савайи. Он же под именем Гавайев образует исходный пункт для жителей Райатеа и Таити. На то же указывают предания Маркизовых и Гавайских островов, отчасти также и острова Раротонга, который, с своей стороны, по преданию «ближайший Гавайки», послужил для маори промежуточной станцией на пути их к Новой Зеландии, являясь в то же время и действительным исходным пунктом для жителей островов Ту-буаи и Гамбир. Последний исходный пункт представляет группа Тонга: жители о. Нука-Гива в Маркизовой группе

146

приводят своих предков вместе с хлебным деревом и сахарным тростником из Вавау. По сравнению с величиной занятой полинезийцами области не только поразительно ничтожно число исходных пунктов, но и первоначальные отношения между отдельными группами являются, по преданиям, изумительно простыми. При современном состоянии науки народоведения и исторических знаний простота эта не выдерживает критики. Относительно маори установлено, что переселение их не произошло в виде одной народной волны, а совершалось последовательными притоками с севера; указывается и на очень позднее переселение. Жителей Гавайских островов связывают по языку, обычаям и преданиям о переселениях с Таити; с другой стороны, местные названия носят следы живых воспоминаний о Самоа. Раротонга является исходным пунктом для всего крайнего юга, тогда как сам остров почти одновременно заселился притоком населения с Самоа и Таити. Наконец, острова Таити послали, по-видимому, переселенцев на Раротонга и Гавайи и, сверх того, на южные Маркизовы острова, на что указывает сходство в языке и обычаях.

Установить время этих переселений уже потому трудно, что явление этого движения представляет нечто положительное. Нельзя, само собой, придавать значения числу генераций на отдельных островных группах, колеблющихся между 20—88 родами. С помощью истории мы здесь вообще недалеко уйдем; только народоведение дает нам указание на то, что распространение полинезийцев на Тихом океане не должно быть отнесено к далеким временам: они не успели еще достигнуть сильно выраженных особенностей в своей культуре; относительно Новой Зеландии и многих других областей вопрос может быть только в нескольких веках; первое заселение Таити и, пожалуй, Гавайев могло иметь место и раньше. Но выходить за период полутора тысяч не приходится нигде.

Переселения захватывают и Меланезию. На востоке ее, что само собой вытекает уже из больших расстояний, оно происходило более сплошными массами, чем на западе;

147

в то время как Фиджи не только в этнографическом и политическом отношении примыкают к Полинезии настолько же, как и обе соседние группы Тонга и Самоа, но и в антропологическом отношении указывают на сильную примесь полинезийской крови — мы хотя и находим на Новой Гвинее очень заметные следы этой примеси, но ничто уже не указывает на полинезийские обычаи и государственное устройство. В каком отношении друг к другу стояли в этих вкраплениях полинезийского элемента в западную область Тихого океана сознательные и недобровольные переселения, едва ли можно установить в настоящее время; но несомненно, что наряду с частыми недобровольными заселениями как на востоке, так и на западе, не

отсутствовала также и сознательная колонизация. Здесь мы знакомимся с полинезийцами с такой стороны, какую у примитивных народов видим нечасто. В Африке можно указать только на ваньямвези в средней области германской Восточной Африки, колонизация которых, начиная с середины XIX столетия, захватила весь экваториальный восток материка и продвинула свои колонии далеко на юг бассейна Конго; сюда же можно причислить и Киоко на западе государства Конго, о способности которых внедряться в коренное население рассказывают Попе, Л. Вольф и Виссман. Из американских народов сюда можно причислить разве только карибов, покоривших и колонизировавших значительные пространства внутренней части материка и весь островной мир американского Средиземного моря. Колонизаторская деятельность полинезийцев не должна нас удивлять. Как в области мореплавания они выказали себя достойными продолжателями малайской народной группы, так и в политическом и экономическом отношениях они едва ли уступают западным малайцам. Если эти последние опираются на то, что распространение их достигает Мадгаскара на западе и Филиппинских островов на северо-востоке, то и полинезийцы могут указать на занятие ими области, простирающейся от Каролинских островов и Новой Гвинеи на западе до острова Пасхи на востоке.

148

История океанийцев ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

ИСТОРИЯ океанийцев до открытия тихоокеанского островного мира нам почти неизвестна; предания Полинезии, проникающие гораздо далее в глубь прошлого, нигде не отделяются действительностью от мифов. Тем не менее некоторая возможность бросить взгляд на прошлое есть и для Океании. Как и в Австралии, и здесь имеются остатки древних построек и сооружений, из которых, само собой, вытекают известные выводы относительно прежнего политического и социального быта; кроме того, и то состояние, в котором они были найдены, дает также немало точек опоры для исследователя.

Нет сомнения, что теперешнее культурное состояние полинезийцев и микронезийцев, как и у австралийцев, не соответствует той высоте развития, которой они раньше не достигли; напротив, регресс, по-видимому, имел место во всех областях народной жизни. У меланезийцев же, культура которых не доросла даже до нынешней культуры их восточных соседей, мы не находили никаких указаний на ее прежнее высокое состояние. Их культура представляет как бы ложбину между возвышенностью на западе — малайской культурой и меньшей возвышенностью на востоке — полинезийской культурой. Этим еще далеко не сказано, что культурное достояние Меланезии само по себе менее ценно или лишено самобытности. Напротив, они владеют им в полной мере: не только некоторая часть материального достояния, но и некоторые отрасли духовного даже превосходят достояние хотя бы микронезийцев. Мелане-

149

зиец отстал только в политическом отношении. Причину этого нужно искать прежде всего, вероятно, в характере самой негроидной расы, а затем и в недостатке побудительных обстоятельств извне; там, где и то и другое отстает на задний план, как на Фиджи, меланезиец показал себя способным к политическому развитию.

О культурном регрессе полинезийцев и микронезийцев можно судить по двум обстоятельствам: во-первых, по их постройкам и сооружениям, которые по своей массе, размерам и протяжению совершенно исключают возможность того, чтобы их могло создать население такое, каким оно представилось первым европейцам; во-вторых, по их государственным и социальным учреждениям, носящим все следы упадка. В остатках первого рода нет недостатка в Южном море. На давно оставленном всеми первобытными жителями Питкерне еще до настоящего времени сохранились каменные фундаменты древних храмов; на Рапа старинные укрепления венчают холмы, а на Гуагейне рядом с циклопической, проложенной в скалах, дорогой возвышается долмен; по залежам гуано на острове Рождества простираются, свидетельствуя о времени более сильного духа предприимчивости, более высокой техники и выраженного чувства общности, дороги из искусно сложенных кусков кораллового известняка; на Тиниане, одном из Марианских островов, жилища древних сильных хаморро украшены увенчанными капителями каменными колоннами. Но что все это значит в сравнении с развалинами Нанматала на Понане и каменными изваяниями Рапануи, острова Пасхи! Упадок в областях политической и социальной в общем не так еще ярко выступает, как технический; но и его нигде нельзя отрицать, как нельзя отрицать и того, что он, несомненно, играл в дальнейшем государственном развитии островитян более роковую роль, чем последний. Он проявляет себя в исчезновении патриархальной формы государства, когда король был для народа в одно и то же время и богом, когда он был естественным собственником всей земли и когда господствовало убеждение, что все исходит от него и все существует для него. Когда Джеймс Кук и его

150

современники появились в Южном море, во многих местах едва еще сохранились следы такого государства; в других же местах оно быстро распалось. Старинные роды властителей были местами совершенно уже устранены, а государства исчезли; там же, где эти последние еще продолжали существовать, древние властители пользовались лишь тенью прежнего блеска. Исчезло также и разделение народа с его строго определенными ступенями; на место прежней ленной системы явилось стремление знатных лиц к собственности и могуществу. Оно повсюду увенчалось успехом и способствовало прежде всего разрушению строгой, но удобной для всех организации. Наконец, и сама религия потеряла совершенно свой прежний

характер. Древние боги хотя и были еще в силе, но их первоначально ограниченное число возросло с течением времени до чрезмерности благодаря тому, что к древним богам постепенно приравнивались и божества, вышедшие из класса высшей аристократии. Таким образом, государственная и народная религия превратилась в суеверное почитание. По мнению Карла Мейнике, одна и та же причина разрушила как государство, так и религию полинезийцев: это низвержение древних государственных и религиозных авторитетов или же возвышение более низких до этого степеней, но во всяком случае отступление от прежней государственной идеи.

Признаки упадка Океании в своей совокупности довольно красноречивы. Прежде всего они указывают на то, что в прошлой истории островитян Южного моря должен был быть период, когда насаждение колоний становилось необходимостью в связи с чрезмерным увеличением населения на заселенных уже островах; а затем, что время колонизации было, по всей вероятности, также и временем наивысшего культурного развития. Колонизация была возможна лишь при господстве строгой политической организации, один отблеск которой мы можем еще уловить в позднейшей жизни народов Южного моря. Невозможно, с другой стороны, предположить, что на заселенных островах продолжала развиваться техника, которая была необходима для

151

сооружения громадных построек, так что и в области материальной культуры нам остается только думать, что ее общий уровень был некогда выше. Мы имеем здесь перед собой явление одинаково интересное как в историческом, так и в геологическом отношении: момент наибольшего распространения народа является в то же время и началом его упадка.

Это явление не должно поражать нас, если примем во внимание природу местожительств народа. Для населения небольших островов легче достигнуть высшей ступени культуры и более строгой политической организации, чем удержаться на унаследованной или же занесенной извне высоте; ограниченность пространства дает возможность легко овладеть данными условиями к развитию, но в ней же и опасность столкновений противоположностей, а вместе с этим и разрушения уже созданного. Этой судьбы не мог избежать ни один из полинезийских островов, тем более что в характере народа мало консервативных черт; с тех пор, как мы знаем полинезийцев, ссоры и распри были всегда главным и любимым их занятием. Наибольший регресс имел место там, где островные государства меньше, разрушительное влияние, следовательно, сильнее в центре островного мира: здесь никакие следы прежней высоты культуры не удержались до нашего времени. Только по его краям, на Гавайях и Новой Зеландии, да еще на отдаленном острове Пасхи европейцы нашли при своем появлении более заметные следы этой прежней высоты культуры: на первых — более интенсивную народную жизнь, на последнем — грандиозные памятники. Как быстро может идти оскудение культурных достояний, мы видим на примере маори. По природе склонные к насилию и распадению, они превратили большие государства своего двойного острова в многочисленные малые государства, лишенные какого бы то ни было сознания национальной связи и культурного могущества. В то же время прежний сильно выраженный характер народа терял все больше свою выдержанность и становился диким и жесто-

152

ким. Рука об руку с этим шел и распад религии. Древние боги теряли свой индивидуальный характер, превращаясь во множество лесных и морских демонов, которые по своей искаженностиTM и карикатурности не имеют себе равных. Не были пощажены также и искусство и техника; уже ко времени Кука древняя резьба не находила себе больше мастеров.

ИСТОРИЯ МЕЛАНЕЗИЙЦЕВ

Общий очерк

Если исключить Фиджи, то Меланезия не имеет собственно никакой истории, можно говорить лишь о судьбах ее населения под натиском внешних обстоятельств. Главной причиной этого явления, напоминающего пассивность Австралии, является, вероятно, ничтожная склонность негроидной расы к политической жизни; другой — замкнутость ее от внешнего мира, которой немало способствовала дикость меланезийца; страх перед ней удерживал как подвижных меланезийцев от колонизации в больших размерах средней и западной Меланезии, так и белых, не приложивших к открытию ее островов того усердия, которое они показали со времен Кука для всей остальной Океании. Исследования и миссионерство начинаются здесь поздно и робко, и гораздо позже следует по их стопам европейская колонизация.

Несмотря на это позднее начало серьезных вторжений извне, меланезийцы уже довольно рано пришли в столкновение с белыми. Из длинного ряда исследователей едва ли найдется один, на котором не лежала бы вина в самых больших жестокостях по отношению к туземцам, начиная с И. Ле Мэра и В. Шоутсна (1616 г.), В. Дампьера (1700 г.) и И. Роггевеена (1722 г.) и кончая Л. А. Бугенвилем и де Сюрвилем (1768 г.); даже Кук велел в 1774 году расстрелять пушками туземцев Эрроманго за ничтожный проступок. Но еще больше вины по отношению к Мела-

153

незии лежит на XIX столетии. Богатство ее сандаловым деревом привлекло очень скоро многочисленных промышленников, особенно англичан и американцев, а также и полинезийцев. Гонимая только за личной выгодой, все эти люди хозяйничали как истые варвары, 'они похищали туземцев и отвозили их рабами на другие острова, рубили полезные деревья, вызывая этим распри с владельцами, оканчивавшиеся большей

частью не в пользу последних. Обстреливание деревень без всякого повода, вымогательства всякого рода были в порядке вещей. Промышленники захватывали в плен какого-нибудь вождя и отпускали его на свободу не иначе, как получив за него целое судно сандалового дерева; а когда однажды жители новогейбридского острова Фате с женами и детьми укрылись в пещере от преследования экипажа одного английского корабля и кучки присоединившихся к ним тонганцев, враги разложили перед входом в пещеру огонь и дали задохнуться всем беглецам.

Последствия такого обращения с туземцами не заставили себя долго ждать. Воинственный и способный к сопротивлению меланезиец не спускал ни одного удара и мстил за злодеяния белого и поругания над своими братьями где и как только мог: он убивал всякого, кто имел неосторожность высадиться на его берегах. История исследования Меланезии вплоть до наших дней писана буквально кровью; а миссионерству пришлось одолеть здесь более трудное начало и более тяжелую работу, чем где бы то ни было в Южном море.

Длительная расовая борьба не могла не нарушить прежней неприкосновенности меланезийской народности. Новая Гвинея, исследованная едва еще только по своим краям, мало, допустим, пострадала в этом отношении, а жители архипелага Бисмарка и Соломоновых островов выходили до сих пор всегда победителями при всех серьезных вторжениях в их духовное и материальное достояние. Менее благополучно обстоит дело на восточных архипелагах, Сап-та-Крус, Новых Гебридах, Новой Каледонии и Фиджи. Здесь более значительная некогда примесь полинезийской крови ослабила, несомненно, стойкость населения; кроме того,

154

эти группы долгие и сильнее других подвергались натиску белого врага. Результатом был, как и повсюду, где дикарь проходит в соприкосновение с культурой, регресс туземного населения в численности, наружном облике и обычаях. Это заметнее всего на Новой Каледонии, где туземцы под влиянием французской системы ссылки из воинственной, честолюбивой, высокоодаренной духовно нации опустились на уровень низкого сброда. Относительно упадка численности населения трудно составить себе понятие, так как прежние указания основываются лишь на приблизительном его подсчете. Тем не менее и для Новых Гебрид и для Санта-Крус сильное уменьшение численности находится вне всякого сомнения, а для Фиджи оно может быть доказано даже цифрами.

Фиджи

Большая, по отношению к меланезийским условиям вообще, способность к политической жизни островитян Фиджи (Фиджи, Вити) сводится, с одной стороны, к сильной примеси к ним полинезийцев, с другой — к положению архипелага. Его история начинается для нас теми распрями, которые разыгрывались целыми веками на всех полинезийских островах. В такую в сущности ничтожную борьбу вмешались в начале XIX столетия европейцы без всяких сначала политических намерений. В 1804 году 27 беглых преступников из Норфолка стали принимать сторону то одного, то другого вождя; еще решительнее повлиял на ход дел вооруженный мушкетами экипаж потерпевшего в 1808 году у берегов Наираи крушение рабовладельческого судна «Элиза». Выбор экипажа пал на вождя Науливау из Мбау, что дало этому последнему возможность свергнуть владычество «государства» Всата на восточном Вити-Леву; его преемники удерживали за собой владычество до 1874 года. Наливау умер в 1829 году; его правление было богато военными успехами, которым он обязан именем «Вуни Валу», т. е. «корень войны». Ему наследовал брат его Таноа, один из самых свирепых каннибалов, каких только знавали Фиджи.

155

В правление сына его Серу, более известного под именем Какобау или Такомбау (1852—1874), владычество, которому положил начало впервые Вуни Валу, достигло своего высшего расцвета и распространилось почти на весь архипелаг. Серу принял правление в такое время, когда архипелаг Фиджи более чем в одном отношении привлекал к себе взоры белых. С 1835 года там основалась весле-янская миссия, с 1844 года — католическая. Благодаря, главным образом, деятельности первой миссии старые распри прекратились, по крайней мере, в береговых областях Вити-Леву; английский, американский и другой торговый люд мог селиться теперь там с полной безопасностью. В 1847 году Соединенные Штаты Америки, вполне оценивая вновь открывшуюся им область, учредили там свое консульство; в то же время, чтобы ослабить английское влияние, они начали систематически навлекать на миссию подозрение. В 1849 году во время пожара в доме консула Вильямса туземцы расхитили кое-что из его имущества. Вильяме потребовал от Такомбау возмещения убытков в размере «3006 долларов 12½ центов»; эта сумма была, как показывает беспристрастный свидетель, неправильна. Сумма не была уплачена. Уже в следующем году она вследствие других краж достигла 5001 доллара 38 центов. Вильяме передал свое требование на рассмотрение командиров двух американских военных судов с просьбой поддержать его, но получил отказ. Однако в 1855 году капитан судна Боутуэль, посланный на Фиджи для нового расследования дела, приказал Такомбау тотчас же уплатить капитал и проценты; при втором требовании сумма, подлежащая к уплате, была определена в 30 000 долларов, а в случае ее неуплаты угрожало порохов и свинцом. В конце концов Боутуэль призвал вождя на свое судно и потребовал с него под угрозой петли 45 000 долларов, тогда Такомбау подписал.

Кроме того, грозили еще столкновения с Францией. Четырнадцать лет спустя после неудачной колонизаторской попытки 1844 года французские католические миссионеры снова попытались утвердиться на Вити-Леву. Так как

Такомбау, перешедший в 1854 году, частью из убеждения,
156

главным же образом из политических побуждений, в христианство, чувствовал невозможность держаться долее, тем более что и его отношение к Тонга было в то время очень натянутым, он решил для избежания разных случайностей уступить свою страну Англии. 12 октября 1858 года он заключил с английским консулом Притчардом договор, к которому потом присоединились все вожди острова. Такомбау, который хотел сделаться английским подданным, но удержать при этом свой титул и верховную власть, обещал 200 000 акров земли; взамен этого Англия должна была принять на себя долг Америки. Из опасения конфликтов с Америкой английское правительство отклонило предложение Такомбау. Этим воспользовались не только американцы, тотчас же выступившие снова со своими притязаниями, но и Тонга, с своей стороны потребовавший денег за оказанную будто бы прежде услугу. В своем затруднении владетельный вождь согласился на предложение Мельбурнской «Полинезийской компании», которая обещала ему удовлетворить требования американцев при условии передачи земель, обещанных английскому правительству; процветание действовавших в стране с 1860 года немецких фирм заставило компанию обратить внимание на Фиджи. По заключению договора общество уплатило американцам 9000 фунтов стерлингов, за что ей было тотчас же предоставлено 45 000 гектаров.

Тем временем распри между туземцами не прекращались; наряду с этим начались столкновения между ними и прибывавшими в большом числе белыми. Чтобы положить конец такому порядку вещей, Такомбау ввел в 1871 году конституционный образ правления с министерством, состоявшим из двенадцати вождей, с Legislative Council по выбору белых и с верховным судом. Пока интересы правительства и колонистов не сталкивались, эта игра, к которой не раз прибегали в Южном море, протекала довольно невинно; но когда белым пришлось платить налоги, они попросту не захотели признавать законов. К тому же государственный долг быстро дорос до 80 000 фунтов стерлингов. Такомбау не видел другого исхода для своего спасения, как предло-

157

жить снова свою страну Великобритании, но на этот раз в полное владение. Сначала Англия снова отклонила предложение. Только опасение, что другие государства, Америка или Германия, заинтересованная как раз в то время предприятиями Годеффруа, воспользуются подобным же предложением, заставило Англию посмотреть на дело иначе. 30 сентября 1874 года Англия приняла предложение Такомбау, после того как Германия, которой оно тем временем было действительно сделано, отклонила его. Фиджи сделалось британской коронной колонией. Англия взяла на себя все долги и выплачивала Такомбау до самой его смерти (1883 г.) ежегодно известную сумму на его содержание. Продажа земель, совершившаяся до передачи Фиджи Германии, сначала не была признана, но дело было затем рассмотрено; через десять с лишним лет, в 1885 году, причастные к этому делу немцы получили ничтожное удовлетворение (10 620 фунтов). Весной 1902 года Фиджи носились с мыслью заключить с Новой Зеландией (Mr. Седдон) отдельный союз, наподобие австралийского Commonwealth.

ИСТОРИЯ МИКРОНЕЗИЙЦЕВ

Несмотря на небольшую величину всех микронезийских островов, население их достигло своеобразной и во многих отношениях более высокой культуры, чем родственные ему народы на востоке и юге. Само собой, слишком ограниченное пространство некоторых островов делало невозможным политико-историческое развитие; события нигде не выходят за пределы обычных распр между отдельными государствами-деревнями, хотя, если делать заключения по древним постройкам на островах Палауских, Понапе и Марианских, условия для организованной политической деятельности должны были быть в прежние времена благоприятнее, чем в наши дни. Имеет ли здесь значение упадок культуры на Палауских и Каролинских островах еще какие-либо другие причины, кро-

158

ме обусловленных узостью пространства столкновений интересов, этот вопрос остается для нас пока еще не разрешенным.

Процесс разложения на Марианских островах, напротив, можно точно проследить. Все отзывы относительно периода, предшествовавшего началу испанского завоевания и обращения, рисуют с самой лучшей стороны положение островов, высоту их культуры и численность населения. Гуам походил на сплошной огромный сад и насчитывал в 1668 году, при начале миссии иезуитов, 180 прекрасных деревень. Общее число хаморро, как испанцы называли коренное население, определяется различно: большей частью указывают 200 000, а иногда даже 600 000; ниже 40 000 не идет даже самая низкая оценка. Наряду с земледелием, ушедшим значительно вперед, несмотря на примитивность орудий, и культивирующим даже рис, мы сталкиваемся здесь с прекрасно развитым мореплаванием, гончарным производством, установленным календарем и многим другим.

Все это в самый короткий срок было уничтожено испанцами. По точному вычислению, в 1710 году — 42 года спустя после прибытия иезуитского патера Санвитореса — оставалось еще 3539 хаморро; в 1741-м — всего 1816! Такое быстрое вымирание было вызвано жестокой борьбой между обеими партиями, начавшейся как только свободолюбивое население убедилось, что обращение имеет своей конечной целью также и порабощение его под испанское иго; борьба прекратилась лишь в 1699 году. Однако результат переписи 1741 года заставил наконец испанцев убедиться в обширности вызванного ими разрушения. Чтобы

сгладить результаты ужасающей смертности, они ввезли тагалов с Филиппинских островов. С этих пор число жителей стало повышаться: в 1783 году оно равнялось 323' душе, в 1803—4303, в 1815—5406, а в 1850 году оно переходило за 9000 душ. В 1856 году эпидемия оспы снова сильно уменьшила число населения. Лишь в 1864 году оно опять поднялось до 5610 душ; в настоящее время оно насчитывает приблизительно вдвое больше. Беспощадное

159

истребление населения является, пожалуй, еще не самым большим злом, причиняемым хаморро испанцами; гораздо худшим нужно считать уничтожение народности. От прежней культуры с ее постройками, с ее мореплаванием, земледелием, ее техникой в настоящее время осталось столь же мало следов, как и от прежнего сильного и гордого облика самого населения. Любовь к свободе уступила место в нынешнем жалком смешанном народе тупому равнодушию, прилежание сменилось ленью, а полное свежести язычество — неосмысленным исполнением христианских обрядов. После тасманийцев ни один народ Южного моря не испытал на себе в такой мере проклятие от соприкосновения с европейцами, как хаморро.

ИСТОРИЯ ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ

Представить историю полинезийцев затруднительно в том отношении, что каждая отдельная группа имеет свою собственную историю; связь с соседними архипелагами здесь имела место только как исключение. Это обстоятельство обуславливает собой необходимость рассмотреть отдельно самые большие и важные группы, хотя некоторые главные черты повторяются здесь с известной правильностью. Так как это явление проявляется, еще резче на меньших архипелагах, отступающих и по своему значению и по густоте населения на задний план, то мы должны отказаться от подробного их описания, а относительно некоторых интересных черт, которые они могли бы тем не менее представить, мы отсылаем читателя к главе о христианской миссии.

Восточная Полинезия

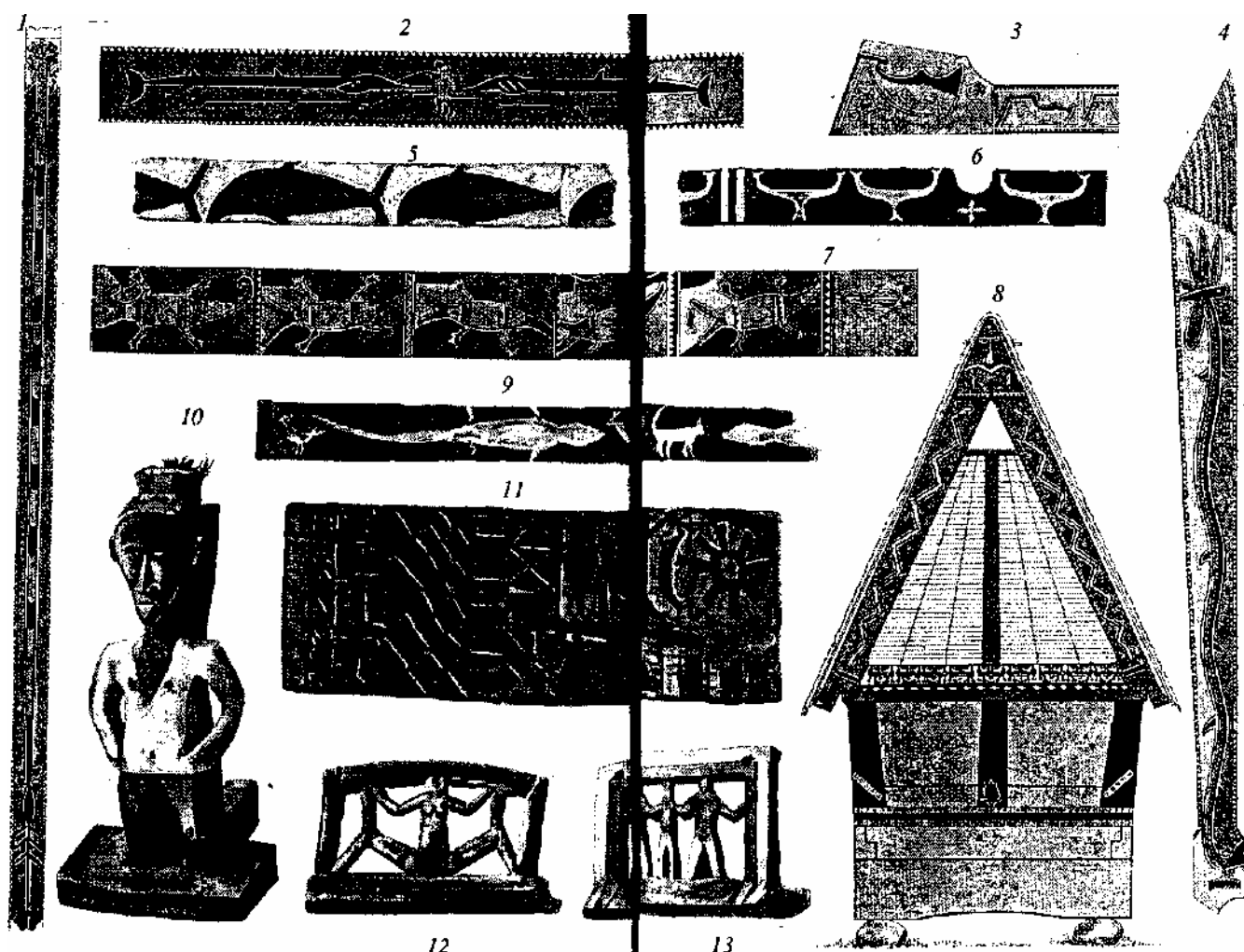
Среди групп полинезийского островного мира острова Гервей, Тубуаи, Товарищества, Паумоту и Маркизовы выделяются в особую отдельно стоящую группу. Эта чисто внешняя связь хотя и не имеет геологической подкладки,

но оправдывает соединение этих архипелагов под одним общим определением Восточной Полинезии, хотя сношения между этими группами относятся главным образом к периоду, предшествовавшему их истории, или же к ее раннему периоду.

Таити. Главная часть истории Восточной Полинезии, как собственной, так и колониальной, падает на двойной остров Таити (Отаити); он представляет единственный очаг самобытного развития и является в то же время естественным исходным пунктом и центром восточно-полинезийского колониального французского государства. Когда Самуил Уоллис окончательно открыл 19 июня 1767 года остров, он застал на нем три государства, которые яростно боролись за свое главенство. 1 января 1775 года испанцы завладели островом, но после смерти капитана своего фрегата, Д оминго дс Бонечса (26 января) оставили его снова. В 1789 году на Таити высадились мятежники с Баунти; некоторые из них предпочли остаться на острове, стали на сторону властителя Оту, или Помаре, как он любил себя называть, и дали ему этим возможность распространить свое господство также и на другие острова архипелага. 7 марта 1797 года здесь высадились первые английские миссионеры, которым пришлось вскоре играть большую роль также и в политической жизни Таити. В 1802 году Помаре похитил священное изображение Оро (Ороххо) из Мараэ (Мораи-) в Атахуру, из-за обладания которым происходила жестокая борьба. Но в конце концов ему пришлось возвратить идола; сам он внезапно умер 3 сентября 1803 года, а сын его Помаре II, родившийся в 1780 году, должен был бежать. Он поселился на Мурее (Эймее), главном местопребывании христианской миссии. С некоторым числом христиан он переправился в июле 1807 года на Таити, напал на своих врагов и учинил над ними такую отвратительную кровавую расправу, что весь остров поднялся против него и миссионеров и выгнал их обратно на Гуагине и Мурса. Но о битве при Нарии (12 ноября 1815 г.) Помаре II, перешедший 12 июля 1812 года в христианство, окончательно разбил своих врагов; этим было положено начало христианству и на остальных

160

161

Резьба по дереву микропезийцев

Подписи к рисункам на с. 162—163 Резьба по дереву микропезийцев:

1 — балка дома, с о-ва Пелау; на ней изображена арековая пальма, по которой человек хотел взобраться на небо, но свалился (по Кубари); 2 — балка дома, с о-ва Пелау; изображен человек между двумя рыбами (*Belone*; название вида не установлено) (по Кубари); 3 — часть балки дома, с о-ва Пелау; изображает, по мнению Кубари, мифическую птицу Адалърок; с монетами, вырытыми им в Кеклау; 4 — боковая балка с фронтона, о-ва Пелау; изображен петух с непомерно длинной шеей (по Кубари). Ср. с рис. 8; 5 — часть балки дома с о-ва Яп; изображены кашалоты (*Physeter macrocephalus*). (С оригинала Берлинского музея народоведения); 6 и 9 — части орнаментированной балки дома с о-ва Яп. (С оригинала Берлинского музея народоведения); 7 — балка дома с о-ва Пелау; изображен крокодил, которого перехитрила обезьяна (по Кубари); 8 — фронтон дома, называемого «аулона», на о-вах Целау, служащего для изолирования рожениц и для других подобных целей; на обеих балках фронтона по одному человеку с удлинненной верхней частью туловища (по Кубари); 10 — резьба с фронтона дома на о-ве Яп; (С оригинала Берлинского музея народоведения); 11 — резная внутренняя сторона планки дома на о-ве Яп; изображены солнце (?), рыбы, собаки и т. д. Рисунок надо смотреть в вертикальном положении (с оригинала Берлинского музея народоведения); 12—13 — резьба с фронтона домов на о-ве Яп; на рис. 12 — женщина, на рис. 13 — три танцующих человека (с оригинала Берлинского музея народоведения)

острова архипелага. Помарс сломил власть аристократии и издал для островов в конце 1838 г. новый, писанный закон. Он умер 30 ноября 1821 года.

11 января 1837 года смерть постигла и несовершеннолетнего сына Помаре II. На престол выступила под именем Помаре IV (или Помаре Вахине I) его шестнадцатилетняя сестра Аимата, тогда как тетка ее Ариипая, согласно обычаю, назначена была «регентшей».

Правление Аиматы было преисполнено несчастий, посыпавшихся вскоре на Таити и закончившихся потерей самостоятельности. Начало этому было положено предпринятой в ноябре 1836 году с о. Гамбир попыткой католической церкви стать твердой ногой на остров. На основании изданного британскими правозвестниками веры закона французским миссионерам было запрещено высаживаться на остров; эти последние обратились за поддержкой к Франции. 27 августа 1838 года капитан Абель Дюпетит Дзоарс появился со своим фрегатом «Венера» у Пспитс, требуя удовлетворения, состоявшего в том, что королева

должна была написать бумагу, в которой приносила свое извинение, и уплатить 2000 испанских пиастров; королева вынуждена была согласиться. В апреле 1839 года капитан К. П. Лаплес потребовал полного уравнивания прав католической церкви с протестантской и места для построения церкви. А в сентябре 1842 года возвратившийся Дюпетит Дзоарс предъявил правлению снова свои чрезмерные «желания»; когда же их не смогли удовлетворить, он, несмотря на протест королевы и английских миссионеров, объявил страну под французским протекторатом. В 1843 году, когда народное собрание таитян, полагаясь на поддержку английского капитана Николаса, объявило себя на стороне Англии и Помаре IV, Дюпетит Дзоарс 6 ноября свергнул королеву с престола; английского же консула Притчарда, в дом которого королева бежала, он заключил в тюрьму. Буря негодования (Пиль), которую все это вызвало в Англии, вынудила Францию в 1844 году вернуть престол королеве Помаре IV; однако протекторат над островом был ею удержан за собой. Но только после трехлетней войны,

165

которая велась с обеих сторон с большим ожесточением, таитяне 6 февраля 1847 года окончательно подчинились, и королева возвратилась из Эймео на Пепите.

17 сентября 1877 года, после сорокалетнего царствования, Помаре IV умерла. Ее сын Помаре V уступил 19 июня 1880 года Франции за пожизненную пенсию в 25000 франков все свое призрачное величие и умер в 1891 году.

Для сохранения народности туземцев политическое их развитие ни в коем отношении не было благоприятно. Во времена Кука число их определялось в 12000 человек, и если оно даже слишком преувеличено, то во всяком случае оно указывает на необыкновенную густоту населения; еще в 1892 году оно насчитывало свыше 10 000 человек. Занесенные с материков болезни, разврат и пьянство заставили таитян на себе почувствовать горькие «блага» цивилизации.

Остальные архипелаги. Не лишена человеческого, политического и религиозного интереса также история и других группирующихся вокруг Таити архипелагов — островов Товарищества, Паумоту (Туамоту), Маркизовых и Ту-баи (Австралийские). Картина, развертывавшаяся перед исследователями, была повсюду одна и та же: борьба и распри господствовали, ограничиваясь большей частью отдельными островами или группами. Воинственные жители одного из островов Паумоту, Анаа, еще в начале XIX века предпринимали даже смелые набеги на другие острова, опустошали их и увозили туземцев как своих пленников, пока Таити не положило этому конец.

Начало сношениям между туземцами и европейцами положили здесь повсюду миссионеры. Если бы дело ограничилось только введением одного вероисповедания! Но за протестантскими миссионерами на всех группах появились вскоре католические под защитой Франции и как неизбежное последствие этого — стремление с протестантской стороны отразить это вторжение, с католическо-французской — стать твердой ногой не только в религиозном, но и в политическом отношении. Страдающей стороной как всегда явил-

166

ся при этом туземец; что из заразных болезней не успел занести торговый люд, то дополнялось экипажем военных судов. Теперь над всем этим громадным скопищем островов развевается французский трехцветный флаг. Точно так же и римской пропаганде удалось, хотя далеко не в той мере, в какой ей это было желательно, сломить единовластие протестантизма. Сама же европейская цивилизация в конце концов привела к вымиранию туземцев, и на место, хотя и богатой неприглядными сторонами, но все же свежей и самобытной народности создала карикатуру.

Рапануи (о. Пасхи). Те Пито тс Генуа, как называют самый отдаленный остров обширного островного мира туземцы, или Рапануи, как называют его остальные полинезийцы, является со своими 118 км одним из самых малых из высоких островов Тихого океана. Тем не менее он привлекает к себе взоры благодаря одному из самых важных вопросов народоведения и, следовательно, истории человечества. Если вообще существует связь между полинезийцами и американцами, то в Рапануи нужно видеть самое восточное ее звено. Между тем в этнографии острова Пасхи, достаточно известного европейцам, мы не видим никаких указаний в пользу такой связи. Таитянин Салмон, свидетель немецкой экспедиции «Гиена» в 1882 году, под начальством капитан-лейтенанта Гсйзелера, и американской экспедиции «Могикан» в 1886 году передает один рассказ туземцев Рапануи, где говорится, что они, принесенные пассатом, явились с одного из Галапагосских островов и высадились близ Ана-кена на севере острова; он, однако, не скрывает, что это предание противоречит мнению других туземцев, считающих, что они переселились с запада. Характер построек Рапануи также будто бы напоминал средне- и южноамериканские постройки; однако простые хижины островитян Паехи едва ли можно сравнить с грандиозными американскими постройками. Сооружение же знаменитой статуи из лавы («Ханга») почти в 5 метров высоты относится к сравнительно недавним временам, когда ни

167

о какой связи с Америкой не могло быть и речи; кроме того, работы таких же размеров, если и не совсем того же характера, не составляют и у других океанийцев чего-нибудь необыкновенного, по крайней мере, по отношению к прежним временам.

Тем богаче современные сношения между Рапануи и Америкой. Соприкосновение с белыми приносило, положим, до сих пор островитянам только несчастье и гибель. «Культурная миссия» начинается с появлением голландца Якова Роггевина 6 апреля 1722 года, начавшего стрелять в туземцев без всякой

видимой причины. Он застал в то время остров в цветущем состоянии и богато населенным — качества, которые теперь давно уже обратились в нечто совершенно противоположное; может быть, туземцы были, первоначально слишком дружелюбны и услужливы по отношению к белым. В 1805 году на Рапануи прибыло судно «Нанси» из Нью-Лондона, занимавшееся ловлей тюленей на Мас-а-фуера (к юго-востоку от Жуан-Фернандеса), и похитило после жестокой стычки с туземцами двенадцать мужчин и десять женщин. Когда через три дня в открытом море с пленников сняли оковы, мужчины тотчас же бросились за борт, чтобы вплавь достигнуть родины; женщины же были привезены на Мас-а-фуера. И впоследствии «Нанси», как говорят, неоднократно совершало свои разбойничьи набеги. Еще позже американское судно «Пиндос» похитило столько девушек, сколько на нем было мужчин, а на следующее утро для одного только препровождения времени стреляло в собравшихся на берегу туземцев. Но период настоящих страданий для островитян начался с 1863 года. К этому времени перуанские торговцы устроили на Рапануи свой склад, чтобы набрать с окружающих архипелагов рабочих для разработки перуанского гуано; при этом они захватили и большую часть населения Рапануи. Большинство его было, по настоянию французского правительства, снова возвращено; но, к несчастью, вместе с возвращением была занесена оспа, которая произвела большие опустошения. В 1866 году начали свою деятельность католические миссионеры, но уже по прошествии нескольких лет

168

они оставили остров в сопровождении нескольких обращенных и отправились на Мангареву. Последнее опустошение среди населения произведено было одной таитянской фирмой увозом 400 островитян с о. Пасхи на Таити и Эймсо, где их заставили работать на плантациях. Такому многократному и обильному кровопусканию население не могло противостоять. Насчитывавшее, по определению Кука, 700 человек, по определению более поздних путешественников — 1500, и достигавшее в 1860 году даже цифры 3000, оно сократилось в настоящее время до 150 человек; пол-нос их исчезновение в массе наводнивших остров таитян, чилийцев и т. д. является только вопросом времени. С 1888 года Рапануи служит для Чили исправительной колонией для преступников.

Питкерн». История одиноко лежащего далеко на юго-восток Паумоту Питкерн в пределах времени, доступного нашему обозрению, выходит за рамки истории туземцев: носителями ее являются европейские переселенцы. Пит-кэрн один из тех немногих островов, которые были найдены открывшими их впервые путешественниками совершенно безлюдными, хотя многочисленные памятники в виде каменных изображений, развалин мараэ, каменных топоров и могил с костями свидетельствуют о том, что остров был некогда заселен.

Новейшая история острова начинается мятежом экипажа «Баунти» против капитана Блига в 1789 году. В то время как этот последний со своими 18 спутниками в небольшой лодке направлялся к Батавии, 24 мятежника отправились сначала на Таити; здесь часть из них осталась, восемь же человек под предводительством младшего рулевого Христиана в сопровождении 6 таитян и 12 таитянок женщин в январе 1790 года отправились дальше к незаселенному острову Питкэрну. Чтобы воспрепятствовать своим спутникам бросить остров, Христиан сжег «Баунти», который со своими высокими мачтами мог бы выдать местопребывание беглецов. Началом истории этой маленькой общины было недовольство и рас-

169

при; мужчины погибли в борьбе, и в 1801 году единственным мужчиной на острове наряду с несколькими женщинами и двадцатью детьми был Джон-Адаме (прежде Алекс. Смес; умер в марте 1829 г.). Все пережитое открыло глаза Адамсу на те опасности, которые угрожали его маленькому государству, и он решил пойти другим путем. Благодаря его заботе о воспитании подрастающего поколения образовалось племя, которое, говоря языком Мейнике, соединив в себе наряду с преимуществами полинезийцев и многое хорошее от европейцев, своей приветливостью и чистотой нравов сумело снискать себе в высокой степени любовь Англии; тем более что эти колонисты считают себя англичанами и говорят на английском языке так же хорошо, как и на таитянском. Англия отплачивала этому народу заботой о его благополучии. Когда из-за недостатка воды на острове размножившиеся островитяне стали терпеть нужду, она перевела в 1831 году население, состоявшее к тому времени из 87 человек, на Таити; но большинство через некоторое время возвратилось на Питкерн. В 1856 году, когда вследствие ураганов население, снова быстро разросшееся, с трудом находило пропитание, 187 человек из 194 поселенцев было перевезено на безлюдный в то время остров Норфолк. Большинство пустило там корни и отлично преуспевало: в 1871 году число населения возросло до 340 человек; в 1891 году оно насчитывало 738 человек, а по последним сведениям оно достигало уже 900. Некоторые из переселенцев, впрочем, и на этот раз не могли ужиться на чужбине — они возвратились в Питкерн, где число их в 1879 году снова возросло до 79 человек*. Вопреки тревожным известиям, проникнувшим в 1896 году в немецкую прессу о том, что Питкерн не может больше прокармливать свое население, жители его и поныне благоденствуют.

* 1790: 27; 1800: 30; 1825: 66; 1831: 87; 1837: 92; 1841: 114; 1856: 194; 1897: 79.

170

Гавайи

Языческий период. История Гавайских островов начинается для нас открытием их Джеймсом Куком; все, что совершалось на них раньше, носит характер преданий. Она насчитывает 67 предков Камеамеа I, т. е. относит начало заселения Гавайских островов ко времени, которое соответствовало бы приблизительно IV

веку Р. Х. Действительно, человеческие кости найдены были среди древних слоев кораллов и лавы; само собой, что при подобных определениях времени приходится считаться с большими ошибками. Гораздо важнее вопрос о происхождении гавайцев, который, в виде исключения, поддается на этот раз решению. Значительная часть преданий указывает на Савайи, самоанский остров, как на главную область эмиграции, чем не исключается возможность переселения также из других островных групп Полинезии. Одинаковые географические названия на Гавайи и Самоа говорят в пользу последней.

Судя по частному упоминанию Таити и Маркизовых островов, главный путь гавайцев должен был лежать через эти острова.

А. Форнандер приходит к заключению, что 20 поколений спустя после первого переселения, следовательно, около XI века, к гавайским островам прихлынула новая народная волна, названная общим движением народов островных государств Южного моря, которое, со своей стороны, сводится к изгнанию полинезийских пришельцев с островов Фиджи. К этому времени относятся, по преданию, путешествия знаменитых вождей и жрецов к отдаленным островам, выполнение которых было возможно благодаря большому духу предприимчивости прежних поколений и более высокому развитию искусства мореплавания. Этот первый и единственный морской поход вновь уступает место периоду замкнутости, продолжающемуся по меньшей мере вплоть до XVI столетия, но, по всей вероятности, даже до появления Джеймса Кука. За этот долгий период выработалась гавайская народность со всеми ее особенностями; тогда же образовались и все многочисленные государства

171

и поселения, постоянно, враждовавшие между собой. Особенного разгара достигла борьба в XI Увеке, когда король Ка-лаунуйоуга вздумал в первый раз соединить под своим скипетром все острова. Первые соприкосновения с европейцами относятся, по Джеймсу И. Ярвесу и Реми, к XVI столетию: в 1527 году один из трех кораблей дона Альвардо де Саа-ведра потерпел крушение у скалистых берегов Южной Кони, а в 1555 году испанский мореплаватель Жуан Га-этано открыл Гавайские острова. Ни на внешнюю, ни на внутреннюю историю архипелага оба эти обстоятельства, если они в действительности имели место, никакого влияния не оказали.

Джеймс Кук при своей высадке (1778 г.) застал три государства: Гавайи и Мауи, имевшие оба одного властителя (Тарайопу, Терриобу), т. к. властитель Гавайев женился на овдовевшей королеве Мауи, и третье государство Оагу, к которому принадлежали Кауаи и Ниигау. Не только Оагу и Гавайи враждовали между собой, но все эти государства страдали также от внутренних распрей. Внести порядок в эту неурядицу было суждено лишь Камеамеа I (Тамеа-меа; 1789—1819), человеку не только богатому внешними успехами более, чем кто-либо другой из полинезийских властителей, но и по духовным своим качествам далеко выдающемуся над уровнем своей расы. Уже совсем молодым человеком он выказал военные дарования, и пророческие певцы его народа уже тогда воспевали его как будущего властителя, который соединит всех под своим владычеством. Несколько лет спустя после насильственной смерти Кука (14 февраля 1779 г.) он начал приводить в исполнение свои смелые замыслы, сначала на Гавайях, после покорения этого острова также на Мауи (1781 г.) и других островах. Отчасти благодаря своей личной храбрости, отчасти благодаря войску, обученному приглашенными для этой цели европейцами (в 1804 г. к войску присоединился даже флот из 21 судна), Камеамеа I достиг своей цели еще до 1795 года: по взятии укрепления «Пали» на Оагу, куда Камеамеа, как говорят, переправился с 16000 человек, он заставил объявить себя единым властителем Гавайских

172

островов. Два самые северо-западные острова, Кауаи и Ниигау, подчинились после этого добровольно. Подобно зулусскому властителю Чака и предводителю ваньямвези Мирамбо, и Камеамеа сравнивали с великими властителями культурной области Средиземного моря: Терн-буль ставит его наряду с Филиппом Македонским, а Ярвес называет его Наполеоном Южного моря; другие же сравнивали его с Петром Великим. Это была, по-видимому, мощная личность. Такой человек, как Адальберт Шамиссо, гордился, что, кроме генерала маркиза Лафайета и сэра Иосифа Банкса, ему довелось пожать руку также великому гавайцу. Камеамеа I был великим, как говорит Теодор Вайтц, не только силой своего ума, но еще более силой и чистотой своей воли. Если присоединить к этому еще его внушающую уважение наружность, то безграничное влияние, которым пользовался Камеамеа, станет совершенно понятным.

Правление Камеамеа после объединения государства протекало мирно. Для гавайцев оно явилось временем переворотов во всех областях государственной жизни; наименее других — в социальной. В отношении отдельных классов населения друг к другу и к государю Камеамеа ни¹ чего не изменил: низший класс по-прежнему оставался в строгой зависимости и подчиненности, а ничтожное уже до него могущество аристократии он подавил еще более. Новым явился внешний блеск, достигнутый политическим объединением, благодаря которому Гавайи достигли могущества, совершенно необычайного в Тихом океане. Это обстоятельство привлекло уже в довольно ранний для Океании период внимание европейских держав и Северной Америки к ее северу, что доказывают многочисленные британские, русские, американские и французские экспедиции.

Большое значение для будущего гавайского народа имели изменения в области культурной и экономической.

Хотя «европеизация» внешне коснулась только высших слоев народа, тогда как большая масса продолжала

пребывать в прежней полинезийской полукультуре, тем не менее она с течением времени не могла не оказать общего

173

влияния и на всю массу населения. Что она выразится в полном разложении прежней народности, Камеамеа не подозревал и не желал этого. Этому разложению способствовало преимущественно привлечение европейской культуры, которая проникла во все главнейшие явления государственной жизни и вызвала торговыми предприятиями по ту сторону океана и таможенной политикой временный экономический расцвет, но которая в то же время, придя в близкое соприкосновение с туземцами, не могла не пошатнуть основ народности — религию.

Христианский период до конца царствования Камеаме-

ев. До тех пор пока Камеамеа держал в своей твердой руке бразды правления, религия оставалась неприкосновенной. Сам Камеамеа был всю свою жизнь решительным сторонником язычества; только строгая приверженность к учению предков могла в те времена общего брожения поддержать уважение народа к личности и власти уподоблявшегося богу короля.

С его смертью, последовавшей 8 мая 1819 года, дело изменилось. Его сын Лиолио (Рио-Рио), вступивший на престол под именем Камеамеа II, тотчас же сделался игрушкой в руках своих придворных, особенно же своей со-правительницы Каауману (Каумонна), любимой жены умершего короля, и бывшего долгие годы его советником Калеймоку (Каремаку) — Питта Южного моря. По их совету король отменил древнее священное табу, заставив женщин принять участие в большом публичном пиршестве и есть запрещенное им свиное мясо. Большая часть народа радостно приветствовала этот шаг. Верное язычеству меньшинство, во главе которого стал Кекуаокалани, двоюродный брат короля, было побеждено в кровавой битве при Куамоо; рядом с Кекуаокалани пала его мужественная жена Манона.

После этого события с новым рвением принялись за уже ранее начатое разрушение древних храмов и изображений, но язычество продолжало иметь еще тайных почитателей. Гораздо хуже было то, что реформы были проведены толь-

174

ко наполовину: у гавайцев было отнято язычество, но взамен не было дано ничего существенного.

Посещение европейских и американских флотилий навело короля на мысль искать союза с Англией, тем более что и Россия и Соединенные Штаты Америки сделали попытку утвердиться на архипелаге; еще Камеамеа I, думая союзом с великой державой усилить свое значение в государстве, уступил его в 1794 году Англии, у которой не встретил тогда, однако, большого сочувствия. В 1823 году Лиолио и его супруга Камамоло отправились в Лондон, чтобы предупредить поползновения других держав. Оба они умерли в 1824 году в Англии, но были погребены на родине.

Преемнику Лиолио, его брату Кеауксауоли (Кауикеу-ли, Киукиули) было девять лет, когда его возвели на трон под именем Камеамеа III. До его совершеннолетия регенство было в руках Каауману и старого испытанного Калеймоку. Обоим им предстояло в ближайшие годы немало работы. Хотя с 1820 года в стране большим успехом пользовались протестантские миссионеры, но все, чего они успевали добиться, парализовалось нараставшим с каждым годом слоем нравственно и физически испорченных белых переселенцев. Пьянство и проституция настолько развились, что только путем законодательства можно было надеяться улучшить положение вещей. В конце 1820-х годов и на Гавайях началось соперничество христианских миссионеров. Протестантские миссионеры находились под покровительством американцев; католические же стали твердой ногой только после многократных угроз со стороны французских военных судов под начальством Дюпетита Дзоарса. В 1837 году французы заставили Гавайи объявить общую свободу вероисповедания, чем был положен конец часто жестокому преследованию католических христиан. Осмотрительный Калеймоку умер уже в 1827 году; в 1832 году за ним последовала деятельная регентша Каауману. Год спустя, в 1833 году, Камеамеа III объявил себя совершеннолетним, избрав одновременно с этим другую женщину, Кинау, своей соправительницей, а сына ее, Александра, наследником престола. В 1834 году появились пер-

175

вые газеты на гавайском языке; всевозможные церкви и школы учреждались в большом числе.

Одновременно с этим англичане развели первые сахарные плантации и ввели шелководство; позже сюда присоединилось еще как новая отрасль промышленности возделывание хлопчатника. В октябре 1840 года Гавайи получили свою первую конституцию. Она была выработана американцем Ричардсом и представляла, по выражению Карла Эмиля Юнга, странную смесь древнего феодализма и англо-американских форм. Министерство почти целиком состояло из чужестранцев. Ричардс был назначен министром народного просвещения; Вили, шотландский врач, — министром иностранных дел. Финансами с 1842 года управлял Dr. med. Юдд (Judd); при нем государственные доходы с 41 000 долларов в 1842 года повысились до 184 000 долларов в 1852 году.

Несмотря на свободу вероисповеданий, распри между протестантским и католическим духовенством и после 1837 года не прекращались. Французский консул часто пользовался этим обстоятельством, чтобы оказывать на гавайское правительство давление в пользу католической миссии. В то же время и поступки английского консула указывали, по-видимому, на желание Великобритании присоединить острова. Это

заставило правительство потребовать гарантии независимости королевства от Соединенных Штатов Америки (в декабре 1842 г.), Франции (в начале 1843 г.) и Англии (26 июля 1843 г.); самовольное присоединение королевства лордом Раулетом, командиром фрегата «Егрус», 25 февраля 1843 года, не было признано в Лондоне.

Конституция 1840 года подверглась изменению в 1852, 1864 и 6 июля 1887 года, каждый пересмотр приближал ее к принятым в Европе конституционным формам, особенно после того как в 1864 году было отменено уложение, введенное Кинау, второй регентшей. Наряду с властителем был учрежден тайный совет, состоявший из министров и известного числа назначенных королем членов. Кабинет состоял сначала из пяти, впоследствии из четырех членов, парламент — из верхней палаты и палаты де-

176

путатов. Все важные должности замещались по-прежнему чужестранцами.

Камеамеа III умер в декабре 1854 года. Его 20-летний преемник Александр Лиолио (Камеамеа IV, женатый на королеве Эмме) поспешил стать в лучшие отношения к Франции, которая, несмотря на гарантированную независимость королевства, продолжала теснить и не раз глубоко унижала его. В 1858 году между обоими государствами был заключен окончательный мир. После смерти Камеамеа IV в 1863 году ему наследовал его старший брат, напоминавший немного Камеамеа I. Первым делом Камеамеа V было изменение конституции в 1864 году. В следующем году для борьбы с постоянным уменьшением народонаселения было учреждено переселенческое бюро; сначала в страну было привлечено 500 китайцев; за ними в 1868 году последовали первые японцы. Наконец были также приняты меры для борьбы с проказой, занесенной в 1853 году из Китая и принявшей устрашающие размеры. В 1872 году умер внезапно Камеамеа V, последний в роду.

Последний период государственной самостоятельности Гавайев. В течение нескольких месяцев жезл правления был в руках Луналило, родственника Камеамессв. После его смерти, последовавшей уже 3 февраля 1874 года, королем был избран родившийся в Гонолулу 16 ноября 1836 года полковник Давид Калакауа — дальновидный правитель, несмотря на свой веселый нрав. Уже в 1875 году он заключил с Соединенными Штатами Америки торговый договор, которым его государству предоставлялись самые обширные льготы и который значительно поднял благосостояние архипелага. Производство сахара и риса, двух главных предметов вывоза, значительно увеличилось, как и вообще весь ввоз и вывоз. Этот экономический подъем коснулся, однако, только одних белых. Недостаток в рабочих руках принуждал снова прибегать к доставке чужих элементов; в 1877 году в стране появились первые португальцы, прибывшие с Азорских островов (в 1884 г. их было уже около 10 000); наряду с ними страну все больше заполняли ки-

177

тайцы и японцы (в 1890 г. насчитывали первых — 15 301, вторых — 17 360). Численное отношение этих монголов к местному населению значительно ухудшилось к началу XX столетия. Завоевание Тихого океана желтой расой нашло в Гавайях свою лучшую точку опоры.

Параллельно с этнографической монголизацией Гавайи в царствование Калакауа (1874—1891 гг.) идет экономическая и политическая американизация. Еще зимой 1873—1874 года Луналило предложил американцам в оплату за торговые льготы гавань Тирль близ Гонолулу. Когда в 1875 году договор нужно было возобновить, Соединенные Штаты Америки потребовали, чтобы это место было навсегда оставлено за ними; кроме того, Гавайи должны были обязаться без их разрешения не заключать договоров ни с какой другой державой; для себя они же они выговаривали право высаживать в любое время на Гавайи свои войска. Благодаря влиянию английских поселенцев Калакауа не дал своего согласия на эти унижительные условия. Но в экономическом отношении отклонение американских предложений было равносильно началу финансового кризиса, явившегося, по мнению Адольфа Маркузе, причиной гибели гавайского королевского дома.

Калакауа умер 20 января 1891 года в Сан-Франциско. Его семнадцатилетнее правление было с внешней стороны богато «культурными успехами». Он располагал небольшим постоянным войском; Гавайи получили железные дороги и правильное пароходство; появились дворцы и маяки, а в Гонолулу было введено электрическое освещение. Были устроены водопроводы, проведены телеграфы, а системой искусственного орошения целые пространства прежде бесплодной земли были сделаны пригодными для земледелия. Правда, эра европейской культуры началась громадными долгами, обязанными отчасти легкомыслию и расточительности женатого с 1863 года на Капиолани, но бездетного короля, которого народ очень любил.

Ему наследовала 52-летняя его сестра Лидия Камакаеа Лилиуокалани, объявленная 29 января 1891 года королевой. Ее кратковременное правление закончилось падением

178

гавайского королевства и присоединением его к Соединенным Штатам. При господстве новых американских тарифных законов, предоставлявших своему сахарному производству значительные льготы по вывозу, Гавайи не могли уже больше конкурировать на всемирном рынке; вывоз страшно быстро упал, а вместе с ним и общее благосостояние. Для той части населения, которая состояла из иностранцев и в экономическом отношении зависела главным образом от Америки, это было основательным поводом не скрывать своего желания примкнуть к Соединенным Штатам; дело дошло до несогласия в самих правительственных кругах, до поспешного изменения конституции, которым думали ослабить влияние

чужестранцев, и даже до угрозы государственным переворотом самой королевой. Результатом этого было низвержение королевы и объявление Гавайев республикой 17 января 1893 года.

Стремление одержавших победу гонолулских американистов примкнуть к Соединенным Штатам вначале не имело успеха. Президент Бенжамен Гаррисон незадолго до конца своей служебной деятельности (4 марта 1893 г.) в своем послании к сенату высказался в пользу присоединения: но его преемник, Гровер Кливленд, относился к этому вопросу отрицательно. 4 июля 1894 года государство было объявлено Гавайской республикой с конституцией, признававшей законодательное собрание, сенат и парламент. Республика эта едва успела осуществиться, когда по вступлению в должность МакКинлея весной 1897 года присоединение страны к Соединенным Штатам совершилось без всяких затруднений. Правовое положение архипелага было представительством, состоящим из сената (15 членов) и парламента (30 членов). Первый выбор депутата в конгресс состоялся 6 ноября 1900 года. Губернатор, секретарь и трое судей высшей судебной инстанции назначаются президентом Соединенных Штатов, остальные чиновники — губернатором.

Водружение американского флага на севере Тихого океана является первым шагом на пути американского импе-

179

риализма с 1898 года, но, несомненно, одним из самых важных. Тутуила в Самоанской группе и Гуам в Марианской являются как бы щупальцами, протягивающимися далеко на юго-запад по направлению к Меланезии и Австралии; обширные Филиппины стоят на пути главного направления народов и торговли из Европы к восточному краю Азии. К Гавайям приходится применить более широкий масштаб.

То, что делает Гавайи, не говоря уже об их производительности, необходимыми для Соединенных Штатов с того момента, когда они с прорывтием среднеамериканского перешейка сделаются поистине тихоокеанской державой, это положение архипелага, господствующее над всей северной половиной Тихого океана и обуславливающее значение его как единственной промежуточной станции на далеком пути от среднеамериканского канала и Сан-Франциско к Восточной и Южной Азии. Присоединение Гавайев к Америке было тяжелым ударом особенно для Японии, потерпевшей однажды полную неудачу с подобной же попыткой; но оно не на руку также и Англии, Германии, России и Франции.

От туземной расы имеются только ее остатки, от гавайской народности — лишь следы. Движение народонаселения шло со времени открытия архипелага непрерывно вниз. Для 1778 года указывают — и, наверное, еще слишком высоко — 300 000 — 400 000 человек; первая настоящая перепись населения в 1832 году показала 130313 туземцев. Четыре года спустя их оставалось только 108 579; в 1850 — лишь 82203; 1860: 71019; 1872: 49044; 1884: 40 014; 1896: 31 019. В настоящее время чрезвычайно трудно установить число чистых туземцев из-за многочисленных помесей, число которых определялось в 1890 году в 6186 человек, в 1896-м — 8485: в течение шести лет — прирост в 33 %.

В тот же период число чистокровных гавайцев уменьшилось на 10 процентов. Они составляют едва пятую часть всего населения (1900: 154 000) и, таким образом, уступают по численности китайцам и японцам в отдельности и скоро сравняются с португальцами. В этом ужасающе быстром

180

вымирании гавайцев нельзя винить одних европейцев. Наряду с привнесенными ими болезнями главными причинами вымирания были скорее прежняя легкость нравов, пьянство, отдельные эпидемии, и на первом плане освященное обычаем детоубийство. На месте туземцев на Гавайях скоро будут одни только китайцы, японцы, европейцы и американцы.

Самоа

На исследование истории Самоа в последнее время обращено больше труда, чем, быть может, на все остальные островные группы Полинезии вместе взятые. Полученные результаты едва соответствуют этому. Длинный ряд гордых генераций с бесчисленным множеством имен говорит о деятельной жизни небольших государств на отдельных островах и на отдельных их частях; предания передают и о нескольких набегах со стороны Фиджи и Тонга. Но к какому периоду относятся эти отдельные события, мы не знаем решительно ничего. Из всех исследований Георга Тур-нсра, В. фон Бюлова, О. Штюбеля, Августина Кремера и других мы можем вынести только заключение, что общее положение вещей Самоа до их открытия европейцами едва ли отличалось от других архипелагов; только политическая организация Самоа и до некоторой степени социальные ступени были выражены несколько резче. Дошедшие до нас и не имеющие для человечества почти никакого значения распри и вражда между отдельными влиятельными семьями и классами населения раздуты, конечно, полинезийцами в события громадной важности.

Собственная история. Предания Самоа не очень старые: нам не следует принимать более чем полтысячелетия для существования населения этого архипелага как исторической нации; насколько заселение островов произошло раньше этого, не поддается никакому определению. Главным событием из прошлого самоанцев является порабощение их тонганцами и последовавшая за этим борьба самоанцев

181

за свою свободу (по Бюлову — около 1600 г., по Кремеру — около 1200 г. Р. Х.). Это главный героический период их истории: «Malie tau, malie toa» (отлично боролись храбрые воины), — воскликнул, как говорит предание, тонганский король, выражая свое удивление двум молодым вождям, когда, вынужденный отступить, он отчаливал от берега. Это восклицание стало прозвищем старшего брата обоих вождей, Савеа,

и удержалось, передаваясь в его семье по наследству, до настоящего времени.

Самоа — страна титулов. Над простым народом стоит аристократия, из среды которой высшее положение занимает вождь селения — алии и начальник округа — туи; главный же вождь (король) носит титул тупу. Немного только уступают ему по значению тулуфале, или ораторы, политический ранг которых всецело зависит от их личных способностей. Наряду с этими титулами существуют почетные прозвища, которые раздаются известными местностями или селениями в память известных личностей или событий; обладание такими почетными именами было необходимым условием для достижения руководящей политической роли. Самым известным из этих прозвищ является вышеупомянутое Малие тоа, правом раздачи которого владеет местечко Малие, лежащее в 12 км к западу от Апия; другое не менее известное прозвище Мата'афа, раздаваемое селением Фалеата. Притязание на титул короля стояло в зависимости от обладания заслуженными четырьмя прозвищами Туиатуа и Туиаана, Гатоаите и Тамасоалии, из которых два последних сводятся к именам двух дочерей вождя.

Незадолго до высадки здесь графа Жана-Франсуа Лапе-руза в 1787 году вождь из семейства Тупуа Галумалсмана после тяжелой междоусобной борьбы захватил в свои руки власть над всем архипелагом. Смерть его (около 1790 г.) вызвала жестокую борьбу между его братьями, имевшими право наследовать ему, из которых победителем вышел Нофоасаефа (предок Тамасесе). Он, однако, не сумел удержаться и удалился в свое родовое селение Асау на Савайи. Ему обязан новым расцветом канибализм, почти исчез-

182
нувший на Самоа. Трон перешел затем к родившемуся позже сыну Галумалемана И'амафана, которому еще до его рождения умирающий отец пророчески предсказал роль объединителя государства. Ему последовал (после 1800 г.) Мата'афа Филисоуну'у, вступивший тотчас же снова в тяжелую борьбу с Малиетоами. Победителем вышел Малис-тоа Ваиинупо, находившийся в союзе с властителем Манопо. Он разрушил страну Аана и захватил в свои руки власть в тот самый день августа 1830 года, когда первый миссионер Джон Вильямс (т. VII) ступил на землю Савайи. Мали-стоа принял впоследствии титул «тупу», который с тех пор утвердился на Самоа. Он перешел в христианство, принял имя Тавита (Давид) и умер 11 марта 1841 года.

Оба следующие за его смертью десятилетия наполнены для Самоа всеобщей борьбой. Из множества претендентов на престол взяли верх Малиетоа Лаупспа и дядя его Пе'а, или Талавоу, державшие сообща в течение нескольких лет иласть в своих руках. Под влиянием явившихся в страну чужестранцев самоанцы решили в 1868 году поставить во главе только одного властителя и перенести свои сословные собрания из Манопо в Мулинуу близ Апия. Макоко, гордый своей древней привилегией, объявил Пе'а королем и победил Малиетоа Лаупспа и его приверженцев. Только в 1873 году благодаря вмешательству введенных тем временем иностранных консулов было выработано соглашение, по которому правительственная власть была отдана в руки Та'имуа, состоявшему из семи членов и представлявшему как бы верхнюю палату, тогда как собрания начальников округов, Фай Пуле, оставленные в прежней силе, составили нижнюю палату. Но уже в 1875 году смуты начались снова, и на этот раз благодаря внешним причинам.

Вмешательства извне. В 1872 году предприимчивая Новая Зеландия стала хлопотать о присоединении Самоа к Великобритании и предложила снарядить для этого судно. Одновременно с этим Соединенные Штаты заставили уступить себе (17 февраля 1872 г.) гавань Панго-Панго на Тутуиле, самую лучшую на всем архипелаге; самовольно

183

объявленное одним морским капитаном присоединение всего о. Тутуила не было одобрено в Вашингтоне. В середине 1873 года на Самоа в качестве комиссара появился американский «полковник» Штейнбергер немецко-еврейского происхождения с целью изучения богатств архипелага. В короткий срок этот хитрый и честолюбивый человек достиг влиятельного положения и побудил туземцев искать протектората Соединенных Штатов. Просьбу об этом Штейнбергер вручил в Вашингтоне сам; 1 апреля 1875 года он вторично появился на Самоа, хотя только с подарками и рекомендательным письмом от президента Улисса С. Гранта.

Штейнбергер дал стране несложную конституцию, посадил на трон только для виду королем Малиетоа Лаупспа, тогда как себя он скромно назвал министром-президентом; он урегулировал престолонаследие, упорядочил судопроизводство и внес в государство мир и покой. Но в декабре 1875 года, благодаря проискам английского населения и миссионеров, ревность которых он возбудил, Штейнбергер после кровавой борьбы был схвачен английским военным судном и отвезен на Новую Зеландию; он умер в Нью-Йорке в конце девяностых годов.

Намерения Соединенных Штатов относительно Самоа проявлялись все с большей очевидностью; в 1877 году американский консул поднял на Самоа флаг Штатов, и только энергичный протест Германии и Англии помешал американцам окончательно утвердиться в стране. Еще в июне германское правительство заключило с самоанцами договор, которым они обязывались не предоставлять никакой другой иностранной державе преимуществ перед Германией на Самоа. 17 января 1878 года американцы со своей стороны заключили дружеский и торговый договор с Малиетоа Лаупспа; в то же время им окончательно передавалась гавань Панго-Панго. 24 января 1879 года и Германия получила гавань Салуафата на Уполу для стоянки своих судов, Англия также обеспечила себе договором от 28 августа 1879 года пользование всеми водами и правом выбора для себя угольной станции. 2 сентября того же года договором между Германией,

лиетоа округ Алия был объявлен нейтральной областью и подчинен муниципальному совету, избираемому по очереди тремя заинтересованными державами. 23 декабря наконец Малиетоа Талавау (Пе'а) собранием многочисленных вождей был провозглашен на немецком судне «Бисмарк» пожизненным королем, Лаупепа же назначен регентом.

С середины 1850-х годов гамбургская торговая фирма «Иоганн Цезарь Годаффрау и Сын» сделала Южное море главным центром своих предприятий, и пятнадцать лет спустя монополизировала торговлю с центральными и восточными островными группами; кроме того, она приобрела значительные пространства земли на Каролинской группе и на трех больших самоанских островах Савайи, Уполу и Тутуила. Неудачи на бирже поколебали в конце 1870-х годов фирму настолько, что князь Бисмарк в связи с англоавстралийскими поползновениями присвоить все незанятые острова Южного моря отступил от своей сдержанной колониальной политики и внес в начале 1880 года свое «самоанское предложение», имевшее целью вызвать вмешательство империи и гарантию для фирмы известной небольшой выгоды. Однако германский парламент отклонил это предложение 27 апреля 1880 года: «там, где высокие задачи могут решаться только при помощи государства, наша история указывает лишь на ряд упущенных случаев» (Оскар Пешель).

Самоа при союзных державах. 8 ноября 1880 года умер король Малиетоа Талавау. Племянник его Малиетоа Лаупепа оказался не в силах бороться с распрями, разгоревшимися вскоре снова между туземцами; в начале 1886 года одна из партий выбрала по указанию Эжена Брандейса вождя Тамасесе королем. Этот последний нашел поддержку со стороны Германии, т. к. Лаупепа в ноябре 1885 года тайно предложил верховную власть Англии. Непрерывный ущерб, наносившийся германским интересам, оскорбление и ограбление немецких подданных приверженцами Лаупепа привели к тому, что в августе 1877 года Лаупепа был взят плен немецкими моряками и отвезен сначала в Камерун, а затем на Маршаловы острова.

185

Но и благоденствие Тамасеса продолжалось не долго: уже 9 сентября 1888 года приверженцы Малиетоа Лаупепа] провозгласили королем знатного Матаафа и разбили Тама-я сеса. Когда его люди позволили себе выходки против нем-! цев, германский консул Кнаппе побудил два военных суд-1 на, стоявших в виду Апия, высадить на берег свои отряды; но благодаря измене они 18 декабря попали в засаду и были почти уничтожены. Лишь усиленные немецкие военные отряды рассеяли мятежников. Кроме того, ураган, свирепствовавший 16 марта 1889 года в бухте Апия, уничтожил обе немецкие канонерки «Эбер» и «Адлер», причем погибли 95 храбрых моряков. Американцы понесли такие же потери.

Конференция, созванная в Берлине летом 1889 года Германией, Англией и Соединенными Штатами, урегулировала дела Самоа. В заключительном протоколе от 14 июля архипелаг был объявлен независимым и нейтральным под общей охраной всех трех держав, Тамасесе и Матаафа лишились власти, и королем был снова объявлен Малиетоа Лаупепа, возвращенный поздней осенью на Самоа. Но вскоре партия Матаафа выбрала снова королем этого последнего; в 1893 году он был побежден на Манано и сослан тремя союзными державами на Маршаловы острова. Его место занял Тамасесе младший, и междоусобная война продолжалась. Вскоре умер Малиетоа Лаупепа (22 августа 1898 г.). Серьезных кандидатов на престол было два: изгнанный, но любимый народом Матаафа, и Тану Мафили, 16-летний сын Лаупепа, которому покровительствовала английская миссия, а следовательно, и английское и американское правительства. Младшего Тамасесе англичане держали только в запасе на случай замещения Тану.

В драме, которая разыгралась зимой 1898—1899 годов на далеком архипелаге Южного моря, дело было не столько в благоденствии нескольких самоанцев или в приобретении этих небольших островов, сколько в гораздо более важном столкновении интересов. О причинах поползновений англо-австралийских нечего, конечно, распространяться. Соединенные Штаты Америки, завладевшие незадолго пе-

186

ред этим Гавайскими и Филиппинскими островами, хотя и имели в них превосходные как стратегические, так и географические, в смысле сообщений, базы, но это имело значение для северной части океана, а не для его южных частей. Интересы Германии имели главным образом экономический подтекст: она значительно превосходила обе другие стороны как в промышленном, так и торговом отношении; кроме того, это было делом национальной чести — не допустить перейти ни в чьи руки детище, которое она однажды сама потеряла.

Самоанцы громадным большинством избрали Матаафа. Тем не менее американский верховный судья Чемберс объявил 21 декабря молодого Таку избранным с его согласия; о Матаафе же не могло быть и речи, так как он был исключен по берлинскому трактату, хотя внесенная в этом смысле князем Бисмарком статья не была принята в его окончательной редакции. Протест германского консула Розе и немецкого муниципального советника д-ра Раффля остался безрезультатным. Матаафа, однако, справился сам, вытеснив из Апия отряд Тану к морю и на корабли союзных держав. После многократных бомбардировок побережных поселений британскими и американскими военными отрядами во второй половине марта была созвана весной 1899 года по предложению Германии следственная комиссия, которая в июле перенесла права отмененного королевства временно на консулов трех держав. На основании лондонского договора от

14 ноября состоялось соглашение между Германией и Англией; в силу Вашингтонского протокола от 2 декабря к нему присоединились также и Соединенные Штаты. Великобритания отказалась от каких-либо видов на острова Самоа; с уничтожением самоанских актов Уполу и Савайи вместе с прилегающими небольшими островами перешли во владение Германии, тогда как Тутуила и остальные острова Самоа, лежащие к востоку от 171° западной долготы, выпали на долю Соединенных Штатов. Взамен этого Германия отказывалась от своих притязаний на острова Тонго и Сэведж (НіҮс) в пользу Англии и уступила Великобритании также два острова Соломонова архипелага-
187

га Шауэслы и Изабель. 13 февраля 1900 года немецкий рейхс-хатг подписал этот договор, и 1 марта вновь назначенный немецкий губернатор Сольф принял остров официально в германское владение. 14 августа снова вошло в силу разумно предоставленное островам самоуправление туземцев. Только королевское достоинство осталось отмененным; Матаафа вместо прежнего титула тупу носит теперь титул алии-сили (верховный вождь).

Тонга

В средней части океанического островного мира наряду с Фиджи и Самоа только архипелаг Тонга имеет за собой сколько-нибудь заметное историческое прошлое. Период, предшествовавший появлению Джеймса Кука, нам мало известен, за исключением его социальной стороны. Во главе государства, пользуясь неограниченной властью над личностью и достоянием своих подданных, стоял туи-тонга — властитель и божество в одно и то же время. Почти равный ему по значению и святости был туи ардео, по мнению Мейнике, потомок прежнего рода властителей, удержавший за собой особое положение: туитонга в различных случаях должен был оказывать туи ардео известные почести. Король и его семья составляли первый класс («гау») дворянства. Второй («эки» или «эги», носившие также титул туи — господин) состоял из высших сановников и начальников округов и хотя избирался королем, но достоинство это переходило по наследству. Первый из эки в доевропейском периоде был туи гатакавала, министр внутренних дел; во времена Маринера (1810 г.) он по своему положению стоял позади туи канакаболо, военного министра. Так как в XIX столетии туитонга был устранен от всякого участия в войнах, то военный министр легко достигал большего влияния, чем сам король: путешественники часто принимали туи канакаболо за туитонга. Значением пользовался еще ата — главнокомандующий на войне, и ла-вака — министр народного просвещения. Последний класс дворян (матабуле) давал советников и подчиненных экиков
188

и туитонга, начальников округов, народных учителей и представителей таких наиболее важных отраслей техники, как кораблестроение и оружейное ремесло. Эти три класса дворян держали в своих руках всю землю, а также и силу табу. Простой народ был лишен и того и другого. За ним оставалась только его личная свобода, а средства к пропитанию он добывал обработкой земли, принадлежавшей дворянам, ремеслами и рыболовством. При этом ремесла были привилегией высшего слоя этого класса, тогда как его низшему слою, туа, были предоставлены обработка земли и поварское искусство.

Уже Кук в 1773 и 1777 годах застал старинный род властителей фатафеи (фатафаи) в сильном упадке в сравнении с могуществом благородных тупо, захвативших в свои руки все важные государственные должности; по мнению Мейнике, туитонга могли выбирать себе жен, по-видимому, только из семьи тупо. К концу XVIII столетия могущество тупо почти вытесняется туитонга. Этому примеру следуют другие эки: сначала отпадают правители Гапаи и Ва-вау, затем и Тонгатабу. После долгих распрей победителем вышел Финау (Фино), Гапайский эки, хотя и ему не удалось уже больше собрать весь архипелаг под своим скипетром. В начале XIX столетия Финау перенес политический центр на Вавау. В 1830 году Тауфаагау, властитель Гапаи, и Тубо, эки с Тонгатабу, приняли христианство. Когда в 1883 году род Финау прекратился, Вавау перешло к Тауфаагау, которым таким образом соединил под своей властью то же государство, которым тридцать лет тому назад владел Финау I. В 1845 году умер также и Тубо, или Иосиа из Тонгатабу, как он назывался после своего крещения. Тайфаагау сделался королем и под именем Георга Тубо (Ту-боу) I соединил под своей властью весь архипелаг.

Это государство с самого начала носит печать европейского влияния. Велеская миссия очень скоро распространила свое влияние на его политическую и социальную стороны. В 1839 году Георг издал для Гапаи и Вавау постановление, предначертывавшее судебную палату из четырех членов, и писанный закон, устранивший древние обычаи, по ко-

189

торым каждый вождь мог судить по своему благоусмотрению. Наконец, законодательство 1862 года возвысило прежних крепостных до свободных арендаторов земель, с которых они не могли быть вытеснены, пока ими вносилась арендная плата. Налоги (6 долларов в год) распределялись равномерно на все мужское население, достигшее 16-летнего возраста.

С 1838 года и на Тонга католическая миссия стала теснить протестантскую. В декабре 1841 года угрозы одного военного корабля заставили властителя Тонгатабу добиваться английского протектората, который вскоре затем осуществился; тем не менее католические миссионеры по-прежнему имели доступ в страну. На религиозном поприще их успехи никогда не были значительны; на политическом же их влияние уже в 1847 года было столь велико, что восстание тамошних вождей против владычества Георга I, было подавлено лишь в 1852 году, после того как были взяты защищавшиеся французскими миссионерами крепости Гума и Без. Хотя вождям была снова возвращена власть, а миссионерам оставлены были жизнь и достояние, Франция почувствовала себя тем не менее оскорбленной и, добившись в 1858 году официального

допущения католического учения, вытеснила в нескольких случаях протестантских вождей, заменив их католическими.

Несмотря на такое положение вещей, король Георг нашел время и для великих походов. Уже издавна тонганцы благодаря своим значительным мореплавательным способностям предпринимали походы, доходя до Самоа и Нука-Гива и особенно беспокоя соседние архипелаги. Этим путем население Фиджи получило сильную полинезийскую окраску; несколько лет спустя после, второго путешествия Кука (в 1777 г.) один тонганский вождь сыграл большую роль в фиджийских смутах. В 1854 году король Георг появился с большим флотом под предлогом оказать Таком-бау поддержку в его затруднительном положении. Впоследствии этот поход дал тонганцам повод потребовать большого вознаграждения, что заставило Такомбау отдат-ься в конце концов в руки Англии.

190

Внутренне устройство своего островного государства Георг Тубоу I завершил конституцией 4 ноября 1875 года. В своих главных частях она обязана самому королю, в остальном — его многолетнему верному советнику миссионеру Шерлей Бейкеру. По своему содержанию эта конституция тесно примыкает к английским формам; в своей окончательной санкционированной камерами и напечатанной и 1877 году на английском языке форме она вводит законодательное собрание, созывающееся каждые два года. Половина его членов состоит из родового дворянства и назначается королем, другая избирается народом.

Исполнительная власть находится в руках министерства из четырех членов, образующего с губернатором четырех провинций п высшими должностными судебными лицами совет кабинета. Судопроизводство является самостоятельным учреждением и состоит из высшей судебной палаты, суда присяжных и полицейского суда. Народное собрание находится в руках миссионеров, основавших на всех островах школы, которые хорошо посещаются. Основаны коммерческое училище и семинария, названная в честь короля Тубоу Колледж. Большое значение с экономической точки зрения имеет для будущего тонганцев проведенное по настоянию Бейкера в конституции запрещение продажи земель чужестранцам («тонганцев не должно гнать в море»); даже отдача земли в аренду дозволялась только с разрешения правительства.

При том высоком интересе, какой возбуждали острова Южного моря в семидесятых годах XIX века в европейских державах, благоприятное положение архипелага Тонга не могло не обратить на себя внимания. Король Георг и его канцлер Бейкер не скрывали своего расположения к Германии: когда началась Франко-прусская война, они заверили короля Вильгельма в своем полнейшем нейтралитете. 1 ноября 1876 года это «расположение» привело к торговому и дружескому договору с Германской империей, причем гавань Тауланга на о. Вавау была уступлена ей в качестве угольной станции. Последовавшая одновременно с этим со стороны Георга Тубоу просьба о протекторате была тог-

191

да, само собой, отклонена. 29 ноября 1879 года Тонга заключила подобный же дружеский договор с Англией. По соглашению, состоявшемуся 6 апреля 1887 года между Германией и Англией, Тонга должна была оставаться нейтральной областью. 1 августа 1888 года был заключен дружеский договор также и с Соединенными Штатами.

Король Георг Тубоу I умер 18 февраля 1893 года в своей столице Нукуалофа на 95-м году своей жизни. Ему наследовал родившийся в 1874 года робкий его правнук Георг Тубоу II Тауфаагау. До вступления его на престол Германия в отношении торговли и влияния пользовалась в стране большим значением, чем Англия. После того как министр-президент Бейкер сделался жертвой английских происков и в 1893 году прекратились субсидируемые государством рейсы североамериканского Ллойда на Тонга и Самоа, преобладание оказалось на стороне англичан. Когда в марте 1899 года у берегов Тонгатабу появилось германское военное судно «Фальке», имея якобы поручение не оставлять гавани Тауланга до тех пор, пока тонганские должники не выплатят подлежащие к уплате 100 000 долларов (по Морицу Шанцу, поручение состояло в том, чтобы вынудить короля открыть тонганские судебные учреждения для долговых требований чужеземцев), в свою очередь, появилось 10 апреля английское военное судно австралийской станции и выплатило Георгу II 125 000 долларов при условии, чтобы король не уступал никакой чужой державе каких бы то ни было прав на страну: со своей стороны, и Англия снова гарантировала Тонга ее независимость. Для Германии эта островная группа имела с этих пор значение лишь как объект обмена; договором от 8 ноября 1899 года она за половину Самоанского архипелага отказалась от всяких дальнейших притязаний на нее. Таким образом, Тонга и соседний о. Ниуе 19 мая 1900 года были, несмотря на протест короля Георга II, объявлены состоящими под протекторатом Англии.

С тонганским государством исчезла и последняя из туземных государственных форм Тихого океана. В отдельных своих частях скроенная на европейский лад конституция

192

плохо укладывалась в- рамки полинезийской жизни, и архипелаг Тонга продолжал сохранять многое, что напоминало прежнюю народность. Но и эти остатки самобытного развития скоро исчезнут навсегда.

Новая Зеландия

Положение и природа Новой Зеландии. Окраинное положение Австралии выступает еще более резко в Новой Зеландии, которую на основании веских причин лучше рассматривать скорее здесь, чем в рамках колониальной истории Австралии. Юг и восток почти свободны от сколько-нибудь значительных островов; только к северу и западу можно установить связь с обитаемой землей: здесь — с Австралией и Тасманией,

там — с Новой Каледонией, Фиджи, Тонга и с островами Гервей. Относительно всех этих областей Новая Зеландия лежит так, что линии, соединяющие их с ней, образуют почти радиусы круга — обстоятельство, имеющее в географическом и историческом отношениях огромное значение. Тот факт, что первоначальное заселение Новой Зеландии не исходило также и со стороны Австралии, Новой Каледонии и Фиджи, нужно считать только следствием неспособности жителей этих последних к мореплаванию.

Расстояние между Новой Зеландией и только что названными странами составляет 2000 километров — такое расстояние представляется даже для судоходства полинезийцев, несмотря на высокое развитие у них мореплавания, слишком большим, чтобы привести маори к продолжительным и планомерным походам: их морские предприятия не идут дальше двух-трех походов на Гавайки, как говорит предание, и захвата в 1834 году соседних островов Хатам (Варекаури), совершенного, впрочем, при помощи европейского капитана. Иначе обстоит дело с Новой Зеландией для европейца. Для него за два или три поколения тому назад Новая Зеландия лежала достаточно близко от Австралии и Тасмании для того, чтобы колонизировать ее оттуда систематически и быстро; теперь же, когда Новая Зеландия

193

благодаря числу жителей и своему могуществу почувствовала свою силу, расстояние, отделяющее ее от материка, является опять-таки достаточным для того, чтобы она могла тешить себя мыслью создать наряду с австралийским союзным государством свое собственное. Ее стремления к самостоятельности проявились уже в шестидесятых и семидесятых годах XIX столетия, через одно лишь поколение после начала настоящей колонизации. За вмешательством Новой Зеландии в самоанские дела в 1872 году последовало в 1887 году присоединение к ней Кермадских островов, а в 1900 году — островов Гервей, или Кука, и Манигики; теперь, по-видимому, наступила очередь Фиджи. В руководящих кругах Новой Зеландии господствует вообще взгляд, что все полинезийские островные группы также естественно должны принадлежать ей, как, по мнению австралийцев, должна входить в круг Австралии и западная часть Тихого океана. Каждая из этих двух стран чувствует себя первенствующей державой в южном полушарии; вот почему в 1900 году Ричард Джон Сэддон, министр-президент Новой Зеландии, произнес великое слово о «подобном ему стране месте» в концерте держав.

Хотя население Новой Зеландии по переписи в 1900 году немногим лишь превышало по числу жителей ганзейский город Гамбург (800 000 человек), тем не менее было бы неблагоразумно совершенно игнорировать подобные притязания. Помимо своего счастливого господствующего над южной частью Тихого океана положения, этот двойной остров отличается еще столь богатым изрезанным рельефом, что в этом отношении оставляет за собой даже богатую бухтами Италию. Сверх того, он уже теперь является немаловажным производителем золота и угля; медь, серебро, железная руда, сера, платина и антимоний также встречаются во множестве.

Дальнейшее могущество Новой Зеландии, лежащей целиком в пределах умеренного пояса, заключается в ее климате, которого, принимая во внимание физические и духовные качества маори, нельзя не считать фактором, влияющим на изменение расы, хотя в европейце он, по-видимо-

194

му, вызывает физическое вырождение. В Новой Зеландии, как и в Австралии, земледелие отстает на задний план; при равномерности температуры лето приносит с собой холодные ночи, подвергающие результаты жатвы сильным колебаниям. Тем не менее ^ настоящее время под культурой находятся более 700000 акров земли; из них, по общему определению, 26 миллионов являются годными для земледелия, т. е. свыше 100000 кв. км, следовательно, около двух пятых всей поверхности, из которой, положим, в настоящее время еще" более двух третей покрыты лесом. Как и находящаяся во многих отношениях в одинаковых климатических условиях Тасмания, Новая Зеландия видит пока свою экономическую опору в скотоводстве, развитие которого еще не достигло своих пределов. Скот может оставаться на пастбищах в течение целого года и находить корм в достаточном количестве. Благодаря этому Новая Зеландия давно уже опередила в вывозе замороженного мяса Австралию, хотя последняя и находится на несколько дней паромного сообщения ближе к Старому Свету. Из всего вывоза 1899 года, достигшего приблизительно 12 миллионов фунтов стерлингов, на животные продукты приходится не менее 8 миллионов фунтов стерлингов; минеральные богатства дали 1,6 миллиона, земледелие только 0,9 миллиона.

История маори до 1839 года. Преимущества Новой Зеландии были для ее коренного населения, маори, полезны лишь в одном отношении: они послужили к улучшению ее расы; в экономическом же отношении население не сумело воспользоваться ни зелеными равнинами, ни лесами великолепной сосны каури. Только из местной фауны оно извлекло пользу, пока встречались животные, привлекавшие охотника; еще и по настоящее время героические пес-ми маори повествуют о борьбе с гигантской птицей моа, павшей первой жертвой человека, проникшего в этот животный мир, покой которого не нарушался целыми тысячелетиями.

Первые маори переселились на пустынный в то время остров свыше полтысячелетия тому назад; с течением вре-

195

мени за ними последовали новые волны переселенцев, из' которых последняя падает, по всей вероятности, на XVIII столетие. Исходным пунктом переселения был окутанный сагами остров Гавайки, Савайи самоанской группы; промежуточной станцией для некоторых маори был о. Раротонга. Сказание повествует, что вождь Нгауэ с 800 подданными явился на двенадцати кораблях, названия которых чтутся еще и поныне,

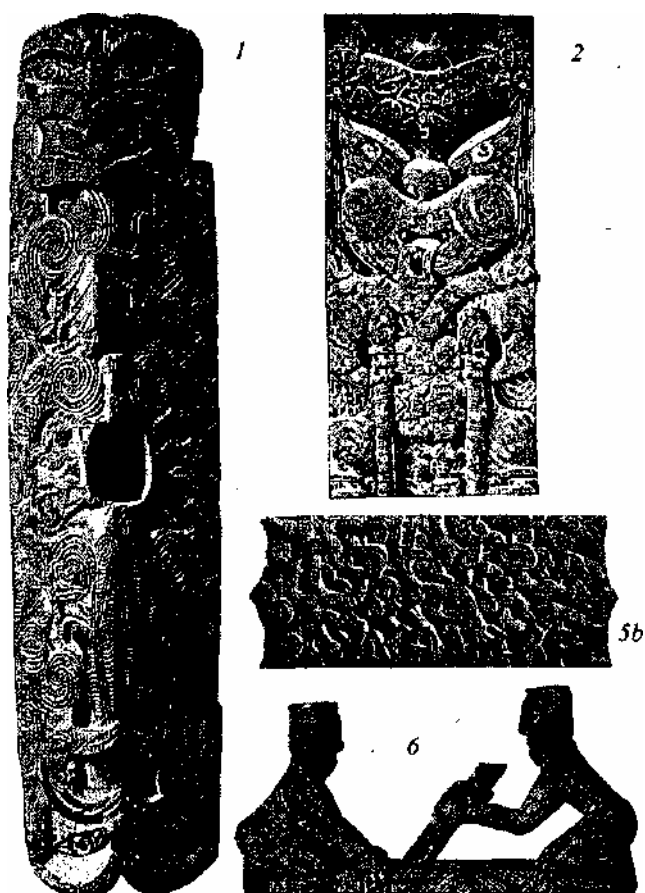
и высадился в бухте Пленти на северном острове; когда англичане начали колонизацию, население определялось в 100 000—200 000 человек. Такой прирост в сравнительно короткий период мог совершиться, по мнению Роберта фон Леденфельда, только во времена ничем не омраченного мира. Это, конечно, не относится к животным, и прежде всего к многочисленным гигантским, достигавшим до 4 метров высоты видам моа; все они до последнего пали под когтями и палицами вторгшегося в их царство человека. Лишившееся этого источника пропитания и привычное к мясу население, сильно размножившееся тем временем, стало искать выхода, и нужда толкнула его на путь каннибализма. Этот роковой шаг был началом поворота в истории маори, положившим раз и навсегда конец периоду их мирного развития; то, что следует за этим моментом, представляет картину сплошного убийства и резни — борьбы племени против племени, человека против человека.

Все свидетельствует о существовании в первые века, следовавшие за переселением, более или менее значительных государств, временами, несомненно, объединявшихся под властью общего правителя. По-видимому, и почитание богов имело свой центр. Это был период национального процветания маори, период, в котором и техника их достигла своего наивысшего развития. Европейцам удалось лишь бегло ознакомиться с маори на этой высокой ступени; один только Абель Тасман видел еще у них в 1640 году громадные великолепные двойные лодки, строить которые уже не умели маори XVIII столетия. Регресс коснулся всех областей жизни. Древние государства распались на небольшие шайки смелых под-
196

жигателей и разбойников, не признававших никакого политического центра. Вера в древних богов уступила место суевериям, духам-покровителям, колдовству и заговорам. Характер народа, склонный к гордости и властолюбию, становился все более кровавым, мстительным и диким.

Соприкосновение с европейцами в конце XVIII и начале XIX века познакомило маори с огнестрельным оружием и сделало их непрерывные междоусобные войны только более жестокими. В 1820 году вождь маори Хонги (Hongi или Shongi) посетил в сопровождении миссионера Кендаля Англию, был там представлен королю-Георгу IV, отлично им принят и осыпан подарками. Посвященный в тайны европейской политики, ослепленный блестящим поприщем завоевателя Наполеона I, он по прибытии в Сидней обменял полученные им подарки на оружие и амуницию, вооружил этим свое племя и вплоть до 1828 года опустошал войной весь северный остров. Маори были тысячами расстреляны или взяты в рабство, целые сотни стали жертвами каннибализма. Сам Хонги во время одного сражения в 1827 году, когда он забыл надеть на себя подаренную ему британским королем кирасу, был ранен выстрелом в легкое и через 15 месяцев умер от последствий этой раны.

Сильное ослабление туземного населения многолетними войнами послужило на пользу белым, успевшим пустить корни в стране. Уже с 1800 года появилось немало «пионеров культуры»: дезертиров-матросов, беглых каторжников из Нового Южного Уэльса и других искателей приключений. Их отношения к маори ограничивались в первое время вялой торговлей, предметами которой были новозеландская пенька и дерево, с одной стороны, ром, железо и другие европейские продукты — с другой; впоследствии сюда присоединилась еще торговля татуированными головами маори, о чем до сих пор свидетельствуют европейская и американская коллекции. В 1814 году англиканская миссия с Самуэлем Марсденом во главе начала свои действия у Эйлендбея и скоро достигла такого влияния среди

Полинезийские древности и резьба по дереву

Подпись к рисункам на с. 198—199 Полинезийские древности и резьба по дереву:

1 — гроб маори, нижняя доска. Приблизительно на три поколения древнее эпохи Кука, следовательно, из второй половины XVII века. С двумя богато татуированными фигурами женщины и мужчины. Отверстие по середине служило для укрепления гроба на деревянном столбе на высоте больше, чем в рост человека (с оригинала, находящегося в Берлинском музее народоведения); 2 — поу-поу,

внутренняя сторона резного стенового столба большого общественного дома в Охи-немуту. Богато татуированная фигура изображает, по-видимому, Тама-те-капуа, великого предка племени орава, идущего, как думают, на ходулях (с оригинала, находящегося в Охинемуту на Новой Зеландии); 3а и 3б — большое изображение из базальтоподобной лавы, найденное на одном из Гавайских островов, Оаху. Фигура представляет старого европейца в парике, с косой и в брыжах, по всей вероятности, одного из прежних неизвестных испанских путешественников, «открывших» Гавайи задолго до Кука (с оригинала, находящегося в Берлинском музее народоведения); 4 — корупе, косяк от дверей одного старого дома на Новой Зеландии. Из коллекции Кука. Относится, по всей вероятности, к XVII столетию или еще более раннему периоду, так как уже ко времени Кука имел старый вид. Одно из самых драгоценных и красивых произведений древнего искусства маори; мифологическое значение трех богато татуированных фигур осталось невыясненным (с оригинала, находящегося в Берлинском музее народоведения); 5а и 5б — резной ящик из Новой Зеландии для хранения украшений из перьев, справа (5а) одна из стенок этого ящика, слева (5б) вставляемая в нее крышка. Из коллекции Кука. Относится, вероятно, к XVIII столетию (с оригинала, находящегося в Берлинском музее народоведения); 6 — резное изображение из Новой Зеландии представляет двоих татуированных мужчин, добывающих при по-

200

средстве трения («пахания») огонь (с оригинала, находящегося в Венском Королевском музее); 7 — средняя часть большой богато украшенной поперечной планки, с фасада ратака (дом, в котором хранятся запасы). Резное изображение, носящее почти геральдический характер, до сих пор не нашло себе объяснения; полагают, что оно относится к истории сотворения мира. Злые духи с головами птиц и ящериц играют важную роль в древнем искусстве Новой Зеландии. Небольшие треугольные зарубки, характерные для некоторых частей этой резьбы, носят название «тара-тара о каи». Патака, с которого снята эта планка, был построен в 1820 году вождем Хаере Хука и находился между Роторуа и озером Ротоити. В настоящее время они находятся в Ауклендском музее (с копии Гамильтона); 8 — планка интерьера большого общественного дома маори с изображением мелюзинообразного злого духа, *taniwha* или *tara-kihai*, с языком в виде трубки, которыми эти демоны могут присасываться челноки, чтобы затем топить их. Подобные же экземпляры еще в настоящее время встречаются в Руатагуна и в Те-Куити на Новой Зеландии (с оригинала в музее Гонулулу) туземцев, что уже к 1820 году можно было думать, что северная Новая Зеландия преобразится в христианское государство маори. Ужасы, вызванные Хонги, лишь временно могли задержать это развитие; после его смерти не только пошло быстро вперед дело обращения, но и сама идея государства маори под англиканским руководством стала приближаться к своему осуществлению.

В Англии в то время не замечалось склонности сделать колонизацию Новой Зеландии делом государственным: Австралия лежала ближе, и население ее было менее опасным. Когда в 1831 году в Эйлендбее бросило якорь одно французское военное судно, миссионеры побудили 13 местных вождей просить у короля Вильгельма IV покровительства для Новой Зеландии. Правительство вняло просьбе, назначив в 1833 году резидента в лице Джеймса Бесби, колониста из Нового Южного Уэльса, и предоставив ему в делах британских поселенцев судопроизводство, впрочем, без каких бы то ни было полномочий. Первым деянием Бесби было дарование Новой Зеландии национального флага, который был в 1834 году официально признан Англией. Таким образом, миссионеры получили то, чего добивались с таким упорством, — самостоятельное на вид, но независимое от них в действительности государство маори. По инициативе Бесби, это государство, представленное 35 вождями севера, стало называться с осени 1835 года United Tribes of New Zealand. Одновременно с этим вожди объявили, что будут собираться ежегодно для издания необходимых законов. Сам Бесби хотел руководить правлением при помощи состоявшего из туземцев совета (council), в который через известные промежутки времени должны были избираться депутаты. Первые издержки по основанию этого государства должна была взять на себя Англия, у которой хотели просить не только ссуды, но и дальнейшего покровительства. Этот план Бесби, осмеянный всеми, знакомыми с условиями, в которых находилась Новая Зеландия, стоял в связи с другим фантастическим предприятием, виновником которого был барон фон Тьер-ри. Этот англичанин поручил в 1820 году миссионеру Кен-

202

далю приобрести для него на Новой Зеландии обширные земли, и Кендаль купил в 1882 году на Гокианге у трех вождей 40 000 акров за 36 топоров. Тьерри, однако, не вступая во владения этой землей, продолжал бродить по Южной Америке, надеясь сделаться «сувереном» какого-нибудь народа, хотя бы самого захудалого племени индейцев. Затем он преследовал те же цели на островах Южного моря, пока, наконец, не был избран одним из Маркизовых островов, Нука-Гивой, своим властелином. В качестве «верховного вождя на Новой Зеландии и короля Нука-Гивы» он с острова Таити известил в 1835 году английского резидента о своем предстоящем приезде; короли Великобритании и Франции, равно как и президент Соединенных Штатов, дали, по его словам, свое согласие на основание у Гокианга самостоятельного государства, и он только ждет прибытия высланного из Панамы и снабженного нужным экипажем военного судна, чтобы отправиться к Эйлендбей.

Мерой, к которой прибегнул для противодействия этому шагу Бесби, было основание United Tribes of New Zealand. Станным образом в Англии (но не в Австралии) отнеслись серьезно к этому шагу, и вождям была обещана всякого рода защита. Между Тьерри и Бесби состоялся по всем правилам обмен нот, а в конце 1837 года Тьерри в сопровождении 93 искателей приключений, европейцев, явился лично на северный остров. Принятый сначала дружелюбно некоторыми из вождей, он скоро убедился, что и миссионеры, и английские поселенцы действуют против него. Когда же затем выяснилось, то все его оповещения о сотнях его подданных, которые должны были прибыть вслед за ним, были пустым вымыслом, Тьерри сделался посмешищем как белых, так и маори, был оставлен всеми и с тех пор влачил в бедности свое жалкое существование.

Вайтангский договор. Французское имя Тьерри, основание французской «Compagnie Nanto-Bordelaise» для колонизации восточной части южного острова, наконец, водворение в 1837 году на Новой Зеландии французского миссионера Помпальера — все это усилило постепенно

203

в частных кругах Англии интерес к этому двойному острову. Еще в XVIII веке Джеймс Кук ратовал за заселение исследованной им в 1769—1770, 1773—1774 и 1777 годах страны; затем и Бенджамин Франклин предложил основать общество для колонизации Новой Зеландии; и то и другое осталось безуспешным. В 1825 году, предположим, составила «New Zealand Company», снарядившая на Новую Зеландию некоторое число эмигрантов; но поведение туземцев так испугало переселенцев, что все они, за исключением четырех самых смелых, вернулись обратно в Англию или отправились в Австралию. Таким образом, это попытка, поглотившая 20 тысяч фунтов стерлингов, не привела ни к чему. В 1837 году идея колонизации Новой Зеландии снова ожила благодаря Эдварду Гиббону Векфильду, основателю колонии Южной Австралии, графу I. G. Lambton Durham V, руководителю попытки 1825 года, и другим депутатам британского парламента; однако образовавшаяся «Association for the Colonization of New Zealand» не сумела победить противодействия со стороны правительства и парламента, поддерживаемого миссионерскими обществами, и должна была вскоре прекратить свое существование.

В конце 1838 года место ее заняла New Zealand Land Company, также основанная Векфильдом и Дурхамом. Общество это намеревалось приобретать у маори земли, с тем чтобы продавать их затем английским эмигрантам. Цены должны были быть так рассчитаны, чтобы оставался излишек на постройку дорог, школ и церквей, а затем и известная выгода для акционеров. Когда 1 июня 1839 года общество пустило в продажу с публичного торга 110 000 акров новозеландских земель, то спрос на них так возрос, что в короткое время касса общества пополнилась 100 000 фунтов стерлингов.

Ввиду того факта, что деятельная колонизация Новой Зеландии теперь не могла быть уже ничем задержана, министр колоний маркиз Е. Н. Phipps Normanby решил предупредить New Zealand Land Company и обеспечить правительству всю выгоду такого предприятия. Под влиянием

204

агитации Векфильда уже в конце 1838 года предшественник Норманби Чарльз Грант лорд Гленелг задумал учредить британское консульство на Новой Зеландии и приобщить занятые уже там белыми земли к управлению Нового Южного Уэльса. 15 июня 1839 года Норманби назначил моряка, капитана Гобсона, консулом Новой Зеландии и поручил ему уговорить туземцев признать верховную власть королевы Англии; он же замещал губернатора и должен был управлять островами как принадлежащими к Новому Уэльсу. Чтобы погубить планы компании еще в зародыше, Гобсону надлежало обязать вождей маори продавать свои земли исключительно-казне и подавить сильно свирепствовавшую также и на Новой Зеландии спекуляцию на земли тем, что все земляные приобретения британских подданных должны*были подвергаться рассмотрению особого комитета.

Правительство, однако, запоздало со всеми этими мероприятиями. Уже 16 августа 1839 года экспедиция, снаряженная New Zealand Land Company, под начальством брата Векфильда прибыла в залив королевы Шарлотты и, несмотря на все происки миссионеров, приобрела у туземцев за небольшое количество товара громадную область и тотчас же основала у Порт-Никольсона город Веллингтон. Этим был создан центр для «Британии Южного моря». Впрочем, одиннадцатый акр приобретенной земли должен был оставаться за туземцами как неприкосновенное имущество.

Так как компания Nanto-Bordelaise была уже близка к тому, чтобы утвердиться на Новой Зеландии, то Гобсон, прибывший 29 января 1840 года на северный остров, найдя поддержку в миссионерах, видевших в правительственной колонии меньшее зло, заключил 6 февраля с вождями Вай-танги договор, которым они всецело и навсегда признавали за Англией верховную власть над своей страной. За это Англия, в свою очередь, гарантировала маори свое королевское покровительство, все права британских подданных и все их права на земли и собственность, но оставляла за собой право первенства при покупке всякой области, кото-

205

рую туземцы вздумали бы продать. К немногим десяткам вождей, которые подписались первыми, вскоре присоединились еще другие, так что число подписей к середине 1840 года достигало уже 512. Таким образом, уже в июне британская верховная власть была признана также и для южного острова и Стюарт Эйланда, «на основании права, приобретенного открытием Кука»; 19 сентября Гобсон поднял британский флаг в Аукленде. 16 ноября 1840 года Новая Зеландия была объявлена коронной колонией. Губернатором был назначен Гобсон; правительственным центром стал пока Аукленд.

Вайтангский договор является во многих отношениях событием исторической важности. В нем впервые европейская нация признала и за туземцами некультурной страны полное право собственности на родовые их земли; сравним с этим хотя бы поведение правительства и переселенцев по отношению к соседней Австралии и Тасмании! Впервые, как указывает Теодор Вайтц, с «дикарями» официально обращались как с переселенцами, т. е. как с людьми.

Другая сторона договора — это его политическое значение. Став твердой ногой как раз у широкого входа в Тихий океан, Англия обеспечила себе этим первенствующее положение во всей средней и южной части океанического мира. Для Франции это было ударом тем более чувствительным, что после неудачи, которую она потерпела со своими колонизационными планами в Австралии и Тасмании, она уже вообще не рассчитывала больше ни на какую сколько-нибудь значительную область, которая могла бы служить опорой среди ее далеко разбросанных в южной части Тихого океана колониальных владений; суда ее, прибывшие на Новую Зеландию в июле 1840 года, должны были вернуться обратно, не добившись никакого результата. Кто останется в конце концов победителем в борьбе за преобладание на Тихом океане? Вопрос, на который трудно ответить. В настоящий момент Тихий океан является еще ареной, на которой подвизаются многочисленные игроки; в недалеком уже, может быть, будущем на этой арене останутся только Соединенные Штаты, Россия и Англия, которая больше других сроднилась с Тихим океаном.

206

Как бы то ни было, Новая Зеландия всегда сохранит свое значение благодаря своему географическому положению. В стратегическом отношении она представляет прекрасное фланговое прикрытие для незащищенной с севера и востока Австралии; в экономическом же она по меньшей мере одарена не хуже этой последней: если она уступает ей в смысле пространства, то, с другой стороны, она обладает более благоприятными климатическими условиями.

Жизнь маори с 1840 года. Для самой колонии Вайтангский договор повлек за собой тяжкие события. Английское правительство, не признававшее с самого начала New Zealand Land Company, сбавило ее требования (из 46 миллионов акров земли, «купленных» только европейцами — 20 миллионов) сперва на 997 000, а по ближайшему расследованию (в 1843 г.) на 282000 акров. Англичанам, предъявившим претензию на остальные 26 миллионов акров, было присуждено лишь 100 000, лондонской миссии вместо 216 000 акров — только 66 000. Остаток во всех этих случаях не был возвращен туземцам, а был объявлен казенной землей и распродавался самим правительством. С этих пор туземцы получили совершенно другое понятие о ценности своей земли, которую они до того отдавали в своем неведении за ружья, ром, табак, одеяла и побрякушки. Теперь они все чаще стали оспаривать старые контракты, прибегая сначала к тяжбам и жалобам, затем к насилию и в конце концов к открытой борьбе и убийствам. После того как в 1843 году маори убили нескольких европейцев и неоднократно срывали английский флаг, Англия была вынуждена стать с островитянами на военную ногу. Преемник Гобсона (ум. в 1842 г.) Роберт Фицрой, получивший известность как командир корабля «Бигль», на котором в 1831—1836 годах Чарльз Дарвин совершил свое кругосветное путешествие, оказался не на высоте своего положения; всевозможными уступками (уничтожение ввозных пошлин, предоставление маори права свободной продажи земель переселенцам) он поощрял туземцев все к новым и новым требованиям. К тому же мероприятия его очень быстро

207

истощали колониальную мощь. New Zealand Land Company вследствие постоянных беспорядков также попала в затруднительное положение и приостановила на время свои действия. Кроме того, и английские войска<11(Гтшея артиллерии, плохо справлялись с храбро отстаивавшими себя маори.

В ноябре 1845 года прибыл в Новую Зеландию Георг Грей, заслуживший себе шпоры в качестве первого губернатора Южной Австралии. Когда попытка умиротворить восставших не имела успеха, губернатор запретил всякий ввоз оружия и амуниции и быстрым натиском сразил вождей Хеки и Кавири. В конце января 1846 года мир был заключен. Отдельные возникавшие еще восстания также были быстро подавлены. Ближайшей заботой Грея было путем реформ предупредить возможность дальнейших междоусобных войн. Помимо уже упомянутого ограничения миссионерских земель, он заместил должность заведующего делами туземцев, занимавшуюся до тех пор миссионером, офицером и упорядочил наиболее благоприятным для туземцев образом земельный вопрос. Выработанную в 1846 году лондонским правительством новую конституцию, предоставлявшую колонии полное самоуправление, он счел преждевременной и не дал ей вступить в силу; он ограничился тем, что разделил колонию на две провинции. Чтобы оживить почти заглохшую иммиграцию, New Zealand Land Company дана была беспроцентная ссуда в 236 000 фунтов стерлингов и предоставлены были в пользование до июля 1850 года казенные земли в округе Нью-Мэнстер: ей было предписано не понижать цены за акр более чем до 1 фунта стерлингов. При ее содействии Free Church of Scotland основал в 1847 году на южном острове колонию Отаго, а Church of England основала в 1849 году местечко Кентербери. Это были последние заслуги общества, дирекция которого вынуждена была в 1850 году окончательно приостановить свои дела из-за недостатка средств, что для Новой Зеландии было в сущности большим счастьем, так как она только страдала от соперничества между «Компанией» (Company) и правительством (Government). Прави-

208

тельство подарило обществу данную ему ссуду, а акционеры получили за земли, которых лишились, 268 000 фунтов стерлингов.

Служба Георга Грея закончилась 31 декабря 1853 года; после кратковременного отпуска на родину он получил назначение в Капскую колонию. Но перед уходом ему удалось добиться для своего двойного острова тех же благ самоуправления, какие метрополия даровала австралийским колониям — так называемого ответственного правительства, «Responsible Government» (в 1852 г.). Конституция, составленная в своих главных частях самим Греем, начертала шесть провинций с отдельным для каждой управлением, своим советом и свободноизбранным руководителем. Провинции образовали союзное государство с парламентом, состоящим из нижней палаты, составляющейся путем выборов, и верхней — по назначению. Впервые парламент собрался в 1854 году в Окленде, местопребывании губернатора и центрального правительства. Вместе с окончательным урегулированием австралийских конституций вообще было проведено в 1855 году и Responsible Government во всех его частях. Только дела, касавшиеся туземцев, оставались еще до 1862 года в руках правительства.

После ухода сэра Георга Грея наступил ряд лет, отличавшихся внешним спокойствием и полезных для развития колонии. Однако они несли уже в себе зародыши нового бедствия. Туземцы из опасения, что палаты, в которых они не имели представительства, ослабят встреченное с доверием центральное правительство, соединились в так называемую Земскую лигу («Land League») с целью совершенно запретить дальнейшую продажу земель правительству. В 1857 году образовался даже национальный союз, имевший целью поставить преграду росту чужеземного влияния. Старый вождь Потатау те Вгероверго был провозглашен королем; душой всего движения, поддерживаемый более молодыми вождями, был энергичный Вильям Томпсон из племени Нгатигауа, по прозвищу — Kingmaker («Создатель королей»). Пока жил «король мира» Потатау I, маори вели себя спокойно.

209

При его преемнике Потатау II в 1860 году начались распри с белыми; они приняли вскоре такие размеры, что лондонское правительство было вынуждено вторично прислать на Новую Зеландию сэра Георга Грея. Несмотря на все почитание, которым Грей пользовался среди туземцев, и несмотря на данную им маори конституцию, ему не удалось подавить войну: вопрос шел теперь о том, какая раса вообще должна остаться в стране. Великая война маори длилась с несколькими перерывами, вызванными истощением обоих противников, полных десять лет. Маори показывают за эту войну столько мужества и выносливости, что им принадлежит первое место среди первобытных народов. Одно поражение англичан следовало за другим; из Англии и из Австралии доставлялись все новые и новые войска. В 1867 году согласились наконец дать маори четыре места в нижней палате, но партизанская война продолжала свирепствовать. Только в 1870 году наступил мир. Колонии и метрополии эта война стоила громадных денег, значительной части поселенцев, и к тому же она обременила страну тяжелыми налогами на целые полтора десятка лет. Униженные в своей гордости, лишенные всякой надежды сохранить свою народность и даже расу, туземцы стянулись в «страну короля», местность в 4050 кв. км к северо-западу от озера Таупо, где их пока оставили в покое. Совершенно без столкновений между ними и белыми не обошлось и за последнее тридцатилетие; но в общем маори примирились с положением вещей¹. В значительной части занятой ими земли они завели разумное хозяйство; они владеют тремя с лишним миллионами овец, 50 000 рогатого скота и 100 000 свиней. Почти все они умеют читать и писать по-английски, и все они крещены, они ревностно проводят выборы в парламент, где имеют за собой четыре места в нижней палате и два в верхней. Но прежняя народность и здесь бесповоротно исчезла; 40 000 маори, остатки племени, насчитывавшего во времена своего процветания 150 000 человек, едва ли в каком-нибудь отношении напоминают еще своих предков. Они уже два поколения как не

210

предаются больше канибализму, но место ^о заняло пьянство; чахотка, астма и золотуха служат спутниками этого порока.

Колониальное развитие Новой Зеландии. /<Новой Зеландии в ее колониальном развитии не посчас>ливилось с самого начала и до наших дней», — так пис^л в 1862 году Фердинанд фон Гохштеттер. Почти столетие прошло с тех пор, как Джеймс Кук водрузил флаг Великобритании на ее берегах, а число европейских колонистов не перешло даже за первую сотню тысяч. Никто не станет искать причины этого весьма медленного по сравнению с Новым Южным Уэльсом и Викторией хода развития Новой Зеландии в физических условиях страны: южный остров, которого междоусобия почти совершенно не коснулись, развивался в эти первые десятилетия значительно быстрее, чем обуреваемый борьбой северный остров. Эмигрировавшие из Нового Южного Уэльса и Тасмании скваттеры и овцеводы скоро убедились, что южный остров очень пригоден для овцеводства, и несколько лет спустя после основания церковных колоний Отаго и Кентербери вся почти средняя и восточная части острова были разделены на пастбищные участки. В 1861 году остров уже вывозил круглым счетом 8 миллионов фунтов шерсти стоимостью в полмиллиона фунтов стерлингов; в 1899 году шерсть являлась самым главным предметом вывоза для Новой Зеландии (равным 4,3 миллиона фунтов стерлингов).

Затем южный остров своим развитием во многом еще обязан нахождению там золота. За отдельными Коромандельскими и Нельсоновскими находками на северном острове, начиная с 1852 года, последовало в 1861 году открытие богатых аллювиальных залежей в Отаго, повлекшее за собой настоящую золотую горячку. Когда они были истощены, началась разработка богатых россыпей на западном берегу. Отаго

вывезло в 1863 году свыше 2 миллионов фунтов стерлингов, а западный берег еще больше в 1866 году. К концу шестидесятых годов разработка и вывоз золота на северном острове также увеличились. Все это необычно-

211

венно усилило доверие метрополии к будущему Новой Зеландии: в течение последних 30 лет последовал на лондонском денежном рынке целый ряд займов для поднятия производительности страны. В настоящее время Новая Зеландия является в отношении государственного долга первой страной в мире (31 марта 1900 г.: 47,87 миллионов фунтов стерлингов, т. е. 61 фунт 13 шиллингов надушу).

В управление страной произошло за последнее полу столетие мало перемен. Уже в начале шестидесятых годов было ясно, что соединение почти независимых друг от друга провинций, число которых постепенно увеличилось еще на три, является лишь вопросом времени. В 1876 году, после того как в октябре 1864 года лежащий в центре (у пролива Кука) Веллингтон объявлен был главным городом для обоих островов, были уничтожены также и особые права провинций. С тех пор Новая Зеландия состоит из 81 графства, которые посылают своих представителей в Веллингтонский парламент. Относительно главного вопроса внешней политики — решения «за» или «против» присоединения к австралийскому союзному государству — смотри выше. Вопросы внутренней политики еще мало выяснены и по настоящее время, в Новой Зеландии занимаются «демократической экспериментальной политикой» (Мориц Шанц), затем все еще стараются разрешить поземельный вопрос, по возможности в пользу бедных классов, равно как и поднять высокой ввозной пошлиной промышленность страны, но в общем со времени упадка добычи золота держатся больше социалистического фарватера.

Миссия в Тихом океане

МИССИЯ В АВСТРАЛИИ

КАК на большинство примитивных народов, так и на судьбы австралийцев и океанийцев, белая раса влияла двояким путем: политическим и экономическим захватом их областей и внесением христианства в их исконное, язычество. Для Океании является характерным тот факт, что оказанное миссией влияние значительно превосходит другие как по своей устойчивости, так отчасти и по достигнутым результатам. Этого нельзя сказать относительно австралийского материка: здесь попытки миссионеров оставались в сравнении с колоссальным пространством материка всегда лишь единичными, прививались робко и не достигли никаких заметных результатов. Хотя и много рассказывается о преуспевании темнокожих воспитанников в чтении, письме и арифметике, но это свидетельствует больше о духовной одаренности расы, чем об общем успехе миссии. Любовь австралийца к беспокойной бродячей жизни охотника слишком укоренилась в нем.

МИССИЯ В ОКЕАНИИ

Гораздо больших результатов мог ожидать миссионер на островах Океании. Ограниченность пространства делала возможным соединение всех имевшихся в его распоряжении факторов, а национальная разрозненность океанийцев значительно подготавливала почву для миссионеров. Доказательством тому служит переход в христианство Та-

213

комбау, Помаре, Камеамеа II. Надежда на политическое содействие белых глашатаев веры была слишком заманчива, чтобы не воспользоваться удобным средством во многих случаях только формального перехода в другую религию. Но несмотря на это, успехи обращения на первых порах в общем были незначительны. За многообещающими первыми шагами на Таити дело обращения, после вмешательства миссионеров в распри из-за трона, сильно пошло вспять. На Новой Зеландии смуты при Хонги задержали на целые годы распространение христианства. То же было на Гавайских островах вследствие борьбы династии Камеаме-ев за политическое преобладание на архипелаге. Только на Тонга дружное обращение в христианство всего севера совершилось в течение одного лишь десятилетия миссионерской деятельности (1830—1840 гг.): владельцы Тауфаагау и Тубо служили отличной опорой миссии; кроме того, арена была в то время исключительно предоставлена протестантскому вероисповеданию. С того момента, как французский епископ Помпалье ступил на землю Тангатабу (в 1841 г.), мы и здесь видим перед собой картину борьбы вероисповеданий и крайней зависти среди последователей различных религиозных направлений, что, в свою очередь, вливало отраву и в другие области народной жизни.

Это недоброжелательство между вероисповеданиями является самым большим из зол, от которых приходилось страдать миссии в Океании, и не оставляет места чувству чистой радости при привлечении целой народной группы в лоно христианства. Не так легко ответить на вопрос, кто в данном случае является главным виновником такого положения дел, так как изображение отдельных эпизодов, как и всей деятельности в совокупности, варьируется в зависимости от того, к какому вероисповеданию оно относится. Однако в большинстве местностей виновной следует признать запоздавшую католическую миссию. Пользуясь повсюду покровительством Франции, она старалась наверстать потерянное время крайне бесцеремонным образом действий, о чем свидетельствуют события на Таити, Мар-кизовых островах и Паумоту, на Гавайях и особенно на ос-

214

тровах Лойальти. Здесь английскому миссионеру Муррскт с 1841 года удалось обратить в протестантизм значительную часть населения трех островов. В 1864 году благодаря стараниям католических миссионеров

последовало занятие Францией этой островной группы, и в то же время протестантское богослужение было вытеснено католическим. Французское войско проявило при этом по отношению к туземцам столько беспощадности, что другие державы были вынуждены сделать представления правительству Наполеона III. Особенно роковым это вторжение сделалось в 1872, 1873 и 1880 гг., когда дело дошло до настоящих религиозных войн между последователями обоих вероисповеданий, во время которых не щадились даже женщины и дети.

Но и на протестантской миссии лежит большая ответственность за то, что она часто в одном лице совмещала и миссионера и торговца. Даже апостол Южного моря Джон Уилльямс не брезговал торговлей и, несмотря на многократные запрещения со стороны Англии, такого совмещения невозможно было искоренить. Единение всех белых вообще, столь необходимое для истинной культурной миссии условие, немало страдало от этого: купцы не видели никакого для себя повода оказывать поддержку стремлениям церкви, являвшейся для них нежелательным конкурентом. К этому присоединилось еще второе обстоятельство. В то время как католический миссионер строго изолировал от внешнего влияния свою общину, всецело посвящая себя ей (отсюда успехи иезуитов в созидании больших общин, прирост католиков на Гавайских островах и т. д.), торговая деятельность протестантского священника отвлекала его от его главного назначения.

Но одинаково заслужили упрек оба вероисповедания в том, что вмешивались в политические дела океанийцев до тех пор, пока не все области были захвачены. Часто, конечно, стоявшие одиночно среди возбужденных народностей миссионеры вынуждены были присоединяться к той или другой партии, если не хотели вообще рисковать жизнью и успехом обращения, но также часто мы не находим к тому никакого видимого повода. На Новой Зеландии на-

215

меревались даже основать особое царство Маори с духовным главенством — подобие иезуитского государства в Парагвае.

Что дала миссия океанийцам? В поднятых в печати спорах о значении миссии в Южном море, продолжавшихся в течение почти всего XIX столетия, некоторые голоса, по примеру Отто фон Котцебу, беспощадно осудили ее образ действий. В противоположность этому, Чарльз Р. Дарвин указывал на то, что, помимо других успехов, нельзя отрицать смягчения нравов, вызванного деятельностью миссии, которая — и это нужно особенно подчеркнуть — покрыла обширное пространство Южного моря целой сетью станций прежде, чем западным державам стало очевидным все значение такой меры: стоит только сравнить почти нетронутых еще островитян Соломонова архипелага с некогда совершенно дикими, теперь же вполне мирными фиджийцами. Впрочем, эта заслуга нигде всецело не падает на миссию: напротив, пока она одна олицетворяла собой белую расу, в Океании немало было пролито крови (войны Хонги, борьба династий на Таити, Гавайях, Тонга и Самоа). Лишь с того времени, как колониальные правительства, которым в сущности не столько было важно благоденствие жителей, сколько мирное пользование земельной собственностью, взяли дело в свои сильные руки, успехи сделались очевидными.

И в области науки деятельность миссионеров имеет и хорошие, и дурные стороны. Никогда не изгладится память о том усердии, с которым более дальновидные из них уже давно интересовались душевной жизнью океанийцев и собрали многое, что для нас, более поздних исследователей, является необходимым материалом для понимания этого народа. Точно так же не счедают забывать, что никто не принимал с большим отсутствием здравого смысла участия в уничтожении (правда, неизбежном) океанийской народной самобытности, как именно проповедники христианства. Они беспощадно вторгались во все отрасли народной жизни, чтобы перекраивать ее согласно своим собственным воззрениям. Даже на место унаследованной

216

красивой и практичной одежды они во многих местах ввели безвкусную бумажную ткань, придавая ей формы, которые не могли не оскорблять чувства прекрасного, столь развитого в туземцах, и, кроме того, мало соответствовали требованиям гигиены, способствуя лишь распространению хронических заболеваний. Теперь, когда островной мир Океании разобран на части, миссия со своей важной последствиями деятельностью уже сыграла свою историческую роль. История человечества приняла большой размах, и широкие пути ее охватывают также и крошечные острова Тихого океана.

Колонии на Тихом океане

ОКЕАНИЯ является в настоящее время на всем своем протяжении колониальной областью; немногие клочки земли, на которых не развевается еще флаг какой-либо державы, или не заселены, или представляют неплодородные скалы и рифы. Одни только Новые Гибриды ждут еще своего назначения.

Океанию оценили лишь в позднейшее время, и это выразилось в политических захватах ее территорий. Если не считать Мариинских островов, на которых начало испанской колонизации относится еще к XVI столетию, ни одна из островных групп не заслужила благосклонного внимания европейских правительств до конца XVIII столетия. Причиной этому было отсутствие в Океании благородных металлов, ценных пряностей и богатых тканей. Для Испании и Португалии, главных колонизаторов прежних времен, этот недостаток делал область ничего не стоящей; Голландия же, Франция и Англия уже имели достаточно дел с устройством своих индийских, африканских и американских колониальных владений.

Толчок к открытию Океании для колониальных приобретений дали в XIX веке французы. Так как

завоевание Алжира не было достаточным, чтобы поддержать свой расшатанный трон, Людовик Филипп еще в середине тридцатых годов выдвинул проект создания полинезийского колониального государства. Этот план осуществился только в Восточной Полинезии, где французам удалось подчинить себе достаточно обширную область; в общем же Франции

218

пришлось бороться с противниками своих стремлений, которые нашлись не только в рядах протестантских миссионеров, но и в кабинетах Лондона, Вашингтона и С.-Петербурга. Таким образом, в Западной Меланезии ей удалось присвоить себе лишь юго-восточную область — Новую Каледонию с соседними островами.

Англия присоединила большую часть своих теперешних океанийских владений, включая и Новую Зеландию, лишь по принуждению. Стимулом к тому служила в прежние века появлявшаяся временами боязнь французской мировой конкуренции. Затем, с расширением германских торговых сношений в Южном море, появилось опасение захватов со стороны Германии, причем выразителями идеи британской колонизации явились главным образом сознавшие свое историческое призвание австралийские колонии и Новая Зеландия. С вступлением на колониальную мировую арену Германской империи прекратилось наполовину вынужденное присоединение новых областей к британским колониальным владениям. С этого времени Альбион старается забирать все, что еще возможно взять. В настоящее время он смотрит на Среднюю Меланезию и Юго-Восточную Микронезию как на сферу своих интересов; «свободные» Новые Гибриды, французская Новая Каледония и германские о-ва Самоа ничуть не меняют дела.

Германия стала океанической колониальной державой в погоне за торговыми рынками. Отчасти ей удалось при этом стать основательно на не принадлежавших еще никому областях; отчасти же, подобно американцам, она захватила наследие самых древних колонизаторов в Тихом океане — испанцев. В настоящее время Германия располагает, обширной и богатой областью, охватывающей значительные пространства Меланезии и почти всю Микронезию; она, однако, как и французские владения, страдает от слишком большой отдаленности от метрополии; кроме того, она имеет под боком, не говоря уже о молодых американских колониях Гавай и Филиппинах, такую опасную в экономическом и политическом отношениях соседку, как Австралия. Выдвинувшиеся вперед о-ва Самоа принесут империи больше забот, чем радости. -

219

Самой молодой державой на тихоокеанской арене являются Соединенные Штаты Америки, вторжение которых было куплено ценой вынужденного отступления Испании. Занятие Соединенными Штатами Филиппин, Гавайев, Гуама (Марианские о-ва) и Тугуилы (Самоа) — четырех, разбросанных по всему островному миру пунктов — влечет за собой важные последствия уже благодаря тому, что этим меняется все мировое положение: Америка, которая до сих пор поворачивала фронт исключительно на восток, теперь оборачивается лицом к Тихому океану. В это же время она готовится прорыть среднеамериканский перешеек — единственное препятствие к развитию ее мощи на Западе. В своей совокупности это американское движение имело последствием то, что океанские владения поднялись в оценке, а Тихий океан в общем стал центром интересов человечества; события на восточном побережье Азии служат этому лучшим доказательством.

В Океании одни только великие державы могли проявить колонизаторскую деятельность. Испания должна была уступить, как только имя ее было вычеркнуто из ряда жизнеспособных мировых держав. Португалия, следуя повелению папы, никогда и не пыталась ступить туда ногой. Голландия вдаётся в Тихий океан только самым восточным уголком своих колониальных владений — Нидерландской Новой Гвинеей; активной же деятельности она, однако, там еще не проявляла. Чили владеет островом Пасхи только для виду. Остается, наконец, Япония, перед которой захлопнулись двери Гавайских островов.

Антарктида

ОБЛАСТЬ, прилегающая к Южному полюсу, по всей вероятности, не заселена; мы даже не знаем, сплошная ли масса суши или же острова являются носителями полярного ледяного покрова. История такой области может выразиться лишь в том влиянии, которое предпринимавшиеся ее исследования оказали на ход культурного развития человечества. В смысле неизведанности Южного материка понятие о нем существовало уже в очень ранний период. Затем поиски этого материка заполняют значительную часть XVI, все XVII столетие и целых две трети XVIII. Среди географических исследований тех времен, предпринимавшихся из материальных расчетов, это единственное исследование, имевшее идеальную подкладку, и уже по одному этому оно должно иметь значение для истории человечества; изучение отношения между водой и сушей на земной поверхности является одним из наиболее важных вопросов физической географии, которым серьезно занимались два столетия. Лишь грандиозное кругосветное путешествие Джеймса Кука в 1772—1775 годах рассеяло чувство неуверенности: с тех пор люди успокоились в сознании, что и без того массивного противовеса северным материкам, которого требовала физическая география, земля спокойно совершает свой путь. В этом отношении Антарктида», которая уступает северным полярным с [ранам в их значении для истории человечества, стоит, несомненно, на первом плане.

С началом века научных исследований значение обеих полярных областей для культурного развития человечества

та

221

несколько видоизменилось. С оживлением исследования Северного и Южного полюсов в 1818 году (И. Росс

и В. Э. Пар-ри) обе крайние области ойкумены стали играть роль нейтрального поля для исследований всех культурных наций. Попытки XIX столетия проникнуть в самые отдаленные уголки обитаемой области представляют один из самых привлекательных отделов всемирной истории. Самые роковые ошибки не могли остановить культурный мир в его стремлении достигнуть той высокой цели, над которой он работал с большим успехом в течение целого столетия. Но в то время, когда при всем идеализме, которым проникнуты современные исследования, тотчас проявляется человеческое корыстолюбие, как только поднимается вопрос о судьбах вновь открытых далеких земель, Арктика и Антарктида составляли в этом отношении исключение; экономических выгод здесь ожидать нельзя было, но зато какое богатство научных завоеваний! Поэтому современное культурное человечество и смотрит на обе эти области, особенно на южные полярные страны, как на священную землю, на которой каждый, кто серьезно желает потрудиться над поднятием завесы с погруженных в ледяную ночь крайних областей обиталища человека, является желанным гостем. С того момента, как эта завеса будет поднята, человечество, потеряв это общее достояние, почувствует себя беднее.

Оглавление

Введение.....	3
АВСТРАЛИЯ И ТАСМАНИЯ КАК ЧАСТИ	
ОБИТАЕМОЙ ЗЕМЛИ.....	11
Австралия.....	11
Положение Австралии.....	11
Ландшафт.....	13
Водные объекты.....	14
Климат.....	17
Растительный мир.....	18
Животный мир.....	20
Полезные минералы.....	21
Тасмания.....	22
НАСЕЛЕНИЕ АВСТРАЛИИ И ТАСМАНИИ.....	23
Место австралийцев в антропологии.....	23
Место тасманийцев в антропологии.....	26
Белый.....	27
13 ИСТОРИИ АВСТРАЛИЙЦЕВ.....	31
Цоевропейский период.....	31
История тасманийцев.....	35
История австралийцев.....	38
ИСТОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ АВСТРАЛИИ	
«ТАСМАНИИ.....	44
Колонизация Австралии.....	44
История открытия.....	44
Основание и первые годы существования	
, Нового Южного Уэльса.....	48
&	
Развш не Нового Южного Уэльса до середины	
XIX столетия.....	62
Образование и развитие колоний до середины	
XIX столетия.....	76
Колонизация в связи с исследованием материка.....	76
Колонизация Тасмании (Вандименовой земли).....	78
Порт-Филипп (Виктория).....	88
Квинсленд.....	92
Западная Австралия.....	• 94
Южная Австралия.....	100
Колонии во второй половине XIX столетия.....	104
Обретение самостоятельности.....	104
Открытие золота.....	109
Развитие Австралии в XIX в.....	112
Экономическое развитие.....	112
Духовное развитие.....	119
Военное дело.....	121
Завершение внутреннего устройства и первые попытки	
выйти за пределы материка.....	123
Стремление к объединению.....	126
ОКЕАНИЯ КАК ЧАСТЬ ОБИТАЕМОЙ ЗЕМЛИ. '.....	129
Положение, величина и распределение островов.....	129
Ландшафт островов.....	131
Климат.....	133
Растительный мир.....	135
Животный мир.....	137
НАСЕЛЕНИЕ.....	142

Место океанийцев в антропологии.....	142
Переселения океанийцев.....	144
ИСТОРИЯ ОКЕАНИЙЦЕВ.....	149
Из далекого прошлого.....	149
История меланезийцев.....	153
Общий очерк	153
Фиджи.....	155
История микронезийцев.....	158
История полинезийцев.....	160
Восточная Полинезия.....	160
Гавайи.....	171
Самоа.....	181
Тонга.....	188
Новая Зеландия.....	193
МИССИЯ В ТИХОМ ОКЕАНЕ.....	213
Миссия в Австралии	213
Миссия в Океании.....	213
КОЛОНИИ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ.....	218
АНТАРКТИДА.....	221

*История Австралии и Океании —
с древнейших времен и до начала XX века.
Масштабное, глубокое, но в то же время
доступно написанное произведение,
в котором собственно исторический
обзор соседствует с интересными
фактами антропогеографии и особенно
этнографии.*

